

ФАКТУМ 2012

ЛОКАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМУМ

Веров Гриценко Клещенко Красносельская Лескова Лих Лотака Лукин Первушин

Антологии (Снежный ком)

Антон Первушин
Фантум 2012.
Локальный экстремум

«Снежный Ком»

2012

Первушин А. И.

Фантум 2012. Локальный экстремум / А. И. Первушин —
«Снежный Ком», 2012 — (Антологии (Снежный ком))

ISBN 978-5-904919-32-0

Мир меняется. Находясь внутри системы, не знаешь – движется она или покоится, и мы не замечаем этих изменений. Каким станет человек, если изменить его природу – чудовищем, высокогуманным сверхсуществом или скучающим скотом? «Фантум» – об этом. Какими станут взаимоотношения людей с наукой и техникой скорого и неизбежного будущего? «Фантум» – и об этом. Как изменится мир, в котором мы живём? И можно ли понять мир будущего, не поняв мира наших далёких предков? «Фантум» – и об этом тоже. Авторы сборника – известные и дебютанты, мужчины и женщины, молодые и умудрённые опытом, но каждый даёт свой ответ на «проклятые вопросы».

ISBN 978-5-904919-32-0

© Первушин А. И., 2012
© Снежный Ком, 2012

Содержание

Акцент первый. Этика. Почти как люди	5
Наталья Лескова	5
Антон Лик	36
Иван Ломака	47
Ярослав Веров	61
Александр Гриценко	69
Сон первый, в котором проклятое место свивается с сетью Интернет	69
Глава вторая	69
Сон второй, в котором голоса выносят приговор Сергею	71
Глава четвертая	71
Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор Сергею	73
Глава шестая	73
Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор	74
Глава восьмая	75
Глава девятая	79
Сон третий, который проходит в онлайн	81
Глава одиннадцатая	84
История первая (возможная)	85
История вторая (альтернативная)	89
Глава четырнадцатая	91
Мистер Майка	93
Акцент второй. Техника. Люди как люди	94
Антон Первушин	94
[Граничные условия]	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Фантум 2012

Локальный экстремум

Антология научной фантастики

Акцент первый. Этика. Почти как люди

Наталья Лескова
Чудовища

Парень лежал на лестничной площадке между моей дверью и соседней. Типичный трущобный подонок: короткая куртка цвета ржавой пыли, ядовито-лиловый поникший гребень волос, с полкило металлического лома на ушах... Пьяный. Или мертвый. То и другое было одинаково естественно для округа Син. Моя реакция тоже должна быть естественной: подвинуть тело ногой, чтобы не мешало пройти. Но всё же я наклонился. В это время он пошевелился, и мне в нос ударил кошмарный запах перегара.

– Ад, – прохрипел он. – Ты тоже его видел, да?

Он засмеялся визгливым пьяным смехом. И темнота навалилась на меня.

Ад. Ад кругом. Мир перевернут. Бежать. Заборы. Провода. Люди. Толпы. Мертвые люди на мертвых улицах. Все мертвые. Ненавижу! Ненавижу!!! Мертвых ненавижу. Живых презираю. Дайте небо! Вырваться. Вырваться!!! Ад снаружи. Ад внутри. Когда всё стало Адом? Мир перевернут. Сталь съела небо. Солнце за решеткой проводов. Не хочу. Вырваться. Перевернуть мир обратно. Взорвать. Уничтожить. Невозможно. Чудовища вокруг меня. Догоняют. Ад. Ад человеческих лиц. Чудовищных морд. Окружили. Я хочу умереть!!!

Я открыл глаза – голова ответила болью. Жалкая клетушка комнаты, такая же, как моя, только окно с другой стороны. И чисто кругом. У меня так чисто не было с тех пор, как я въехал. Впрочем, даже тогда так не было. Стерильно, как в морге. Брр. Ненавижу чистоту! Похмелье тоже ненавижу...

– Очухался? – Низкий голос шел из-за спины. Я с трудом повернул гудящую голову, посмотрел на говорившего. Ну и типчик! Вроде парень как парень. Моих лет, среднего роста, среднего телосложения, волосы средней длины, лицо тоже усредненное. Представитель среднего класса, серый и мертвый. Вот только глаза... Глаза не мертвяка – чудовища. Еще более страшного, чем я.

– Очухался? – повторил он.

– Хрен знает, – я попытался встать. Зря попытался. – Я тут блевану, не возражаешь?

– Возражаю.

Его тон был таким, что тошнота, поднявшаяся было от желудка вверх, быстро подалась назад – вниз, до самых пяток. Вместе с душой.

Некоторое время мы молчали, смотрели друг на друга. Изучающе.

– Ты транслер? – спросил он вдруг.

– Чё?! – Я постарался вложить в вопрос столько возмущения и недоумения, сколько могло вместить в себя короткое слово.

– Ад. Ад кругом. Мир перевернут. Бежать. Заборы. Провода. Люди. Толпы. Мертвые люди на мертвых...

– Заткнись, – оборвал я его монотонные слова, отражающие мои образы. – И так тошно. – Я помолчал немного и со вздохом признался: – Баньши я.

– Баньши? – В его глазах появился сдержанный интерес. – С большим диапазоном трансляции?

– С большим. На полкилометра могу вопить.

Я заметил, что в моих словах чуть ли не гордость проскользнула. И стало еще противнее – вот, гордится чудовище своей чудовищностью! Посмотрите, какие клыки! Какие когти!

– И что же такой выдающийся баньши делает в трущобах округа Син? – Он едва заметно усмехнулся.

– А не пофиг ли? – огрызнулся я. – Я же не спрашиваю, что псевдобог из Ячейки делает в этих же гребаных трущобах. Ты ведь ячеечный, да?

На его лице ни один мускул не дрогнул, только взгляд стал кошмарно-стеклянным. Я понял, что угадал, но легче мне от этого не стало. Вот уж повезло. Как висельнику. Что я знал о Ячейках? Кое-что знал. Может, и побольше, чем другие обитатели округа Син. И главное, что мне было известно: я ненавижу их всех до смерти. И даже сильнее.

– Не будем о прошлом, – сказал тем временем он с убийственным миролюбием. – Давай о будущем. Ты будешь работать со мной.

– Ага, разбежался, – я бы хрюкнул от смеха. Если бы желудок не сделал очередной кульбит. Я уже говорил, что ненавижу похмелье?

– У меня есть деньги.

– Засунь их себе в задницу.

Он вздохнул.

– Если бы я оставил тебя валяться на лестнице, то сейчас ты был бы мертв. И это в лучшем случае. Здесь округ Син, если ты не в курсе. Разобрали бы тебя живьем на органы, протрезветь не успел бы. Тебе следует быть благодарным.

– А я не просил меня спасать! Я, может, этого и хочу – сдохнуть скорее!

Его глаза сузились до щелочек.

– Сдохнуть, говоришь, хочешь? Так сдохни.

Он быстрым движением выхватил из внутреннего кармана куртки лучевик, протянул рукоятку вперед.

– Давай. Лучше всего стрелять в висок. Или в рот. Тогда наверняка. Или тебе помочь?

– Ты что, совсем псих?! – Я инстинктивно отшатнулся от оружия.

– Всё ясно, – он снова усмехнулся. – Только и умеешь орать: «Хочу сдохнуть! Хочу сдохнуть!» А на деле... Ты не можешь принять смерть. Поэтому перестань говорить ерунду.

«А ты можешь?» – хотел я опять огрызнуться. Но слова в горле застряли. Потому что понял: он может. Еще как может! Черт бы побрал этих ячеечных...

– И чего ты от меня хочешь? – спросил я.

– Чтобы ты транслировал. Так же, как вчера, но сознательно и направленно. В полную силу своих способностей. Страх. Безысходность. Отчаяние. Ненависть. У тебя это хорошо получается.

– Ты понимаешь, о чем просишь? – сказал я серьезно. – Понимаешь, какие могут быть последствия?

– Да, – ответил он спокойно.

– Да пошел ты!

Превозмогая похмельную тошноту, я поднялся со старого топчана и поковылял к двери. Он не шевельнулся. И только когда я взялся за ручку двери, сказал тихо:

– Ты спрашивал, видел ли я ад... Так вот, ада нет. Понял?

– Пошел ты! – повторил я и хлопнул дверью. Ненавижу!

Мальчик ушел, хлопнув дверью, как и положено разозленным детям. Я не возражал. Потому что знал: он вернется. Всё равно идти ему некуда. Как он там транслировал? «Ад внутри, Ад снаружи». Умереть не может. Жить не хочет. Типичное явление для человечества вообще и для жителей округа Син в частности – балансировать на краю в ожидании смерти, закрывая глаза, чтобы не видеть ее красоту и величие. Глупые, смешные люди. Люди... Я усмехнулся. Еще недавно я считал бы такие мысли недостойными. Но после трех месяцев, проведенных на дне округа Син, перебираясь из каморки в каморку, из притона в притон, из нечистот в нечистоты, я мог себе позволить думать о людях всё, что считаю нужным. И передумать успел многое.

Я подошел к окну, посмотрел на улицу. Стена соседнего дома была в метре от моих глаз, серая и глухая, собранная из блоков псевдобетона. Солнце в щель между домами заглядывает только в полдень, да и то не всегда. Обычно небо затянуто красновато-бурым смогом. Но и без солнца жарко – так, что к вечеру старый растрескавшийся асфальт начинает плавиться... На улицах вонь, и дело не столько в промо-выбросе, сколько в экономии на утилизации отходов. Но людям всё равно – у них слишком много хлопот, чтоб думать о таких мелочах, как грязь, вонь и смог. Да и о такой мелочи, как жизнь, они тоже не думают.

Таков округ Син изнутри. Изнаночная сторона внешне благополучного города.

Изнанка ли? Благополучного ли?

За три месяца я успел понять – цифры на экране, даже самые объективные, не всегда отражают реальность.

«Мир перевернут» – так он сказал?

Но кто его перевернул?

И как должен выглядеть неперевернутый мир?

Я привык смотреть на город сверху – с последних этажей Альфа-башни. Он весь как на ладони – мышинные пятна жилых кварталов, багряные нарывы промышленных зон, небольшие грязно-зеленые островки – места обитания привилегированных классов, облагороженные чахлой псевдорастительностью. И всё пронизано нитками транспортных магистралей, этими муравьиными тропами огней. Муравейник? Такой же, какой показал мне мой господин пять лет назад.

Да, сверху видно многое. Из окна моего нового дома вся панорама – соседская стена. И всё же последнее время мне казалось, что я стал видеть больше. Мой князь, предвидели ли вы это, с позором изгоняя меня из Структуры? Или именно этого вы и добивались?

И я снова вспомнил о муравейнике. О том дне, когда увидел его впервые там, в Экс-зоне. Где нет серых стен и бурых облаков. Где вместо убогой псевдорастительности зеленела настоящая, хоть и модифицированная, трава. Где жили настоящие, немодифицированные насекомые, а в скором будущем, возможно, трудами наших ученых, могут появиться и животные.

Муравейник раскинулся под большим колючим деревом – гора из травинки и сучков и копошащиеся вокруг нее существа. Да, он был похож на Город, если смотреть на него сверху. Те же транспортные магистрали, те же жилые кварталы, та же кажущаяся суетливость перемещений. Это на первый взгляд. Но если присмотреться, то становилось видно отличие. Главное. Смыслообразующее.

Степень упорядоченности.

– Идеальное общество, – сказал тогда Алон-Альфа-Примо словно в ответ на мои мысли. – Четкая иерархия, каждый выполняет свое предназначение. Рабочие работают, воины защищают, королева откладывает яйца. Это общество настолько совершенно, что не нуждается в управлении. Все социальные процессы находятся в стадии саморегуляции. Внутренний конфликт невозможен, любая внешняя угроза, соотносимая по силе, подавляется благодаря

избытку сплоченности. Такая групповая структура существует на протяжении веков, и это показатель ее устойчивости. Даже катастрофа, почти подмявшая под себя всё живое, включая человечество, их не коснулась... – Мой господин замолчал, потом повернулся ко мне. – Это ли не то, к чему мы должны стремиться?

После его рассуждений вывод был естественным и логичным. Но в вопросительном тоне князя мне почудился подвох.

– Простите мой вопрос, Алон-ден, но если бы город, подобно муравейнику, перестал нуждаться в управлении, то кем бы стали мы для такого мира?

Князь усмехнулся, подошел к большой куче и вонзил в центр свой жезл. Затрещали ветки, засуетились, забегали потревоженные насекомые. А мой господин стоял, смотрел на их суету и улыбался.

– Вот кем мы должны были бы стать для такого мира, Деко.

Тогда мне казалось, я понимаю. Но теперь, когда я смотрел не только на город, но и на Ячейки с самого дна округа Син, то я видел перед собой тот же муравейник. Мой князь, неужели вы ошибались? Или я не мог понять вас до конца? Что мне предстоит, господин? Какой из муравейников предстоит мне разворошить сейчас?

Чертов город шумел до звона в ушах, до рези в глазах. Ненавижу. Забиться бы в грязную вонючую дыру – такую, как моя комната – и не высовываться. Я так бы и сделал... Более того, именно так я и сделал. Пнул дверь этого чудовища – моего нового соседа, прошлепал в свою каморку. Темно, привычно. Душно, тесно. Выскочить из самого себя. Или выпить. Ненавижу быть трезвым – это еще хуже похмелья.

Как он сказал? «Ада нет»? Ха! И еще раз – ха...

Да что он вообще о себе возомнил, этот мудила ячеечный! Нифига они в своей Ячейке не знают о жизни! Тоже мне, высшая раса! Больные они, на всю голову больные. Выращенные в пробирке жертвы собственных научных извращений... И это дерьмо будет меня еще жизни учить?! Да чтоб они сдохли! Ненавижу!

И я пнул – что было силы – попавшийся по пути мусорный бак. Тот опрокинулся, вырыгнул из своей утробы кучу разнокалиберных отбросов, сдобренных зеленой вонючей жижей. Ну и пофиг – всё равно вокруг бака этой красоты немало валялось. Вот за что я люблю округ Син? За то, что куда здесь не плюнь – везде помойка. Душу греет. Почти ад. Которого вроде как нет. Ха и еще раз ха! Разуи глаза, урод, – вот же он! Или мне мало?

– Ого, какие люди! – Визгливый голос резанул по ушам. – Неужели это красавчик Вин тут на улице мусорит? Ай-я яй, как нехорошо, плохой мальчик...

Я повернулся, хотя мне этого не хотелось. Совсем. Видеть моего бывшего импресарио, его лоснящуюся от жира рожу, тоненькие волосочки, зализанные назад, чтоб скрыть лысинку, хищную улыбку, сверкающую зубом из псевдозолота, пальцы-сосиски, унизанные кольцами... Еще одно чудовище... Только мелкое и гадкое. Не страшное, но противное.

– Какого черта ты приперся, Кинрик? – выплюнул я.

– Ай-я яй, разве можно так говорить со старшими... Совсем плохой мальчик. Воспитывать тебя больше некому...

– Я спросил: какого черта ты приперся? Как ты вообще сюда попал? Или тебя тоже деклассировали? – спросил я со злорадством.

Впрочем, последнее вряд ли могло быть правдой: уж я то хорошо знал, что значит «процедура лишения всех прав». Имущество деклассированного изымается, включая псевдозолотые зубы. В обмен он получает весьма щедрый дар: бесплатная дезинфекция, серая роба, ключ от клетушки проживания, рабочая карта, продовольственный паек на три дня и пять кредитов «подъемного капитала». Вот и всё, живи и радуйся. Как хочешь, так и живи. Хочешь, как примерный гражданин на работу ходи, получай там денежную подачку и надежду на амнистию.

Благо предприятий в округе Син хватает – все самые тяжелые и грязные производства сюда вынесены. А не хочешь – не ходи. Валяй дурку и дохни с голоду. Или не дохни – в округе Син есть тысяча и один способ заработать деньги. Тысяча из них опасны и идут в разрез с законодательством и моралью, а один и вовсе приводит к мгновенной смерти. Ну и что из того? В округе Син нет места закону и морали. Закон и мораль – это для людей, а здешних обитателей права называться «человеком» уже лишили. А уж наши жизни вообще никому не нужны. Поэтому даже если мы тут друг друга живьем кушать начнем – никого это волновать не будет. Вот такой у нас тут ад. Рай, можно сказать. Полная свобода. И достать можно всё, что угодно, от лиловой краски для волос до зенитного комплекса «земля-воздух» докатастрофических времен. Вот только о том, какими путями всё достается, лучше и не вспоминать. Я, во всяком случае, не вспоминал.

Не похож был сытый и невозмутимый Кинрик на деклассированного. Никак не похож. А жаль. Этой сволочи здесь самое место будет.

Он приторно оскалился, шелкнул толстыми пальцами.

– Зачем приперся, спрашиваешь? Да вот тебя, дурака, искал. А как попал... Ну, когда в карманах денюжки звенят, куда хочешь попадешь. Скажу тебе по секрету, малыш, что можно не только попасть, но и выйти... Ты понимаешь, о чем я, детка?

Понимаю? Понимаю?! Да, я слишком хорошо понимаю! А вот он... Он понимает? Это что понимает?! Чудовище!

Я сжал кулаки, пытаюсь сдержать баньши-крик, ногти в ладонь врезались, глаза чуть из орбит не повылазили... Не был бы я сейчас трезвым...

Но, как бы я не сдерживался, видно, все-таки часть моей трансляции прорвалась, потому что Кинрик дернулся, невозмутимость с лица слетела. Но он снова сумел выдавить из себя улыбку.

– О, смотрю, ты в хорошей форме, малыш... – проворковал он и тут же заговорил серьезно. Ага, он и это умеет, когда требуется. – Вин, я понимаю, что ты чувствуешь. Но нельзя же так... Из-за небольшого недоразумения пустить всё прахом! Ты звездой первой величины мог бы стать... Этот Брин – помнишь его, звездюлька из Шоу Проектов, сейчас он тон задает, – он тебе в подметки не годится. Трансляция слабенькая, да и сами программы – дерьмецо. Любовь-морковь, небольшая страстишка, чуть-чуть любовной муки – и сразу наслаждение. Девочкам-малолеткам поначалу нравилось, но сейчас и им приелось. Публика хочет бури... Твоей бури. Безумец Вин должен вернуться. Понимаешь? Я всё подготовил. Только скажи – и амнистия...

– Да пошел ты! – бросил я ему. И сам пошел. Подальше отсюда.

– Не так быстро, Вин, – на мое плечо опустилась лапища. Не Кинрикова – у того не лапы, а так, лапки, даром что пальцы поперек себя толще. Загребущие, конечно, лапки, но человека такими не загрести. Для работы с людьми у Кинрика специальные конечности имеются. И принадлежат они Большому Хо, телохранителю хренову. Откуда он только здесь взялся? В тенечке, что ли, прятался? Чтоб меня заранее своим видом не пугать? Знает Кинрик, как мы с Хо друг друга любим. Ага, так же, как вирус и антивирус в одной системе, только еще сильнее. Впрочем, явления Хо и следовало ожидать – в таком месте, как округ Син, без телохранителя делать нечего.

– Действительно, не так быстро, – это уже сам Кинрик. Теперь он не улыбается, маленькие сальные глазенки злобой сверкают. – Ты хоть понимаешь, сколько я денег в тебя вбухал? На помойке тебя подобрал, одел-обул, в люди вывел... Концерты, полные залы, фанаты – это всё, думаешь, тебе с неба свалилось?

– А сколько ты сам на этом заработал, будем считать? – поинтересовался я, пытаюсь стряхнуть с плеча лапу Хо. Безрезультатно.

– А сколько я потерял после твоего последнего концерта? Давай, считай, если хочешь! Только сальдо в мою пользу будет, малыш. Ты еще посчитай, сколько я потратил, чтоб добиться пересмотра твоего дерьмового дела. Ты мне должен, понял, ублюдок?! И ты будешь отрабатывать, пока всё не отработаешь...

И тут меня прорвало, уже не сдержаться.

– Отрабатывать, говоришь? Давай, отработаю. Еще пару концертов хочешь? Таких как последний? Пси-искусство в моде – так заработаем на пси-искусстве, ага? Что значит несколько десятков смертей по сравнению с кучей кредитов? Впрочем, этот мир перевернут, так какая разница? Давай, я вернусь! Давай, дам концерт! И пусть все сохнут! Не жаль! Никого не жаль! Всё равно они мертвяки! Своих эмоций нет – решили чужими побаловать? Бурю им подавай! Страсть! Ненависть! Чудовища! Будет вам ненависть! Много ненависти, чтоб лопнули! Прошлый раз ничему не научил, да? Добаловались? Насладились?! Тридцать два самоубийства после концерта! Так и надо им всем. Хочешь повторения? Хочешь?! Ненавижу! Ненавижу! Чудовища! Все вы – чудовища!

Хо мое плечо отпустил, назад отшатнулся. Кинрик притих, вжался в стеночку, псевдокожаной тувелькой в зеленую жижу, вытекшую из мусорного бака, заехал. Я не знал, что происходит сейчас с ними. И знать не хотел!

«У тебя это хорошо получается», – так он сказал, да? Ха! Да, мудака ячеечный, прав ты. Хорошо! Только это у меня хорошо и получается – ненавидеть. А ненависть, оказывается, весьма востребованный продукт в этом перевернутом мире. Нарасхват просто. Покупателей тьма, кому бы продать? По мне так лучше чудовище с мертвыми глазами убийцы, чем чудовище с жирными загребущими пальцами.

Пойти сейчас, что ли, к нему, к моему соседке, крикнуть, что согласен? Ты же ненавидишь этот мир, не так ли, Безумец Вин? Так почему бы и нет? Почему бы в самом деле его не уничтожить? Эти мертвые серые толпы, которым ни до чего нет дела... Эти мертвые дельцы, у которых кредитка вместо сердца и банкомат вместо разума... Эти мертвые, равнодушные ко всему Ячейки, захлебнувшиеся в нечистотах собственных теорий о светлом будущем... Эти чудовищ, окруживших тебя со всех сторон... Жалеть их?! Мучиться из-за них?! Вин, да ты свихнулся!

Но если так, то из-за чего я не просыхаю уже второй месяц? Чтобы забыть о чувстве вины? Или чтобы не думать об открывающихся перспективах? Чудовище познало вкус крови... Что будет с этим чудовищем?

Черт, мне срочно, срочно нужно напиться!

О том, что сосед возвращается в свою комнату, я узнал сразу. Во первых, он во всё горло пытался голосить похабную детскую песенку «На сером асфальте лежит твоя тушка», путая слова и проверяя ноты. А во вторых, я почувствовал небольшую сопутствующую трансляцию в пси-диапазоне. Я различал страх, ненависть, отчаяние... Кажется, так они называются, эти непродуктивные чувства? Впрочем, как бы они не назывались, это то, что нужно. На собственной шкуре проверено.

Я, заранее поставив психоблок, вышел из каморки, привалился спиной к косяку. Сосед меня не заметил, подошел, пошатываясь, к своей двери, попытался засунуть ключ в замок, но вскоре оставил эти безрезультатные попытки. Сполз по стенке, уселся на пол, икнул и закрыл глаза. Нет, он в самом деле безнадежен.

Наклонившись над ним, я достал ключ из его рук, открыл дверь. Запах, идущий из комнаты, меня чуть с ног не свалил. А свалить меня с ног – вещь небывалая. Насколько же страшным должен быть ад внутри, если человек создает себе такой ад снаружи? А впрочем, чем ему хуже, тем мне лучше.

– Вставай, – я пихнул его в бок.

Он попытался открыть глаза. Безуспешно. Хрюкнул и захрапел.

– И охота вам с ним возиться, господин хороший? – На лестничную клетку шагнул человек. Невысокий, полноватый, с маленькими бегающими глазками. Следом за ним шагал второй – высокий и плечистый.

Становилось интересно.

– От мальчика одни хлопоты, – продолжал тем временем толстяк. – Но теперь забота о нем – наше дело. Ладненько? Бери его, Хо, и тащи сюда...

Плечистый детина двинулся ко мне – и остановился. Потому что я продолжал стоять между ним и мальчишкой.

– Эй, господин хороший, я ведь уже сказал: теперь забота о нем – наше дело. – В голосе толстяка слышалось раздражение.

– Не думаю, – ответил я.

– Хорошо. Сколько вы хотите за этот мешок с дерьмом и пропитыми потрохами?

– Нисколько. Я не торгую своим напарником.

– Напарником, значит... – процедил он сквозь зубы. – Ну что ж, значит, я сэкономлю свои денюжки. Хо, разберись.

И громила двинулся ко мне. Он успел сделать шаг до того, как рукоять лучевика опустилась на его плечо, ломая кость. А дуло оказалось направленным в голову его хозяина.

– Вам лучше уйти.

Раненый взвыл, как сработавшая сигнализация, и откатился назад, в падении выхватывая оружие из кобуры. Что ж, это достойно – несмотря ни на что стремиться исполнить свой долг, следуя приказу хозяина. Но совершенно нецелесообразно. Для человека его движения были достаточно быстры. Но мой выстрел превратил пистолет в его руках в оплавленный кусок металла раньше, чем он успел прицелиться.

– Назад, Хо! – Крик толстяка был запоздалым – громила уже благоразумно отступил, не дожидаясь приказа. Это было целесообразно, но уже не достойно. Что с них взять – люди... – Назад, Хо, – повторил он уже спокойнее. – Эта птичка не нашего полета. Прощеница просим, господин хороший. Мальчишка – ваш. Вот только хлебнете вы с ним, с нашим истеричным красавцем. Что он умеет лучше всего – это подкладывать большую свинью друзьям. В самый неподходящий момент. Только вы думаете – ого, он вам устроит – пшик. Помяните мои слова...

И толстяк начал устало спускаться. Раненый громила, бросив на меня взгляд, полный злости, поспешил за ним.

А я взял мальчишку за шиворот, заволок в комнату и свалил тело на некое подобие матраса, покрытого толстым слоем мусора.

– Я второй раз уже тебя спасаю, – сказал я вслух, сам не зная зачем. И пошел к выходу.

– Нафига тебе это надо? – спросил вдруг он вполне членораздельно.

– Что именно? – Я повернулся.

– Спасать меня. Причем второй раз.

– Ты мне нужен. Я уже говорил – будешь работать со мной.

– Ха! Всё уже решил, да? А мое мнение тебя интересует?

– Нет.

Он рассмеялся – истерично, взхлеб. Потом резко оборвал смех, спросил серьезно:

– Ты мог их убить? Этих двоих?

– Мог.

– А почему не убил?

– В этом не было необходимости.

– А если бы была?

– Убил бы.

– Убил бы... – повторил он. – Просто так убил бы? И всё?! Без раздумий? Без раскаяния? Я вздохнул. Вот как ему объяснить, что всё, о чем он говорит, – это лишь тени на стене? А гоняться за тенями – бесполезное занятие. Взаимодействовать можно только с тем, что эти тени отбрасывает. Это очевидно. Но он не поймет. К сожалению. Или к счастью?

– Да, просто убил бы, – только и оставалось мне ответить.

– Ты всерьез веришь, что ада нет?

– Я это знаю.

– Неправда!!! – Это был вопль баньши, такой мощный, что блокировка не выдержала, позволяя чужим эмоциям наполнить меня. *Боль. Ненависть. Убить. Разрушить. Чудовища. Чудовища вокруг. Ад. Ад! Спасение.*

Всё стихло.

– Ад... Должен быть! Он должен быть!!! Если его нет, где мне получить искупление? Ада нет – нет надежды... Если его нет, где найти приют чудовищу? – Он всхлипнул, обхватил руками колени, сжался в комочек на грязном вонючем матрасе.

– Если ты настолько слаб – можешь верить в свой ад, – я пожал плечами. – Тогда тебе стоит нагрешить побольше, чтобы было что искупать. Тридцать две смерти – это не солидно.

– Ты знаешь? – Он поднял на меня горящие глаза.

– Я навел справки о тебе, Вин К. Делий.

– А ты... Ты скольких убил?

– Я не считал. Это не имеет значения.

– Ты чудовище! – Он снова засмеялся пьяным смехом. – И я пойду с тобой. Потому что ты превратишь мир в ад. Если его нет, мы его сделаем! Наш собственный ад для чудовищ!

Его смех оборвал кашель, сменившийся рвотой. А потом он без сил упал на свое ложе, затих.

Я вздохнул, посмотрел на него с сожалением.

– Ты уже в аду. Что тебе еще надо? А мне нет до этого дела.

Не знаю, слышал он меня или нет. Но я сказал правду. Сожаление о содеянном, раскаяние – ничего не имеет значения перед лицом смерти. Есть только ты и то, что ты должен сделать. И на этом пути не нужны такие механизмы защиты от самого себя, как ад и рай. Не так ли, Алон-ден, мой господин?

Ненавижу чистоту. Не жилая комната, а медицинская палата. Зайдешь в такую и даже не поймешь, кто здесь живет. И живет ли кто-нибудь. Задыхаюсь я от чистоты! Так задыхаюсь, что хочется напиться до невменяемости.

Но он сказал: «Никакого спиртного». Так сказал, что я понял: действительно никакого... И мне совсем не хотелось проверять, что случится, если я все-таки напьюсь. А может, дело было в том, что мне самому захотелось протрезветь? Заниматься инвентаризацией своей чудовищности лучше на трезвую голову, ага?

– Как долго ты можешь транслировать при максимальной интенсивности волны? – Мой новый работодатель смотрел на меня, как на бациллу под микроскопом.

– Фиг знает... – пожал я плечами. – Концерт обычно идет около двух часов. Но я не воплю весь концерт на одной ноте. Пси-искусство – это не пси-оружие! Постоянно приходится менять и интенсивность, и диапазон... Всплеск, буря, тишина, расслабление, потом снова по нарастающей. Вначале гонишь агрессию, непокорность, жажду бунта, ненависть. Потом побольше отчаяния, страдания и муки, чтобы гады идеей прониклись по самые железы... А потом – надежда на победу, светлая грусть, удовлетворение... Обыватель засыхает, если ему надежду в голову не вложить. Но с ней, главное, не переборщить. А то кайфа никакого. Какой может быть кайф, если всё хорошо?

– Странно, – мой сосед чуть сдвинул брови. – Почему когда всё хорошо, кайфа быть не может? Мне давно интересно – почему баньши-певцы на концертах отдают предпочтение непродуктивным отрицательным эмоциям и так редко транслируют любовь, дружелюбие, радость?

– Потому что они никому нахрен не нужны, – пожал я плечами. – Много ли радости от чужой радости? Шиш да маленько, мертвякам точно не хватит. Этот мир перевернут – чего удивляться, что ненависть важнее любви? Сам подумай, кто на пси-концерты ходит? В основном – заезженный средний класс. Днем работа, вечером работа, ночью работа. Всё на благо родной цивилизации. Да и себе денег заработать, чтоб было на что статус подтвердить в конце года. Так и жизнь прошла. А чтоб она напрасной не казалась, хочется не розовых соплей в сиропе, а чего-нибудь остренького. До дрожи в коленках себя живым ощутить. Пострадать вволю, на борьбу подняться, сражаться яростно, ненавидеть от всей души, почти проиграть в схватке – и в конце увидеть луч победы... Маленький такой лучик. Большого мертвякам для счастья и не надо... И между прочим, рецепт не нами придуман. Ты старые фильмы-книги видел? – спросил я и, не дожидаясь его кивка, продолжил: – Я вот видел... И там тоже все сплошь страдают! И там тоже все сплошь мучаются! Чем больше страдают-мучаются, ненавидят-отчаиваются – тем круче шедевр. Даже если любовь показывают, то обязательно с каким-нибудь вывертом, чтоб герои еще сильнее пострадали.

– Но почему? – снова спросил он. Равнодушненько так, как и положено чудовищу. Но спросил. Неужели этому ячеечному болванчику так интересны человеческие эмоции?

А в самом деле, почему?

– Фиг знает, – пожал я плечами. А потом подумал и вдруг понял. – Почему-почему... А потому! Сам подумай. Радоваться человек и так может. Зарплату там прибавили, жена приласкала – вот и радуйся по самое не хочу. Никому от этого не убудет. А попробуй поненавидь, да еще со всей силы, да еще активно... Так и по морде схлопотать недолго. Или язву заработать. Попробуй сам поотчаиваться пару месяцев – с ума сойдешь. Попробуй побунтовать – деклассируют. Понял? Розовые сопельки безопасны, поэтому их можно из самого себя в любое время поизвлекать и полюбоваться. Зажег маленький огонек – и грей ручки. А большой костер распалить... Ага, хотелось бы, он-то до самого основания души согреет. Вот только потушить этот пожарище... Так ведь и весь дом сгореть может. Да и утомительно такое пламя разжигать... Нафига это мертвякам, когда есть всё готовенькое? Примерил на пару часов на себя чужие страсти, умылся чужими слезами – и можно спокойненько к своим делам вернуться. А сейчас совсем халява. Там, в фильмах-книгах, нужно было работать, воображение подключать, сочувствию учиться, чтоб свой кусок чужих эмоций урвать. Теперь тебе их на ложечке подают. Хочешь страданий – вот тебе страдания! Хочешь ненависти – вот тебе ненависть. Хочешь борьбы – вот тебе борьба. Почувствуй себя героем! Мир перевернуть – пожалуйста! Уничтожить ячейки – да как два пальца обоссать! А потом домой – и баиньки. И всем хорошо. И им хорошо, и вам хорошо, так ведь? Вы, сволочи, ведь поэтому даже самые радикальные виды культурного самовыражения не запрещаете? Пусть быдло до конца прочувствует классовую ненависть во время концерта, а потом продолжает спокойно таскать ярмо. Это как вакцинация против революций. Главное, с этим тоже не переборщить. Протест в искусстве приемлем, если он строго дозирован... А примо-князья будут гордо именоваться самыми либеральными правителями в мировой истории. Чудовища вы долбаные!

Я сам не заметил, как увлекся. Мало того что говорил взахлеб, так еще и почувствовал себя так, словно на концерте. И даже транслировать начал – не на полную силу, конечно, так, фоном. Ту самую классовую ненависть и жажду бунта, которую так в народе любят... Неужели по сцене соскучился? Эх, Кинрик, жаль, ты меня сейчас не видишь!

А мой сосед слушал. Очень внимательно. Даже начал барабанить пальцами по краю стола, о чем-то своем размышляя.

– Красиво рассуждаешь, – сказал он наконец. – Не ожидал.

И это всё? Он даже на «сволочей» не обиделся? И на «чудовищ»? И на «долбанных»? Впрочем, на правду и не обижаются.

– Ха! Думал, что я могу только в терминах округа Син изъясняться? Я, между прочим, приличный мальчик из благородного семейства, урожденный высший класс, школу с отличием закончил... Почти закончил... – Я тряхнул головой, чтобы выбросить нахлынувшие воспоминания. Сказать или не сказать? Пожалуй, скажу. Чтобы не строил иллюзий по поводу моей лояльности. Впрочем, он и не похож на человека, способного строить иллюзии. Тем более справки наводил, наверняка всё обо мне доподлинно знает. Но... Я всё равно скажу. Пусть еще раз узнает, от меня. Лично. – Ты помнишь «Дело роботехников» пять лет назад?

– Да, – коротко кивнул он.

Помнит! Хоть кто-то помнит. А большинство живет по принципу: «Нас это не касается». Даже тогда, в разгар судебного процесса, все предпочитали делать вид, что ничего не происходит! Главное – чтоб нас не трогали, всё остальное – пофигу. А теперь всё случившееся и вовсе выкинули из памяти, словно и не было ничего. Словно это естественно – ликвидировать полсотни лучших ученых, отформатировать все данные разработок, способных перевернуть нашу жизнь... Всё уничтожить и забыть. А ячеечные помнят. Конечно, кому еще помнить, как не им, тем, кто вынес приговор? Ненавижу! Как же я их ненавижу!

– Так вот, мой отец был ведущим киберпсихологом проекта. До того, как в Ячейках признали киберпсихологию лженаукой, разрушающей устои общества.

– Ясно, – сказал он спокойно. – Ты поэтому так ненавидишь Ячейки?

– Ты думаешь, мне нужна причина для ненависти? – сказал я с горькой усмешкой. – Хотя любви к вам это не добавляет.

– Ясно, – повторил он.

И всё.

Черт возьми, неужели это всё, что он может сказать? Ни грамма сожаления, никакой попытки оправдаться! Пусть это не его конкретно вина, но...

Я захохотал, громко и яростно. Смеялся до боли в животе, до треска в висках. Смеялся до тех пор, пока не наткнулся на его взгляд, холодный и отрезвляющий. Смех исчез сам собой. Но это вправду смешно: оценивать поступки ячеечного чудовища, исходя из представлений о человеческой морали. Причем сильно устаревших представлений. Какое может быть оправдание? Какое может быть сожаление? Для тех, для кого не существует ада?

– Значит, на концертах ты подстраивал трансляцию под запрос псевдомаргинальной публики, я правильно понял? – Он продолжил разговор, возвращаясь к первоначальной теме, как ни в чем не бывало.

– Ага. Можно и так сказать. Играй по правилам, и будет тебе счастье.

– А что произошло на последнем концерте?

– Надоело... подстраивать... И по правилам играть надоело, – сказал я. Это было не совсем правдой. Потому что настоящую правду трудно объяснить словами. Обычный концерт, один из многих. Зрители – толпа мертвяков, пришедшая погреться у костра чужой жизни. Представители средних классов, решившие на два часа выползти из своей серости, чтобы пережить эмоциональную бурю. Чудовища. Чудовища!!! Окружили со всех сторон... Смотрят, ждут... Ненавижу! Их ненавижу. И нет для них надежды! Нет для них удовлетворения! Неужели они не видят, мы обречены?! Этот мир перевернут, ад снаружи, ад внутри, и нет выхода. Нет и не будет никогда. Всё безнадежно. Ненависть разбилась о стену отчаяния. Ничего нельзя сделать. Некуда идти. Чудовища вокруг. И внутри чудовище. Всё, что остается сделать, – это сдохнуть!

И они сдохли. Не сразу. Эмоциональный шок, депрессия, сумасшествие, самоубийства... Тридцать два смертельных случая – это только верхушка айсберга. Это то, что произошло в

течение недели после концерта. О чем кричала Служба Информации. А что стало с остальными, я не знаю. И знать не хочу!

– Тебя судили?

– Да. Прокурор утверждал, что это было умышленное негативное пси-воздействие, и настаивал на моей ликвидации. А адвокат обвинял во всем неконтролируемую эмо-вспышку, вызванную переутомлением, и считал, что можно обойтись деклассированием. А мне было пофиг.

– Разве? Я слышал, ты настаивал на ликвидации.

– И что?! Адвокат счел это лишним доводом в мою пользу – искреннее раскаяние и всё такое. Да еще фанаты, придурки, петицию в защиту написали... И мне оставили жизнь. Видно, не заслужил я быстрой и легкой смерти... А деклассированным быть не привыкать. Наша семья уже через это прошла, после того, как арестовали отца. Тогда мне удалось подняться со дна благодаря таланту баньши и моде на пси-искусство. А теперь я не хочу подниматься.

– Ясно, – сказал он в третий раз. Я разозлился окончательно.

– Чего тебе ясно?

– Что с тобой можно работать, – он был невозмутим. Ненавижу невозмутимость.

– И что ты собираешься делать? Очередной эксперимент Ячейки на пси-устойчивость населения?

– Нет. Но тебе понравится. Я хочу...

В это время в дверь постучали. Я даже глазом моргнуть не успел, как лучевик оказался в его руках.

– Открой, – обратился он ко мне.

– Ха, раскомандовался, – огрызнулся я для очистки совести и потопал к двери. Спорить с человеком, который считает, что ада нет, и держит в руках оружие, по меньшей мере, глупо.

За дверью стояли двое. Безобидная такая парочка: молодящаяся краля высшего класса, шедевр пластической хирургии, этакая госпожа Стерва, и прилизанный хлыщ-красавчик в эскорте. Ничего необычного. Ничего страшного. Богатая шлюшка и ее альфонс, картина маслом. Вот только я провел достаточно времени в лабораториях отца, чтобы научиться отличать человека от дрона. А то, что красавчик-хлыщ был дроном, у меня сомнений не было. Надо же, я даже не думал, что они еще остались в употреблении! Наверное, дамочка большие связи имеет, если ей позволили иметь запрещенную игрушку. Может быть, последнюю сохранившуюся игрушку. Последнюю... Я головой тряхнул, прогоняя забытые видения – горатреснулся. Но дамочка, похоже, приняла мое движение за приветственный поклон, удовлетворительно кивнула и уверенно шагнула внутрь комнаты.

– Прошу прощения, – сказала она. Голос у нее был ну просто бархатный. Настолько приторный, что меня передернуло. – Мне нужен Лигейт-Альфа-Деко. Это вы? – Ее взгляд устремился мимо меня, тонким лезвием воткнулся в моего соседа. Ну да, уж я никак не похож на того, кто может именоваться тупым ячеечным номером.

– Уже не Лигейт, и тем более не Альфа... – Он ухмыльнулся, даже не пытаясь убрать лучевик. – В данный момент я не принадлежу Ячейке и лишен статусных именовании. Можете называть меня Деко, если вам угодно. Это тоже будет не совсем верно, но нужно же вам меня как-то звать.

– Очень приятно, Деко, – промурлыкала госпожа Стерва, и меня снова передернуло: уж слишком большая была разница между ее голосом и выражением лица. – А я Корнелия де Кориан. Но вы можете называть меня Кор. А это мой хороший товарищ Дружок.

Я не выдержал, хрюкнул от смеха. Все-таки в положении деклассированного есть свои преимущества – о манерах не надо заботиться. Хорош товарищ, даже человеческого имени не заслужил. Бедняга дрон, жаль его. Нет, в самом деле – жалко. Этот мир действительно пере-

вернут, если единственное существо, которое я могу пожалеть, это псевдочеловек. А остальные внушают лишь ненависть и отвращение.

– Что вы хотели?

Ствол лучевика по-прежнему смотрел в голову дамочке. Это он всё же зря. Никакое оружие не поможет, если дрон войдет в боевой режим, защищая хозяйку. Впрочем, я допускал, что и ячеечные мутантики чего-то в бою стоят. Битва гигантов, наверное, может получиться интересной, но небезопасной для окружающих. Не хочу я на такое смотреть. А хочу пойти к себе и напиться до зеленых чертиков.

– Может, продолжите без меня, а? – сказал я прежде, чем посетительница открыла свой напомаженный рот.

– Нет. Если речь пойдет о том, о чем я думаю, то тебе лучше остаться, напарник.

Напарник! Ха! Значит, я теперь его напарник?! У у, сволочь ячеечная!

– И о чем же вы думаете? – Мурлыканье почти дошло до точки шипения.

– Вы хотите предложить мне сотрудничество, заключающееся в действиях, направленных против Ячеек.

– Вы проникательны, Деко. Впрочем, я и не ожидала другого от псевдобога, – пропела дамочка. – Насколько я осведомлена, вы стали жертвой интриг между Альфа и Гамма Ячейками. Были обвинены в предательстве и приговорены к изгнанию, вечному позору и забвению. Даже ваш господин, Альфа-князь Алон, отрекся от вас. Мои сведения верны?

– Абсолютно, – ответил мой новоявленный напарничек, любезно и равнодушно. Только взгляд затвердел. Всё же есть у них чувства, у этих чудовищ, что бы там ни говорили. Пусть перевернутые, но есть. И это причина ненавидеть их еще больше. – Но если на основе этой информации вы полагаете, что я горю желанием отомстить за свое запятнанное имя, то вы ошибаетесь.

– Отомстить? Конечно, нет, я достаточно хорошо знаю Ячейки, чтобы делать такие нелепые предположения. Даже в изгнании вы будете верны своему долгу и своему господину. Речь не идет об Альфа-Ячейке. Но Гамма... Это их происки привели к вашему падению. Разве вы не хотите принести пользу своему князю, уничтожив тех, кто посмел противиться его воле?

Ух, хорошо говорит Стервочка. Как по писаному. Слова-то как подбирает – наверняка диссертацию по психологии псевдобогов защищала. Или, во всяком случае, читала кем-то другим написанную – если не диссертацию, то подробный доклад. Все ключевые слова в кучу собрала – и про долг, и про пользу, и про волю господина. Любого ячеечного пронять должно.

Я посмотрел на Деко – проняло или нет? Но по его лицу понять это было невозможно. Всё такое же непоколебимое равнодушное чудовище. Он только плечами пожал.

– Ячейки не враждуют друг с другом. Во всяком случае, открыто. Они являются единой слаженной системой и, несмотря на внутренние разногласия, не прибегают к ликвидации своих структурных элементов.

– Да, я знаю. Но вы теперь не часть системы, не так ли?

То, что она попыталась изобразить на лице, наверное, должно было носить название «лукавая улыбка». Но получилась злобная гримаса.

– Так, – Деко тоже улыбнулся. И почти с тем же успехом, что и его гостя. Мне даже страшненько стало. Но, к счастью, он тут же стал серьезным. – Я действительно больше не вхожу в структуру Ячеек и волен поступать по своему усмотрению. Поэтому мне ничего не мешает принять ваше предложение. Но прежде чем дать ответ, хотелось бы знать ваши мотивы.

– Мои мотивы! – Ее лицо скривилось еще больше. – Не стоит делать вид, что вы не знаете Корнелии де Кориан, лидера движения «Человечество»! Даже если мне удастся истребить хоть одну ячейку, это уже будет шаг к освобождению нас, истинных людей, из-под вашего гнета! Как видите, я вполне откровенна с вами.

Ага, вот, значит, как! Мне снова стало смешно.

Я знал о «Человечестве». В старые времена, когда я был сытым и довольным пятнадцатилетним мальчишкой, сам любил покричать на эти темы в компании таких же сытых и довольных детишек в перерывах между школьными занятиями и семейным ужином. «Мир для людей», «Долой псевдобогов», «Даешь самоуправление!», «Вся власть – Совету Высших». Ага. Как сейчас помню себя, провозглашающего эти лозунги на всю столовую, воинственно размахивая вилкой и ножом над синтетическим бифштексом. Песней разливался про «скинуть оковы» и «самим вершить свою судьбу». Великим политологом себя мнил, принимая отцовскую усмешку за признак одобрения, а мамыны кивки – «ты кушай, сынок, кушай» – за согласие. Тогда я не понимал того, что уже понимали они. Того, что хорошо понимаю теперь. Что всё это – та же жвачка, что пси-концерты для среднечеловеческого обывателя и виртнаркотик «эксит» для плебса. Игра в революцию и бегство от реальности. Чтобы не так скучно было таскать свое ярмо.

Низвергнутый в ад округа Син, я понял: разница между высшим и низшим классом только в красоте уздечки. И шоры на глазах у каждого свои. Вот и всё. Поэтому Ячейки и не трогают «Человечество». Знают – и не трогают. Потому от него столько же угрозы для них, сколько от моих пси-концертов. А именно – ноль целых ноль десятых. Ха, а может, даже они «Человечество» и спонсируют! Чтобы умные, богатые и влиятельные привилегированные классы развлекались, кричали о своем праве на власть прямо под ячеечным контролем! Бредовая мысль, но логичная. От чудовищ всего можно ожидать. Ненавижу! Как же я ненавижу их! Но самое дерьмовое – что моя ненависть ничего не изменит. Система такова, что тебя всунут туда тем или иным боком, даже исключая из нее – всунут. Любая борьба бесполезна. И нет выхода... Только играй по правилам, чтоб было тебе счастье... Бессилие – это, наверное, и есть ад...

– Я ценю вашу откровенность. И мы согласны сотрудничать с вами, – ровный голос Деко прервал мои размышления, уже готовые вылиться в баньши-крик. – Я и мой напарник поступаем в ваше распоряжение

Я не ослышался? Мы? Поступаем? В распоряжение? А мое мнение уже никому не интересно?!

Я посмотрел на госпожу Стерву, на своего гребаного напарничка, на равнодушного ко всему дрона и понял – не интересно. Вот чудовища!

Правильно говорили древние: на ловца и зверь бежит. Я был хорошим ловцом – ко мне прибежали сразу два зверя: дерганый мальчишка и хладнокровная дама. Случайность? Нет, чей-то точный расчет. Отчасти мой. А чей от другой части? Мой господин, насколько правильно я понимаю свою роль в этом цирке? Теперь показательные выступления закончились, начинается самое интересное. «Делай то, что должен» – таков изначальный девиз Ячейки. Знаю ли я, что должен делать? Надеюсь, что да. Я не подведу вас, мой князь.

Планер скользил по струне-туннелю, пронзая город. Округ Син мы покинули без проблем – лидер «Человечества» умела улаживать подобные проблемы быстро и четко. Нет, нас не восстановили в правах, просто выдали гражданские карты низшего класса на чужие имена. Долго в городе по таким не проживешь: система гражданского контроля – одна из самых отлаженных и разоблачат подлог быстро. Но ведь мы в город не жить возвращались, так что это было не принципиально. А для того, что мы собирались сделать, и этого более чем достаточно.

Вот уже остались позади и скучные псевдобетонные развалюхи округа Син, и типовые домишки жилых районов среднего класса, раскинувшихся под сенью высоковольтных линий. Над нами серое небо, под нами – серый асфальт. Лишь впереди, в элитной Фрискийской зоне размытыми точками зеленели редкие псевдодеревья. Безликий мир, созданный людьми. Не Ячейками. Тогда почему в своих бедах они обвиняют нас?

На память пришла последняя трансляция мальчишки – еще не оформившаяся, но весьма осязаемая. Ненависть, опять ненависть. Словно всё зло мира было в нас сконцентрировано. Я понимал – людям почему-то нужно кого-то ненавидеть, мы всегда были готовы принять и эту ношу. Так почему в этот раз его ненависть засела во мне, словно заноза? Это так сказывается воздействие чуждого эмоционального фона? Или влияние незнакомой обстановки, оторванность от привычной системы? Нужно быть осторожнее.

Корнелия де Кориан расположилась впереди, отделенная от нас непрозрачной перегородкой. Дрон вел планер. Да, дрон. Вот этого я не ожидал. А следовало. Следы избежавших уничтожения образцов терялись в недрах Бета-Ячейки, а оттуда до «Человечества» рукой подать. Может ли наличие псевдочеловека создать проблемы? Может. Можно ли использовать его с пользой для себя? Можно. И всё же...

– Эй, ты точно хочешь уничтожить одну из Ячеек? – Мальчик вскинул голову, стрельнул в мою сторону зелеными глазами.

– Я же говорил, тебе понравится эта работа.

– С какого перепугу ты взял, что она мне понравится?!

– Не ты ли совсем недавно кричал во всех диапазонах о своей ненависти к нам? Для которой даже особые причины не нужны...

– И что?! Я весь мир ненавижу. И себя за компанию. Но это не значит...

– Ясно.

– Какого черта тебе опять ясно?!

– Проблемы людей в том, что вы слишком много говорите лишнего. От тебя только и слышишь: «Ненавижу», «Хочу сдохнуть», «Хочу уничтожить», «Давай сделаем мир адом». Столько слов, столько эмоций... А за ними пустота. Слова не имеют веса. И тот, кто их произносит, не имеет веса. Поэтому люди в большинстве случаев бесполезны.

Я ожидал возражений, но он вздохнул тяжело.

– Думаешь, я этого не понимаю? Поэтому я и ненавижу людей вместе с самим собой. Потому что толку от нас, как от промо-выброса. Помнишь, я говорил про мертвяков, греющихся у чужого костра? Так вот, скажу по секрету... Этот костер – нарисованный... Такие мы и есть – люди... Как я всё это ненавижу! И вас ненавижу, потому что вы нас такими сделали!

– Ну да, нашел врага. Как это по-человечески, – ответил я. Заноза, что поселилась в системе несмотря на психоблок, шевельнулась. Я понимал, что объяснять ему что-то – бессмысленная трата времени, но сейчас я все-таки счел нужным объяснить. – Ты уверен, что мы? Ячейки, как особая социальная надструктура, выделились чуть больше века назад. А до этого, думаешь, люди были другими? Такими же и были. Именно поэтому и стали нужны мы – идеальный правящий класс.

– Прямо-таки идеальный? – Мальчик скорчил рожицу, пытаясь выразить сплав недоверия, презрения и сарказма. Я уже легко мог опознать эти чувства. Мой князь, кажется, я делаю успехи.

– Нет. К сожалению. Существующая модель функциональна, но далека от оптимальной. И всё же... Ты же в школе первого порядка учился, должен историю знать. Были короли-безумцы, уничтожающие сотни людей ради своей прихоти. Были диктаторы, одержимые манией величия и залившие мир кровью. Были дураки, не способные просчитать последствия своих действий. Были чиновники, погрязшие в коррупции. Была плутократия... Много чего было. И к чему всё это привело? К катастрофе. И не мы тому виной – мы тогда только в проекте существовали. И хорошо, что существовали – потому что именно мы сумели хоть как-то возродить цивилизацию после того, что вы натворили. Счастье, что некоторые из вас перед гибелью успели понять – людьми не могут править люди. Вы слишком мелочны и эгоистичны. Мы – другие. В нас с рождения заложены ответственность, чувство долга, приоритет общественного интереса над личным, преданность своему делу и своей структуре, четкое осо-

знание своего места в иерархии, способность мыслить стратегически и комплексно. Именно такими и были лучшие из ваших правителей. Несмотря ни на что мы сумели выстроить более или менее стабильную общественную систему...

– Если вы такие хорошие, почему мы живем в таком дерьме? – хмыкнул мальчишка. – Брось. Я мог бы еще поверить в эту сказочку, если бы по-прежнему был примерным мальчиком из школы первого порядка! Но ты ведь тоже жил в округе Син! Этот ад ты называешь «стабильностью»?

– Округ Син – не показатель. Нет. Точнее – это именно показатель человеческих возможностей к самоуправлению.

– О чем ты? – Мальчик дернулся резко, кулаки сжал, разве что зубами не скрипнул. Судя по его реакции, он уже понял, о чем я. И всё же я пояснил. Я сам не понимал, почему я это делаю, ведь желание оправдаться – лишь производная от чувства вины, этой большой тени на стенах пещеры человеческого разума. А тени не имеют смысла. Но... Последнее время мне часто казалось, что я блуждаю среди теней. Возможно, проговаривая истину вслух, я сам пытался выбраться на твердую почву.

– Вы часто ругаете нас, что мы создали слишком жесткую иерархическую структуру. Всё в городе решает статус, который зависит от интеллектуально-трудового потенциала личности. Мы берем от каждого по его возможностям и даем каждому права и привилегии, исходя из его вклада в развитие социума. Для нас это логично – чем больше человек делает для города, тем больше город делает для него. Но вы, люди, не любите логичных решений, и мы, заботясь о вас, должны были учитывать это. Поэтому мы и создали округ Син. Для тех, кто не хочет «играть по правилам», как ты выражаешься. Место, в дела которого мы не вмешиваемся. Место, где люди могут сами строить свою жизнь. Мы дали вам свободу, которую вы так желаете, – свободу выбора. Жить в нашем мире, выполняя возложенные на вас обязанности и имея соответствующие права, или строить свой собственный мир на предоставленной вам территории. Но что-то очереди из желающих «избавиться от нашего гнета» путем деклассирования я не наблюдал. А что касается жизни в округе Син – ты сам прекрасно видел, что вы сделали со своей свободой.

Мальчик дернулся, и я опять почувствовал его злость. На нас? На людей? *Чудовища. Чудовища вокруг. Со всех сторон. Окружают. Нет выхода...*

Я уже собирался усилить характеристики блока, как он сам прекратил трансляцию. Повернулся ко мне. В его взгляде не было ненависти или отчаяния. Только усталость.

– Ты действительно считаешь, что мы не сможем жить без вашего долбаного управления? Что в городе всё славненько-идеальненько? Лишь мы в округе Син такие плохие, а в остальном у вас – полный порядок? Ты действительно в это веришь?

– Я не могу позволить себе верить или не верить, – качнул я головой. – И я прекрасно знаю, что система далека от оптимальной. Сказать по правде, она гораздо дальше от оптимальной, чем мы предполагали... – На этом можно было бы остановиться, и я остановился бы. Но... До этого мальчик сам признал свою слабость, сказав про «нарисованный костер». И я решил ответить ему тем же. – Можно винить в наших проблемах предков, оставивших нам в наследство не самый лучший мир. Но это неконструктивно и недостойно, прошлого всё равно не изменишь. Можно винить вас, людей, вашу базовую нестабильность, жадность, глупость, агрессию и лень. С этим бороться бесполезно, потому что это обратная сторона вашей активности и вашего развития. Но можно еще и признать вину самих Ячеек. Их постоянную деградацию. Интриги, преследование личных интересов, неправильное понимание своего долга – это недостойно и это мешает нормальному функционированию. Система неэффективна, значит, она нуждается в реорганизации.

– Реорганизация? – Мальчик снова нервно рассмеялся. – Так ты этим сейчас собираешься заняться? Значит, уничтожение себе подобных у вас так называется? Реорганизация?!

– Да.

– Черт! – Он, что есть силы, ударил кулаком о перегородку, разделяющую салон планера. – Бесишь! Бесишь ты меня, ясно?! Сидишь тут и с постной рожей рассуждаешь о всяком дерьме, как хренов обозреватель в политик-шоу!

– Ага. Только есть одна разница. Слова обозревателя не весят ничего. А мои имеют вес моего лучевика. И твоего баньши-крика. Это те инструменты, с помощью которых мы будем реорганизовывать структуру.

– Ты чудовище! – сказал он свое любимое слово, и в его тоне за отвращением была заметна толика восхищения.

– Я лишь делаю то, что должен, – я пожал плечами. – Мое место в структуре – ликвидатор. Всё, что я могу, – выполнять свое предназначение и волю моего господина...

Я осекся. Пооткровенничали – и хватит. Кажется, в разговоре с ним я начал переходить границы дозволенного... Впрочем, кто теперь знает, где эти границы. Мальчик – не структурный элемент Ячейки... Как же трудно взаимодействовать с существами вне четкой иерархии!

Планер плавно затормозил возле высокого особняка.

– Прошу вас, господа, – Дружок, почти по-человечески улыбаясь, распахнул перед нами дверцу.

Снаружи особняк был роскошен, а внутри царил суровый дух минимализма. В комнате, где мы находились, не было ничего, кроме круглого столика, нескольких простых стульев и грубо сколоченной книжной полки. Вот только все эти предметы были из натурального дерева. Черт, дамочка живет с размахом! Ненавижу.

– Итак, перейдем к делу, – госпожа Стерва оперлась руками на столешницу. – Нам нужны ваши советы, Деко. Это план Гамма-башни...

– Какой подробный... – Деко ухмыльнулся. – Просто поразительно, что вам удалось его составить, если учесть, что людям закрыт доступ в Ячейки.

Госпожа Стерва злобно зыркнула в его сторону.

– Это вас не касается.

Ого! Неужели моя бредовая идея оказалась правильной – «Человечество» связано с кем-то из псевдобогов! Вся жизнь Ячейки представлялись мне большим монолитным чудовищем. Но не всё у них так просто, оказывается. Почти как у людей.

– Не мое так не мое. Но я хочу уточнить – в ваших интересах уничтожение всей Гамма-структуры?

– Конечно!

– А кто будет выполнять их функции – поддержание и развитие экономики города?

– Вас это тоже не касается, – голос Корнелии льдом обмораживал.

– А вот тут вы ошибаетесь, – мой напарник был абсолютно невозмутим. Почти как стоящий за спиной своей хозяйки дрон. – Я не являюсь структурным элементом Ячейки, но мои приоритеты – стабильное развитие города – неизменны. Я согласен с тем, что Гаммы не могут в полной мере справляться со своими обязанностями, но я должен быть уверен, что их полномочия будут переданы компетентным лицам.

– Среди высшего класса достаточно людей, которые разбираются в экономических вопросах лучше! – отрезала она.

– Ясно.

От этого слова дамочку передернуло, и я вполне понимал ее чувства. Правда, в отличие от меня она лучше умела сдерживаться, поэтому выдавила вымученную улыбку и промурлыкала:

– Я надеюсь, вы сможете подсказать нам, как устранить Гамма-псевдобогов. Сколько для этого надо людей? Средств? Ресурсов?

– Достаточно просто можно устранить, – Деко посмотрел вначале на Корнелию, потом на меня. – Для ликвидации всей структуры хватит нас четверых. Или троих – не думаю, что вам, благородной даме, следует принимать участие в боевой части операции.

На Стерву смотреть было больно. Челюсть отвисла, глаза выкатились. Впрочем, я, наверное, выглядел не лучше. А может, и хуже. А Деко даже бровью не повел, продолжал как ни в чем не бывало:

– Мой напарник – транслер типа «баньши». А эмоции – одно из слабых мест структурных элементов Ячейки. Нет. Единственное слабое место.

– Вот как? – Глаза Корнелии хищно вспыхнули. – Значит, правду говорят о вашей бесчувственности?

– Нет, неправду. Мы не бесчувственны и не безэмоциональны. Но наша высшая нервная деятельность является следствием глубинной пси-коррекции. Поэтому наш эмоциональный диапазон более узок, а интенсивность проявления в большинстве случаев уступает человеческой. Особенно это касается негативных эмоций. Было решено, что они непродуктивны и мешают нормальному функционированию. Поэтому они исключены из нашего базового эмоционального набора. О том, что такое ненависть, раздражение, отчаяние, страх, мы знаем, но лишь на уровне общих понятий. И трансляция подобной волны является для нас опасной. Это приводит к дезориентации, сумасшествию, при значительной интенсивности – к смерти.

– Почему же ты тогда не сдох, общаясь со мной? – не выдержал я. Госпожа Стерва чуть в стойку не встала, так заинтересовал ее ответ на этот же вопрос.

– Это секрет. Секрет Альфа-структуры в целом, – Деко самодовольно улыбнулся. – Считайте, что у нас есть маленькая подстраховка. Поэтому, уважаемая леди, не рассчитывайте, что можете запросто уничтожить все ячейки разом. Однако Гаммы действительно беззащитны перед пси-атакой. Чем мы и должны воспользоваться. Если возражений нет, предлагаю назначить день проведения операции.

«Если возражений нет», ха! Есть возражения, есть!

Псевдобог ячеечный печется о «реорганизации структуры». Это логично.

Богатенькая стервочка, под видом заботы о человечестве, хочет наложить лапки на горячие финансовые потоки. Это понятно.

Дрону высшее счастье в жизни – выполнять приказы хозяйки. Это естественно.

А какого хрена я тут делаю?!

Хочу изменить мир? Пытаюсь убедиться в собственной чудовищности? Ищу свой ад?

Так мир не изменится. Это безнадежно... Ты ведь знаешь это, Безумец Вин? Можно ненавидеть и презирать обывателей, но чем ты отличаешься от них? Сам греешься в пекле своей ненависти – это и есть твой бунт? Прав этот убудок ячеечный – ничего не весят ни твои слова, ни твоя ненависть. Да если бы я и мог изменить мир, куда его менять? Меняй не меняй – будет только хуже. Не станет ячеек – будет Совет самоуправления высших. Стоит ли менять зло на зло? По мне уж и в самом деле лучше такие чудовища, как Деко, чем такие, как госпожа Стерва. К черту мир! Он сам в это дерьмо влез, пусть сам там и сидит.

А в своей чудовищности мне убеждаться не надо. Убедился уже. Я могу убивать. Массово. Если на людей так действую, то гады ячеечные сами подохнут. А кто не подохнет – того псевдобог с псевдочеловеком добьют. Всё просто, концерт для трех чудовищ с оркестром.

И добро пожаловать в ад... Как он там сказал? «Тридцать две смерти – это несолидно»? Да пошел он!

Но... Если я всё равно чудовище, то какая уже разница? Не делать ничего или сделать хоть что-то? Пусть это неправильно, пусть это ничего не изменит, но сделать! Пусть это будет хотя бы месть – за отца, за мать, за наивного доброго мальчика, каким я когда-то был... Пусть это будет хотя бы бунт – демонстрация несогласия, даже если это профанация, всё же лучше

мертвого покорного молчания. Пусть это будет хотя бы самоутверждение – придать своим бесполезным словам хоть какой-то вес. Пусть будет...

– Если возражений нет, то два дня на подготовку, и послезавтра приступим, – под всеобщее молчание Деко объявил заседание закрытым.

Трансляция была слабой. Безнадежность. Злость. Раздражение. Этого мало.

– И это всё, на что способен хваленый баньши? – Безнадежность, злость и раздражение в голосе Корнелии были не только ответом на пси-воздействие.

– Как могу, так и транслирую! – огрызнулся мальчик.

– Неправда. Даже в пьяном виде ты транслировал сильнее, – заметил я.

– Ну так дайте мне выпивку!

– О, это уже интенсивнее.

– Да пошел ты!

– Вы уверены, Деко, что ваш напарник действительно на что-то способен? Может, нам лучше найти другого транслера?

Ответ превзошел мои ожидания. Почти на грани возможностей моего ментального блока.

– Прекрати!!! – яростно взвизгнула госпожа де Кориан и судорожно вцепилась руками в голову. – Продолжайте без меня!

Она быстрыми шагами вышла из подвальной комнатухи, которая была отведена нам под жилое помещение. Жилье как жилье, со всеми удобствами. Только экранированное от пси-воздействия. И это меня беспокоило. Вряд ли Бета-ячейка, стоящая за «Человечеством», без помощи профессора могла дойти до создания индивидуальных ментальных блоков. Но, в целом, ход их научной мысли настораживает. Впрочем, это уже не важно.

– Слушай, Дружок, – мальчик сел рядом с дроном, – ты знаешь, почему твоя хозяйка разозлилась?

– Теоретически, – кивнул псевдочеловек. – На ваше счастье. Потому что, если бы я мог увидеть в ваших действиях угрозу для госпожи, то вынужден был бы атаковать.

– Значит, ты не можешь ощущать пси-трансляцию?

– Нет, не могу.

– Но ведь ты способен испытывать суррогатные эмоции?

– Суррогатные эмоции? Это так называют? – Дружок горько усмехнулся, совсем по-человечески. – Псевдочувства для псевдочеловека.

– Извини, – мальчик нахмурился и отвернулся, сказал в никуда: – Псевдобоги, псевдолюди, псевдоеда и псевдорастения, псевдочувства и псевдосчастье... Тебе не кажется, что мы живем в псевдомире?

– Даже если и так, это всё, что у нас есть, – дрон поднялся. – Я ведь помню вас. Вы меня вряд ли помните, нас было слишком много. А господин Вин был один. Тот, кто пытался относиться к нам, как к людям.

Мальчик опустил голову, сказал в пол:

– Этот мир перевернут. Иногда мне кажется, из всех, кого я знал, вы единственные и были людьми. А остальные – чудовища.

И снова трансляция на грани возможностей блока.

Люди. Чудовища. Отец. Уводят... Навсегда. Слезы. Мама. Боль. Разрушено. Всё разрушено. Живые становятся мертвыми. Мусором, сваленным в кучу. Они живые! Они люди! Не трогайте!!! Не смейте!!! Чудовища! Ненавижу! Убейте и меня тоже! За что? За что?!

– Достаточно, – сказал я резко, опуская руку на его плечо. – Хорошая трансляция, если завтра будет в том же духе, то у нас всё получится.

– Иди к черту! – Он вырвался, подошел к стене.

– Не трогайте его, Деко-лин, – я чуть вздрогнул, услышав статусное обращение Ячейки от дрона. – Ни вам, ни мне не понять человеческих чувств. Но мы можем уважать их.

Уважать? Хорошие рассуждения от того, кто может лишь имитировать уважение.

Может, ты и прав, мальчик Вин. Может, дроны и есть самая человечная форма жизни. Именно поэтому мы были вынуждены их уничтожить. Не ради амбиций Ячеек, как полагают некоторые, в том числе и из здесь присутствующих. Ради вас. Ради людей. Легко поддаться соблазну и выстроить идеальную модель: вверху псевдобоги, внизу псевдолюди. А где место для человечества? Для агрессивного, жадного, глупого и ленивого человечества? Вообще, так ли они нужны, люди? Многие сочли, что и не нужны. Те, кто забыл о своем долге. Те, кто подменил нашу первостепенную задачу – заботу о человечестве, другой задачей – заботой о функционировании системы. И в этом смысле их вывод логичен – заменить нестабильный элемент на стабильный.

Мальчик переживает из-за уничтожения дронов. Но как бы он воспринял альтернативную концепцию – уничтожение людей? А мы были в шаге от этого. Но вовремя сумели вспомнить о своем истинном предназначении. А кто не сумел – тому пришлось напомнить. Это был первый конфликт между тремя Ячейками за столетие. И этот конфликт все пять последующих лет только усугублялся. И лишь теперь пришло время для его разрешения.

А принятое тогда решение было оптимальным. Уничтожить. Раз и навсегда. Без возможностей повторного создания. Так было надо. Даже несмотря на то, что для кого-то это решение означало боль.

Странно, что его боль вообще может меня волновать...

– Ты спишь? – раздался хриплый шепот в ночной тишине.

Я не спал. Уснешь с этими чудовищами: и теми, которые снаружи, и – особенно – теми, которые внутри. Лежал, смотрел сквозь ресницы на потолок, слушал равномерное дыхание Деко и старался ни о чем не думать. Получалось плохо. И я очень обрадовался, когда дверь скрипнула и в нашу комнату вплыла госпожа Стерва собственной персоной. Даже без дрона. В руке она что-то сжимала. Дубинка? Бита?

Она постояла с минуту на пороге. Что, раздумывала, кого первым по башке треснуть – меня или моего гребаного напарничка? Впрочем, его-то хрен треснешь. Пусть он спокойно сопит в обе дырочки, уверен – стоит только подойти к нему на расстояние удара, как он тут же на ноги вскочит и, не просыпаясь, разделает покусителя на суповой набор. Я ничуть не удивился, когда она двинулась ко мне.

– Ты спишь? – снова повторила она.

– Угу. И десятый сон досматриваю. Что, не видно?

Наша гостеприимная хозяйка вдруг опустилась на край моей кровати, наклонилась ко мне. Вот это заявочка!

– Это хорошо... Хорошо, что спишь... Я тоже сплю, да? И мы друг другу снимся, – она хихикнула, дыхнув мне в лицо спиртовым ароматом. Благо, что я лежал, таким амбре с ног сшибить – не фиг делать.

– Выпьем? – Она подняла руку, и я понял, что в ней не бита и не дубинка, а вполне себе бутылка.

– Выпьем, – согласился я. К черту Деко с его «Никакого спиртного»! Хватит ячеечным тварям нами, людьми, помыкать. Так ведь, госпожа Стерва?

Она протянула мне бутылку. Горькая гадость огнем разлилась по телу. Хорошо!

– Он спит? – Госпожа Стерва кивнула в сторону моего напарника.

– Спит. Или не спит. Какая разница? – Я сделал еще глоток и протянул ей бутылку. Она тут же присосалась к горлышку

– Ненавижу его, – прошипела она. – Ненавижу. Как он может быть таким? Знаешь, сколько мы к этому готовились? Знаешь, сколько сил положили? Времени, денег, людей? Чем нам пришлось пожертвовать?! И тут приходит он и говорит: хватит нас четверых, операцию проведем послезавтра! И всё!!! Ты понимаешь – и всё!!! Как он может...

И она снова приложилась к бутылке. Так, глядишь всю высосет, алкогольчика хренова. Отобрать, что ли? Чего с ней церемониться? Даром, что она высшая, а у меня лишь поддельная гражданская карта в кармане. Мы с ней – одинаковые. Чудовища. Так не всё ли равно?

И я отобрал. Сделал пару больших глотков.

– Боишься, да? – спросил я с насмешкой.

– Боюсь, – ответила она серьезно. – Я, Корнелия де Кориан, лидер «Человечества» боюсь... Никогда так не боялась... Ты вообще понимаешь, что мы задумали? На богов покушаемся. Пусть на псевдо, но на богов. На то, что всегда было некобели... некополеби... непоколебимо! Черт! – Она тряхнула головой и уставилась на меня горящими в темноте глазами. – Ты понимаешь, что, если всё пройдет успешно, завтра мы будем жить в другом мире?

– В том, о котором ты давно мечтала, разве нет? Где «Мир для людей» и «Вся власть – Совету высших». Боишься, что ношу не потянешь?

– Черта с два! Будет надо – две ноши потяну! Или три: гамму, бету и альфу – экономику, социалку и стратегическое управление. Не хуже этих уродов ячеечных. Людьями имеют право править только люди!

Я засмеялся так, что чуть спиртом не подавился.

– Что в этом смешного, идиот?! – Госпожа Я Всё-Потяну властно отобрала у меня бутылку.

– Ничего, – ответил я миролюбиво, но ее было уже не остановить.

– Ненавидишь их, да? Везде транслируешь свою ненависть... Да что ты вообще знаешь о ненависти?! Думаешь, если у тебя грохнули папашу, отобрали уютный домик и отправили в округ Син – это уже причина? Если бы только я была транслером... Я бы тебе показала, что значит ненавидеть! Не за то, что они тебе что-то сделали, а за то, что они существуют! Они не имеют права существовать! Говорят, что всё ради нас, говорят, что заботятся о нас... Следят за нами, везде, всегда... Загнали нас в округа, навязали статусы... И всё это – для нас! Пекутся о нашем благе. Словно мы – дети неразумные. Да как они, с высоты своих башен, могут понять наши нужды? Они... Те, кто не может понять нашу ненависть, те, кто не способен почувствовать нашу боль, те, кто не знает нашего отчаяния... Почему они правят нами?! Как они могут всё решать за нас? Возомнили себя богами – и начали обременять нас заботой о нас. Знаешь, раньше, до катастрофы, люди дома животных держали – кошечек, собачек... Очень о них заботились. Поэтому кастрировали и когти вырывали. Для их же пользы. Хочешь быть кастрированным котиком? Но я себе когти обрезать не дам! Я – Корнелия де Кориан, лидер «Человечества» – сотру эту позорную главу из нашей истории! Я восстану против богов! Я...

Она икнула, хихикнула – и снова припала к горлышку. Несколько долгих секунд бульканья, а потом она сказала, тихо-тихо, так, что я едва слышал:

– А знаешь, что хуже всего? Я думала, что смогу использовать эту мразь для достижения своей цели... Но теперь мне кажется, что это он... Он меня использует! Что не я пришла к нему и заставила плясать под свою дудку, а он меня завербовал... И ты, и я – просто орудия для них... Что бы мы не делали – мы орудия для них. Даже если мы их уничтожим – не будет ли это частью их плана? Вот что страшно...

Ее пальцы впелись в мое запястье, и я почувствовал, что ее трясет. Я посмотрел на нее – и сквозь маску чудовища проступало лицо испуганной немолодой женщины... Ровесницы моей мамы... Мамы...

«Вин, прошу тебя... – Она почти задышалась, с трудом шевелила высохшими почерневшими губами, вцепилась в мою руку из последних сил. – Прости... Прости их... Прости...

его...» Я держал ее за руку и кивал головой, не понимая, кого я должен прощать? Тех, кто сослал нас в ад? Тех, кто смотрел на судебный процесс как на шоу? Того, кто вынес приговор? Того, кто был приговорен? Того, кто поставил свои амбиции выше благополучия своей семьи? Того, кто превратил собственного сына в чудовище? Богов? Людей? Я не понимал, сознавала ли она сама в бреду лихорадки, что говорила. И я понятия не имел, способен ли я вообще прощать...

Госпожа Стерва сказала, что мои причины для ненависти ничего не стоят... Деко считает, что моя ненависть не имеет цели. Ну и пусть! Разве для ненависти нужны причины? Разве для ненависти важна цель? Черта с два! Ненависть – самоценна. Это – единственное, что у меня осталось. Плевать на людей и их «Человечество». Плевать на богов с их «Реорганизацией». Я просто ненавижу. Потому что ничего другого уже не умею! Потому что это делает меня мной...

– Прекрати! – Шипение Корнелии ударило меня ответной ненавистью. – Прекрати немедленно!

– Что, не хочешь убедиться в моих способностях?

– Хватит, убедилась! Побереги силы на завтра. Надеюсь, ты не подведешь.

– Если напьюсь – точно не подведу, – я забрал у нее бутылку. Она стерпела это безропотно. Долго и пристально смотрела, как я вливаю в себя всё до последней капли, а потом фыркнула, поджав губы:

– Не знаю, кого я больше ненавижу – его или тебя! Оба вы – нелюди!

Она поднялась и, почти не шатаясь, вышла из комнаты.

– Пошла ты! – крикнул я и запустил бутылкой в захлопнувшуюся за ней дверь.

На соседней кровати всё так же мирно посапывал Деко. Псевдосон для псевдобога? А, всё равно...

Мы были слишком самонадеянны, не подпуская людей к Структуре даже в качестве обслуживающих элементов. Это казалось логичным – Ячейка была самодостаточна. Даже проблему охраны мы решали внутренними силами – Регулятор и Ликвидатор запросто могли подавить сопротивление маленькой человеческой армии. Что могли люди противопоставить псевдобогам? Разве что псевдолюдей – дронов, но от этой угрозы мы себя вовремя оградили. А друг с другом Ячейки не враждовали никогда.

Сейчас самонадеянность Ячеек обернулась против них самих. Если бы в охране Гамма-башни были люди, они, возможно, сумели бы справиться с первоначальной интенсивностью трансляции.

Гамма-ликвидатор не сумел. Тот, чей долг – защита структуры от внешней угрозы, первым принял удар на себя. По иронии судьбы, именно мы, завершающие элементы, оказались самыми восприимчивыми к пси-атакам, может быть, именно потому, что наш базовый эмоциональный набор был самым ограниченным в силу специфики нашей работы. Давно известно, что в чрезвычайной ситуации наиболее успешно будет действовать тот, кому не ведомы страх, отчаяние, сожаление, кто не будет отвлекаться на ненависть и обиды, кто не впадет в ярость и безумство, кого не сломает чувство вины за содеянное. Такая личность может мгновенно принимать оптимальные решения, действуя целесообразно и достойно.

Во всех ситуациях, кроме атаки чужим эмоциональным фоном.

Лигейт-Гамма-Деко, надо отдать ему должное, вел себя достойно, сопротивляясь до последнего. Несмотря на то, что в его душе полыхал пожарище – а я это знал, поскольку отголоски этого пожара и меня чуть не сводили с ума, не спасал и выставленный на полную мощность блок, – он сумел определить источник угрозы и пытался его уничтожить. Безрезультатно. Я подарил ему смерть прежде, чем он добрался до Вина.

Реорганизация Ячеек началась.

– Деко-лин, – обратился ко мне дрон, – Гамма-ликвидатор успел заблокировать проход на верхние этажи башни. Мне нужно время, чтобы взломать систему.

– Хорошо, – кивнул я. – У нас есть время, пока идет пси-трансляция. Гаммы сейчас дезориентированы и не способны принять взвешенных решений. Вин, сколько ты еще сможешь транслировать в том же диапазоне? Вин?

Я повернулся к нему, сквозь блок чувствуя изменение характера трансляции.

Мальчик стоял возле мертвого Гамма-ликвидатора. Стоял и смотрел. Смотрел, но не видел.

И меня ударило трансляцией такой интенсивности, что я едва не оказался в том же положении, что и Гаммы.

Мертвый. Мертвый. Мертвые. Все мертвые. Гора мертвых тел. Мусор. Пустые глаза. Умирают, умирают, умирают. Продолжают умирать. Не трогайте! Не трогайте их! Они живые! Они мертвые! Мертвые. Живые. Нет разницы! Нет никакой разницы! Мертвые люди на мертвых улицах. Живые искусственные тела, сваленные в кучу... Нет разницы! Я – мертвый. Я – мертвый!!! Такой же, как они... Всегда был мертвым... Чудовище... Чудовище! Это я должен был умереть... Отец... Зачем?! Зачем ты меня создал?! Зачем жить чудовищу? Убивать. Убивать... Нет!!!

– Деко-лин, я взял под контроль автоматическую систему охраны башни, – спокойный голос дрона был для меня как ведро холодной воды.

– Хорошо. Приступаем к зачистке, – ответил я, едва слыша свой собственный голос сквозь гул в голове. Потом подошел к мальчишке и дернул его за руку. – Идем.

Он пошел. Послушно, словно недопрограммированный дрон. Продолжая трансляцию. И в ней не было ненависти или злобы. Только боль и обреченность. Не то, на что я рассчитывал, но, пожалуй, это был наилучший эмоциональный фон для работы. Эти чувства не могут воздействовать на меня, и дело не только в ментальном блоке, работающем на полную мощность. Боль не имеет значения, а уверенность в своей правоте стимулировала и заставляла идти вперед. И я шел, уничтожая всё на своем пути.

Выходя из комнаты, я почему-то оглянулся, бросив взгляд на тело Гамма-ликвидатора. Он погиб, исполняя свой долг, и я должен был быть горд за него. Но отчего же мне так беспокойно?

На верхушке башни нас ждал Гамма-князь. Он еще держался – первичные структурные элементы всегда отличались большей устойчивостью. Держался настолько, что теоретически мог бы оказать сопротивление. Но он лишь спросил:

– Альфа-Деко, ты делаешь это, потому что так велит твой долг?

– Да, Гамма-Примо, – ответил я.

– Ясно, – ответил он коротко, умирая от выстрела дрона.

– Простите, Деко-лин, – Дружок повернулся ко мне. – Я счел возможным провести ликвидацию первичного элемента без вашего подтверждения.

– Всё в порядке. Распоряжение о зачистке касалось всей Ячейки, устранение князя не требовало дополнительных указаний.

– Но... – начал было он, но фразы не закончил, лишь опустил голову. Отошел от меня к мальчику. – Господин Вин, с вами всё в порядке? Я могу вам чем-то помочь?

– Иди к черту! Идите вы оба к черту! Чудовища...

Что ж, другого ответа я и не ждал. Но это было уже не важно.

Реорганизация Ячеек была завершена на одну треть.

Боль и отчаяние мальчика бились о стену моего блока. Но я был спокоен. Потому что я делал то, что должен был делать. Не так ли, мой князь?

Боль. Мертвые тела свалены в кучу. Мусор. Мусор, который раньше назывался «псевдобогами». Этим они ничем не отличались от мусора под названием «псевдолюди», который мне уже приходилось видеть. А самое страшное, что и умирали они так же – без страха в глазах, спокойно и просто. Принимая смерть как должное. Именно эта покорность, увиденная еще тогда, когда уничтожали дронов, и была долгое время причиной моих ночных кошмаров. Сейчас кошмар повторился. Ячечные твари умирали не как люди – как куклы. А те, кто их убивал, тоже были не людьми. Чудовищами.

Я первый раз видел, как убивает Альфа-ликвидатор. Нет, не убивает – проводит реорганизацию. Устраняет помехи. Без ненависти, без злости, без сожаления. С чувством выполненного долга. Машина уничтожает машины. Как он может! Как он может так?! Чудовище! Чудовище!!! А я уже почти привык считать его человеком... Ненавижу!

Даже в глазах Дружка и то больше эмоций. Пусть это лишь имитация раскаяния и печали, но это то, что он действительно хотел бы чувствовать, если бы умел. Неужели из нашей чудовищной троицы только дрон может быть человеком?!

– Вин, – Деко сел рядом со мной на край лежанки. – Операция давно закончена. Хватит транслировать.

– Убирайся! – Я отвернулся к серой стене подвальной комнаты. – Чудовище...

– От чудовища слышу, – усмехнулся он.

Он прав. Чем я лучше него? Тем, что для меня есть ад, а для него нет?

– Дай мне выпить.

– Нет. Алкоголь негативно влияет на твою психическую стабильность.

– К черту стабильность!

– Успокойся. Это глупо и нерационально. Вначале ты заявляешь о своем намерении, но не собираешься подкреплять его делом. Потом ты всё же принимаешь решение, но сразу же начинаешь себя за это казнить. Если ты не готов убивать – не стоит кричать о ненависти. Если ты принял решение убить – не стоит тратить силы на раскаяние. Это был твой собственный выбор, ты помнишь?

– А если я принял это решение только для того, чтобы еще больше себя за это ненавидеть?

– Твое право.

– Слушай, неужели ты сам ничего не чувствуешь? Это же была твоя структура! Твоя семья! Ты вообще знаешь, что такое любовь?! Ты знаешь, что такое привязанность?!

– Да. Гораздо лучше, чем ты. Любовь и привязанность – это доминирующие эмоции, которые в нас заложены. Я уже говорил – нам неведомы ненависть, обиды, отчаяние... Но мы хорошо знаем, что такое любовь. Я не могу не любить человечество. Я не могу не любить свою Ячейку. Я не могу не любить своего господина...

– Того, который от тебя отрекся и вышвырнул в округ Син?

– Это не имеет значения.

– И эту бойню ты тоже устроил с любовью?!

– Ты не поверишь, но да, – он усмехнулся. – Когда любишь – стремишься сделать лучше, разве не так? Я люблю Ячейку, поэтому забочусь о ее оптимизации.

– Ты чокнутый! Убивать то, что ты любишь, – это...

– Это и есть высшее проявление любви. Вы, люди, не можете этого понять, потому что вы слишком слабы, слишком эгоистичны, слишком печетесь о сиюминутном. Вы боитесь взять на себя ответственность за вашу любовь. Поэтому она не имеет веса, как и всё остальное, что вы делаете. Вы можете говорить много слов, слагать о любви песни, превозносить ее в поэмах. Но вы не способны подтвердить любовь действием.

Деко всё еще сидел рядом со мной, но мне показалось, что говорит и спорит он сейчас с кем-то другим. Невозможно – это же просто ячеечный ублюдок Деко, для которого не существует ада. Тогда к чему все эти оправдания, как на страшном суде?

– Слава богу, что не способны, – ответил я. – Потому что мы любим по-другому! Любить – это не только улучшать, но и принимать. Таким, как есть. Это – настоящая любовь, понял? Впрочем, где уж вам, ячеечным тварям, понять... Думаешь, почему люди вас терпеть не могут? Из-за вашей системы статусов, что ли? Из-за вашего «От каждого по возможностям»? Из-за округа Син? Да фигня всё это! Из-за того, что вы ничего не умеете. Ненавидеть не умеете! И любить – не умеете!

– А ты умеешь любить? – вдруг спросил он.

И я осекся. Снова, как из тумана, выступило в памяти лицо отца, мамины мягкие руки легли на плечи... Мама... мама... Она много лет была ассистенткой отца и прекрасно знала, кого она родила. Но при этом всё равно продолжала любить... даже такое чудовище... А я... Я...

– Моя мама умерла во время эпидемии моди-чумы в округе Син, – сказал я неожиданно для самого себя, стараясь, чтоб голос не сорвался на хрип. – Помнишь, тогда вы, гады, весь район закрыли на карантин... Чтобы деклассированные сами подошли в своем отстойнике. Ах да, вы же предоставили нам свободу и не имели права вмешиваться в наши дела, даже для того, чтоб помочь... Сволочи! Ну да фиг с этим. Я что хочу сказать... Она была последним человеком, которого я еще мог любить. После этого я только ненавидел. Но иногда я думаю: любовь, ненависть – какая, к черту, разница?! Этот мир всё равно перевернут... Ненавижу этот мир!!!

Деко ничего не говорил. Лишь сидел рядом и смотрел вперед. В свое собственное никуда.

Мальчик уснул, обхватив голову руками, даже во сне продолжая фоновую трансляцию. Боль. Ненависть. Чувство вины. Боль. Боль.

Еще немного, и я настолько привыкну к этим эмоциям, что начну считать их своими. Или они действительно уже мои? Я чувствую боль и утрату? Смешно. Кажется, я опускаюсь до уровня человека. К добру ли, к худу ли. Но теперь я еще отчетливее вижу несовершенство Ячеек, их главную ошибку. Которую еще не поздно исправить. Но должно ли исправлять?

– Ты хорошо поработал, изгнанный, – мягкий голос Префис-Бета-Примо раздался позади меня.

Пришел. Значит, всё идет по плану.

Я повернулся и чуть поклонился стоящему в дверях нашей каморки Бета-князю.

– Вот и вы, Префис-лин. А я всё ждал, когда вы соизволите появиться лично. А то надоело иметь дело с вашей вздорной протеей.

– Ты мог быть более учтив, изгнанный, – Бета-князь поморщился, услышав статусное обращение «равный к равному».

– Нет. Не мог бы. Я исключен из иерархии, и у меня нет никаких обязательств по отношению к вам.

– А по отношению к Альфа-Примо?

Я лишь улыбнулся

– Послушай, Альфа-Деко, – Бета-князь подошел ко мне. – Я буду откровенен. Ты уже понял, что Бета-Ячейка связана с группой «Человечество». Мы видели, что Гаммы уже не справляются с возложенными на них полномочиями, и рассматривали возможность заменить их Советом Самоуправления. Мы давно предлагали делегировать людям часть наших полномочий, но вы, Альфы, всегда выступали противниками этого. Что происходит теперь? Что задумал Альфа-Примо?

Что задумал Альфа-Примо? Что вы на самом деле задумали, мой господин? Я разворошу муравейник, один, второй, но какова конечная цель? Вижу ли я то же, что и вы? Или я ошибаюсь? Или вы ошибаетесь?

«Этот мир перевернут».

Но можно ли создать неперевернутый мир?

Впрочем, это уже не забота Бета-структуры. В этом я нисколько не сомневался.

А Бета-Примо продолжал вещать, еще не зная своего места в реорганизованной системе.

– Бета-Ячейка по всем вопросам поддерживала Альфу, хотя порой мы и начинали свою партию. Как, например, в том эпизоде, который закончился вашим изгнанием. Но таков был наш долг. А сейчас...

Договорить князь не успел – энерголуч снес ему голову. Простите, Префис-лин, но мне неинтересны ваши признания и комбинации. Я верю, вы делали то, что считали правильным. И я делаю то, что должен.

– Что происходит?! – Мальчишка вскочил с лежанки, перевел дикий взгляд с меня на лежащее на полу тело.

– Реорганизация Ячеек завершена почти на две трети.

Он хотел что-то еще сказать, но только рот открыл. И закрыл. Зато голос Корнелии де Кориан, вошедшей в комнатушку вслед за своим дроном, был весьма довольным.

– Я не ошиблась в вас, Деко. Благодарю вас от лица всего «Человечества».

– Не за что, – ответил я, не опуская лучевик.

– Нет-нет! Вы так много сделали для нас! Даже больше, чем мы рассчитывали, – она улыбалась, ее глаза сияли бешеной радостью. – Альянс с Ячейками был полезен, но утомителен. Вы избавили нас от этой ноши. Спасибо вам за всё. Но... Остались еще вы... И вы нам мешаете. Простите. Мы всегда будем помнить о вас. И о вас тоже, мой мальчик, – она повернулась к Вину. – Но, боюсь, вы больше не нужны.

– Нет, сударыня, боюсь, это вы больше не нужны.

Энерголуч вылетел из трубки лучевика и... был поглощен невидимой преградой в полуметре от дрона. В очередной раз преклоняюсь перед вашим гением, профессор. Я и забыл, что защита дронов поистине уникальна. Ну что ж, не лучевиком единым...

– Избавься от мусора, Дружок, – с этими словами и улыбкой победительницы Корнелия де Кориан вышла.

Дрон и Деко начали движение одновременно – это я видел. А вот остального – уже нет. Глаза не успевали. Лучшее, что я мог сделать, – это забиться в угол и прикинуться шлангом. Когда два чудовища выясняют отношения, третьему лучше помалкивать до поры до времени. Интересно, кто окажется сильнее – псевдобог или псевдочеловек? Ненавижу обоих. Или нет?

Тело дрона ударилось о стену в метре от меня. Крошка бетона – настоящего, а не псевдо–посыпалась на пол. Человеческий позвоночник такое выдержать не способен. А вот Дружку было хоть бы что. Мне снова стало смешно. Это, пожалуй, нервное.

А вот дальше стало не до смеха.

На какую-то долю секунды я ощутил гордость – творение моего отца оказалось сильнее того, что могла создать Ячейка. Но когда Дружок занес руку для последнего, смертельного удара, я не выдержал. Черт бы побрал этого ячеечного ублюдка!

– *Шла собачка по дорожке,*

У нее отпали ножки,

– пропел я на одной ноте.

Дрон замер. Только что был почти человек, теперь статуя. Аллегория угрозы.

Деко тоже замер, но всё же и в соревновании по неподвижности псевдобог псевдочеловеку проигрывал. И тяжелое дыхание выдавало, и глаза были живыми. Глаза хищника, которого лишили его законной добычи. Вот только что было его добычей – противник или собственная смерть? А фиг поймешь этих ячеечных!

Он тем временем освободился из объятий дрона, посмотрел на меня.

– Дурацкая песенка.

– Что поделаешь, у отца было своеобразное чувство юмора, – я подошел к застывшему Дружку. Сейчас он выглядел особенно жалким. Ненавижу жалость! Это так больно. Хуже, чем похмелье. Я отвернулся, сглотнул подступившие слезы, прогнал воспоминания. Но перед глазами всё равно продолжало стоять видение – гора покореженных искусственных тел, готовых к утилизации. Мусор. Такой же ненужный мусор, каким вскоре стали и их создатели. А потом и каратели их создателей.

– Прости, Дружок, – сказал я, прощаясь с прошлым.

Деко встал рядом. Мне показалось или в его глазах тоже мелькнуло какое-то человеческое чувство, которого не было даже тогда, когда он уничтожал себе подобных? Это ответ на мою пси-трансляцию? Или он тоже переживает сейчас что-то свое, личное?

– Ты мог дезактивировать его с самого начала? – Даже если Деко и испытывал сейчас что-то, моему разумению недоступное, то по его ровному голосу этого не поймешь.

– Да.

– Ясно.

Я взорвался.

– Чего тебе опять ясно?! Мне самому не ясно ничего! Думаешь, я от вас обоих хотел избавиться? Или пытался понять, кого мне больше жалко, тебя или дрона? Или определял, какое чудовище чудовищнее? Думаешь, ты мне нужен? Да я был бы счастлив, если бы он тебя расплющил! Что ты вообще можешь знать, сволочь ячеечная?!

– Спасибо, – оборвал он мои выкрики. – Ты мне жизнь спас.

– Ха! Подумаешь. Ты же смерти не боишься.

– Я не могу позволить себе умереть сейчас. Я не до конца исполнил свой долг.

Ну что тут скажешь... Больные они, в своей Ячейке. На всю голову больные.

– Что теперь с ним будет? – Деко кивнул в сторону человекоподобного изваяния.

– Ничего. Будет так стоять, пока не утилизируют.

– Активировать нельзя?

– Можно. Если знать код доступа.

– Ты знаешь?

– Да, – я произнес это как приговор самому себе. Наверное, сейчас я единственный, кто знает коды доступа, подстраховку на случай непредвиденных обстоятельств при общении с дронами, придуманную моим отцом втайне от других участников проекта. – Да. Я знаю. Но это ничего не даст. Активирую его – он попытается нас убить. Если поймет, что это невозможно – самоликвидируется. Дрон не может не выполнить приказ своего хозяина. А перемотивировать его я не смогу, ума не хватит.

– Не может не выполнить приказ хозяина, да? – Деко непонятно ухмыльнулся. – Я ему завидую.

– О чем ты?

– Ни о чем. Пошли, надо выбираться отсюда.

Я в последний раз взглянул на дрона. Дезактивированного. Мертвого. Да, мертвого! Я не буду отказывать ему хотя бы в праве на смерть. Еще одна смерть на совести настоящего чудовища.

– Прости, брат, – сказал я и пошел к двери.

– Прости, брат, – эхом повторил Деко. Я посмотрел на него с удивлением. Но он ничего больше не сказал.

Мы шли по темному коридору, направляясь к выходу из подвала. Навстречу своей судьбе.
«Дрон не может не выполнить приказ».

А я могу? Мой господин, в чем разница между ним и мной? Между недочеловеком и сверхчеловеком? Каждый из нас существует лишь для того, чтобы исполнить свой долг. Только дрон не будет размышлять о том, что именно является его долгом. Он счастливее меня.

Может, поэтому, мой князь, вы запретили производство псевдолюдей? Потому что они слишком похожи на нас? Или это мы слишком похожи на них? Их создавали и программировали, как идеальных слуг. Мы, путем селекции, модификаций и пси-коррекции, пытались сделать из себя идеальных господ. В чем разница между слугой и господином? Или создание слуг по образу и подобию господ – это одна из твоих своеобразных шуток, Крэйтер Делий? Ты пошутил, Алон-ден посмеялся. А что делать мне?

Я посмотрел на идущего впереди мальчишку. Человек. Без всяких псевдо-, недо- и сверх-. В чем разница между нами? Только ли в том, что для него есть ад, а я, что бы ни делал, всегда должен быть уверен в своей правоте и непогрешимости? Я ведь прав и непогрешим, мой князь?

– Тут дверь, – Вин остановился перед стальной решеткой. – Надо было у Дружка ключи поискать.

Он брезгливо подернул плечами. Я его понимал. Граница между человеком и вещью при-
шла на понятие «мародерство». С этой точки зрения и для меня и для Вина Дружок был мертвым человеком, а не сломанной вещью. А обыскивать мертвых недостойно.

– Обойдемся.

Я подошел к решетке, взялся руками за прутья.

– Нифига себе, – Вин даже присвистнул, глядя на образовавшийся проем. – Ну ты и чудовище!

Я усмехнулся.

– Чудовище? Похоже, это твое любимое слово.

– Что поделать, если чудовища – единственная форма жизни в нашем мире? Все остальные давно подошли в ходе естественного отбора.

– Если все чудовища, то стоит ли убиваться по поводу собственной чудовищности?

С этими словами я пролез сквозь раздвинутые прутья решетки. И остановился. До боли знакомая, едва различимая пси-трансляция барьерного типа. Это ответ на мои вопросы?

– Чего встал! – Вин толкнул меня в спину, пробираясь в коридор вслед за мной. – Куда теперь? Идем проведать госпожу Стерву?

– Да.

– И что ты хочешь с ней сделать? Убить?

– Это не имеет значения.

Если мой расчет верен, то не имеет, поправил себя я. Если мой расчет верен, то уже ничего не имеет значения. Всё предрешиено. Всё правильно. Я думал, что действую сам, по своей воле, исходя из своего понятия долга. Исходя из своего понимания воли моего господина. Но, похоже, я ошибался. Я часть плана и уже сыграл свою роль. Теперь свою должен сыграть Вин. Должен ли?

– Вин, если ты пойдешь направо, то сможешь выбраться на улицу.

Я сказал это чуть ли не против моей воли. Что я делаю? Пытаюсь поступить правильно, даже нарушив волю моего господина? Ради этого мальчишки, едва не научившего меня чувствовать боль и сожаление? Или уже научившего?

– Зачем? – Он воззрился на меня.

– Вернешься домой...

– Домой? В клетушку трупобного барака к любимой выпивке? Что я там забыл?

И то верно. Идти ему некуда. Только в ад. Которого нет. Всё предрешиено. Всё неизбежно. Нельзя свернуть с муравьиной тропы. И именно это наполняет жизнь смыслом. Именно это придает ей четкую структуру и выверенную красоту. Красоту муравейника.

– Тогда идем, – я стал подниматься по ступеням, ведущим на второй этаж.

Он, не говоря ни слова, пошел за мной.

Кабинет Корнелии в конце коридора. Резная тяжелая дверь из натурального дерева приоткрыта.

– Она там? Что мы ей скажем? Выразим соболезнования по поводу кончины ее хорошего друга?

– Не думаю, что теперь ей это будет интересно.

– Да ладно! Он, конечно, бесчувственное чудовище, но хоть сколько-то она к нему была привязана! Хотя бы как к дорогой игрушке...

– Ты не понял, – я распахнул дверь.

Всё было так, как я и предполагал. Отыгравшая свою роль мертвая женщина лежала на ковре. Господин Алон-Альфа-Примо, восседающий в кресле. А рядом с ним...

– Отец!!! – Это был крик баньши, безумный, прорывающий даже мою ментальную блокаду эмоциональный шквал. До боли, до темноты, до потери ориентации.

Зачем?! Боль. Предал. Боль. Живой! Он живой! Отец. Папочка... Какое право он имеет жить, когда он умер?! Боль. Превратил мой мир в Ад и сбежал! Ненавижу. Ненавижу!!! Почему?! Ну почему же?! Ложь. Всё ложь!!! Весь мир – ложь! Чтоб ты сдох! Почему не сказал? Я бы понял! Я всегда понимал. Всегда прощал. Смерть. Дроны. Сваленный в кучу хлам. Предательство. Мама. Смерть. Прощал! А ты бросил. Меня бросил!!! Ненавижу! Чудовище! Чудовище!!! Сдохни!!! Живи... Не бросай меня... Невозможно. Безнадежно. Понимаю. Всегда понимал. Ты всё планировал. Ты знал. Просто жертвы. Дроны, группа, я... Без разницы. Жертва. Выкинутый мусор. Зачем ты превратил меня в чудовище?! Ненавижу! Люблю...

Темнота и голоса издалека.

– Боже, голова раскалывается... Никуда не годятся ваши ментальные блоки, господин князь.

– Наши? Это же ваше изобретение, господин Делий. Впрочем, не столько блоки плохи, сколько образец хорош. Радуйтесь, профессор, что лишь головной болью отделались. Наши структурные элементы вообще не пережили столь интенсивную трансляцию.

– Одним ударом двух зайцев, не так ли? Избавились от Бета-Ячейки и уничтожили своих врагов в Альфе, при этом провели полное тестирование образца... Теперь, я думаю, вы убедились в успешности моих экспериментов?

– Я и раньше не сомневался в вашей гениальности, мой дорогой Крэйтер. Так вы передадите нам образец для дальнейших исследований?

– Да, как и договаривались.

– Несмотря на то, что это ваш сын?

– Сын? И это мне говорит Альфа-князь! Можно подумать, господин Алон, вас волнует этот аспект человеческих отношений.

– Нет. Просто я хочу ясности.

Боль. Не такая сильная, как раньше. Не такая, которая влечет за собой баньши-крик. А такая, которая оставляет сердце пустым. Образец... Образец номер пятнадцать. Самый удачный. Я помню, хотя и пытался забыть всю свою жизнь. Совместный с Ячейками проект двадцатилетней давности по изучению пси-воздействия. Случайно подслушанный разговор... Тогда я

простил... Потому что умел не только ненавидеть... Потому что хотел верить, что, даже являясь образцом, я всё же остаюсь сыном... Для тебя. Только для тебя...

– Кажется, образец приходит в себя. Деко, проверь его жизненные показатели.

Я открыл глаза как раз для того, чтобы увидеть склоненное надо мной лицо. Ни грамма сочувствия, ни грамма сожаления. Это всё тот же невозмутимый ублюдок Деко. Я был рад, что вижу сейчас именно его. Именно такого, каким я привык его ненавидеть. До боли родное и знакомое чудовище.

Он сжал рукой мое запястье.

– Температура тридцать семь и восемь, давление девяносто на пятьдесят пять. Общее состояние – удовлетворительное.

– Хорошо. Будем считать, что испытания образца прошли успешно.

Я чуть повернул голову. Говорил высокий мужчина с равнодушным лицом, похожий на постаревшую копию Деко. Ячеечные, одно слово. На человека, стоящего рядом с Альфа-князем, я смотреть не хотел. Но не взглянуть не мог.

Он постарел за пять лет, мой отец. И волосы поседели. Морщин на лице стало больше. Так тебе и надо! Если бы только твои седина и морщины были признаком сожаления, раскаяния... Но я знал – это неправда. Мой отец – большее чудовище, чем ячеечные псевдобоги. И для него тоже не существует ада. Не существует раскаяния. Не существует сожаления. «Делай то, что должен» – так ты говоришь, Деко? И он тоже делал... И был уверен в своей правоте. Неужели только один я способен видеть ад?

– Еще бы не успешно, господин князь, – в его голосе промелькнуло самодовольство. – Что ж, могу поздравить вас с хорошим приобретением. И с победой.

– С победой? – Глаза князя блеснули. – Разве вы, люди, способны отличить победу от поражения? Скажи, Деко, я победил?

– Да, мой господин.

Я повернул голову на голос и вздрогнул, увидев в его руках лучевик.

– Тогда делай, что должен.

«Не надо!» – хотел крикнуть я, но слова в горле застряли. И на крик сил уже не было. Я просто смотрел, как Альфа-князь, с дыркой на месте лица, мешком оседает на пол.

– К как э это понимать, молодой человек? – Моему отцу удалось справиться с дрожью в голосе, но выглядел он всё равно жалко. Какого черта! Чудовище не должно быть так поидиотски напугано! Впрочем, не отец меня сейчас волновал...

– Зачем? – Я посмотрел в безжизненные глаза Деко. В первый раз за всё наше знакомство – безжизненные. – Зачем?

– Потому что это желание моего господина, – произнес он, словно для самого себя. – Я ведь правильно понял вашу волю, Алон-ден? Реорганизация Ячеек почти завершена, как вы и хотели, князь.

Он подошел к телу, опустился на одно колено, склонил голову.

– Что за бред! – Отец чуть ли не взвизгнул.

Деко повернул голову и улыбнулся. От этой улыбки мне стало совсем тошно.

– Я сделал то, что был должен. Я разворошил этот муравейник. Мой князь, когда структура становится слишком стабильна и перестает развиваться, она должна быть разрушена... Вы этот урок хотели мне преподать, когда отправили в изгнание? Выгнали в этот безумный мир, чтобы я мог провести объективную оценку функционирования системы и сделать правильный выбор? Я оправдал ваше доверие, мой князь?

– Ты совсем с катушек съехал?! – Превозмогая слабость, я подошел к нему, взял за плечо, тряхнул. – Ты же любил его!

– Способность подарить смерть – это высшее проявление любви. Так же, как и способность смерть принять.

Я опустил на пол рядом с ним, не в состоянии понять, хочется мне смеяться или плакать. Но внутри меня не было ни слез, ни смеха. Было пусто, как в аду. Даже на привычную спасительную ненависть сил не осталось. Ад снаружи. Ад внутри. Безразличие. Это настоящий ад.

– Но что теперь будет с городом, когда вся иерархия власти уничтожена? – Мой отец, кажется, пришел в себя от потрясения, говорил сухо и даже властно. Как и положено чудовищу.

– Самоорганизация всегда была признаком сложной социальной системы, – Деко пожал плечами. – Я думаю, от желающих занять освободившиеся места отбоя не будет, не так ли, профессор? А к тому времени, когда вы устанете от анархии, новая форма Ячеек будет подготовлена.

– Новая форма? – Отец даже вперед подался. – О чем вы говорите, молодой человек?!

– О результатах ваших экспериментов. Которые мы сегодня протестировали. Мой господин признал опыт успешным, поэтому он будет внедрен в программу подготовки наших кадров. В прошлом мы ошиблись, когда признали условно-негативные эмоции лишним багажом и отказались от них для себя, но позволив людям их сохранить. Таким образом между нами и теми, о ком мы должны были заботиться, возник эмоциональный разрыв. Госпожа де Кориан, – Деко бросил взгляд на лежащий на полу труп, – была права. Тот, кто не может разделить чувства своих подчиненных, не имеет права руководить. И теперь самое логичное решение – вырастить новое поколение Ячеек, обладающих способностями транслеров, и включить людей в их позитивный эмоциональный фон. Если мы ликвидируем болезненную зависимость людей от собственных страданий, то сможем выстроить идеальное общество.

Деко говорил, а я пытался представить дивный новый мир, который они собираются выстроить. Мир, где людям неведома ненависть, где никто не способен обидеться или почувствовать раздражение, где не знают ненависти и сожаления, где не мучаются от чувства вины... Где всё происходящее принимают с радостью и вперед смотрят с надеждой... Рай! Рай?! Да это же самый страшный ад, какой можно придумать! Или Деко совсем свихнулся после смерти своего князя?

– Это самое логичное решение, которое напрашивается само собой, не так ли? – повторил он, и в его голосе была усмешка, горькая прямо до изжоги. Мне что, это показалось? Или... Не может быть!

Но отец ничего не заметил. Стоял рядом с нами, гневно сверкал глазами.

– В боги нового мира метите, юноша? Уже без приставки «псевдо»?

– Я? – Деко снова усмехнулся. – Господин профессор, я уже отработанный элемент. И всё, чего я хочу, – последовать за своим господином. Но, – он начал подниматься, – у меня остались несколько незавершенных дел. Во первых, я должен доставить образец номер пятнадцать в Экс-Зону для всестороннего изучения и в качестве расходного генетического материала. А во вторых... Я не могу позволить вам жить и продолжать ваши эксперименты, профессор.

Его рука с лучевиком резко взметнулась вверх.

Я понял, что сейчас случится, и время остановилось для меня. Отец. Чудовище. Друг. Чудовище. Я. Чудовище. Ненавижу!!! Ад кругом. Мой собственный Ад. Простите меня... Простите меня все...

Топот ног убегающего профессора Делия гулом распространялся по коридору. Но теперь это было не важно. Я склонился над лежащим на полу мальчиком. Нет, не мальчиком – Вином. Тем, кто сумел расстроить мои планы, когда я был так близок к цели. «Только вы думаете – ого, он вам устроит пшик», – вспомнились мне почему-то слова толстяка. Да, мальчик действительно сумел подложить мне свинью. Только я не чувствовал разочарования. И вовсе не потому, что не умел разочаровываться.

Он был выше отца, поэтому луч, направленный старику в голову, разворотил ему правую сторону груди. И всё же он был жив – еще секунд на пятнадцать, не больше.

– Ты сделал хороший выбор, Вин, – сказал я, касаясь его руки. – Тот, который не смог сделать я.

– Ад... – прохрипел он, судорожно хватая ртом воздух, словно стремясь успеть вдохнуть как можно больше. В последний раз. – Ад...

– Ты найдешь его, если он тебе так нужен. И получишь свое искупление, – сказал я уверенно. А потом закрыл его застывшие глаза. – Хотя ада и нет.

Ада нет. И это самая страшная кара. Для того, кто не сумел исполнить свой долг. И всё же...

Может быть, это и было единственным правильным решением. Может, прав мальчик Вин. И ненависть может быть так же важна, как любовь. И проявление любви – не только возможность принести смерть, но и возможность подарить жизнь? А тот, кто не может этого понять, недостоин править?

Я же прав, мой господин, Алон-Альфа-Примо? Я же всегда прав и непогрешим...

Я улыбнулся, потом приставил к виску лучевик. Смерть ответила мне величественной улыбкой. Сделал ли я всё, что должен?

И смерть печально покачала головой.

Антон Лик Плагин

Я отвык от подобных коридоров. К гладким стенам не клеился даже корпоративный скин «ВиКо», вбитый в мои библиотеки с вежливой неотвратимостью, на которую способен курок по отношению к гильзе. Извини, дорогая, так надо. Извините, доктор Уоттс, таковы внутренние правила «ВинчиКорпорейшн».

Я видел собственную тень. Или был запущен кодекс-прим, оптимизировавший интерьер под новую инструкцию, или у меня накрылись глафы. Чистое зрение – хорошо. Но, доктор Уоттс, расскажите про него собственному изуродованному фильтрами хрусталику.

На мое плечо легла рука.

– Далеко? – спросил Питер.

– Не понимаю. Сложно привязаться: маркеров нет.

– Это фэйк. Я говорил.

– Питер, здесь обычный коридор, просто на него не становится скин. Серый пластик, ничего особенного. Просто я так не привык.

Правда, странно, доктор Уоттс, видеть всё почти таким, каково оно на самом деле?

– Никто не привык.

За спиной послышался вакуумный поцелуй: сомкнулись губы бронированной двери. Разумно. Для страховки я бы использовал парализующий газ. Что вы, доктор Уоттс, обойдемся без лишних воздействий. Сказал курок гильзе.

Стены-пол-потолок – вечно движущиеся внутренности тессеракта, распятого на трехмерном пространстве. Они протащили нас сквозь себя и вывернули в полумрак большого зала. Питер вцепился в мой комбинезон, грозя оторвать рукав, а я всё тянул и тянул его к центру. Туда, где стоял единственный на все полторы тысячи кубических метров помещения предмет.

– Ты видишь, Питер?! Ты это видишь?! – Я кричал, отдирая его пальцы от комбинезона.

Казалось, теперь он и оглох. Я чувствовал, как на затылок Питера наползают кресты голографических прицелов.

Всё, что можно, сделано. Осталось только ждать. Разве что... Один шаг, так, чтобы перекрыть побольше траекторий, аккуратно проложенных к человеку, знакомому мне всего седьмой день.

Неделей ранее...

На черном экране проступали контуры биполярной клетки. Чем-то она напоминала скорпиона. Уплощенное тело с клешнями дендритов, ввинтившихся в пулевидные тела палочек, и сегментированный хвост-аксон. Цвет у скорпиона был молочно-белый. Водянистым сердцем плавал в цитозоле шар ядра. Вспышка света разорвала экран. Она стерла и клетку, и аксон, оставив лишь вытянутые пули с родопсиновым зарядом внутри.

Я видел этот процесс тысячи раз. И всё равно он завораживал.

Квант света – курок. Родопсиновый боек ударяет по фосфодиэстеразной капсуле. И пуля электронного заряда корежит мембрану. Эхо выстрела открывает затворки ионных каналов, уничтожая мембранный потенциал, и шифрограмма молнией летит по перехватам Ранвье.

Точка-тире.

Точка-тире-точка.

Тысячи точек и сотни тысяч тире. Морзянка для мозга, которую люди научились подделывать.

– Доктор Уоттс, чем скорее мы покончим с формальностями, тем скорее вы вернетесь к работе, – напомнил о своем присутствии юрист номер один.

Его напарник кивнул.

Они были похожи друг на друга, как две клетки, высеянные и выращенные заботливым монстром «ВинчиКорп» на питательном растворе денег и льгот. Стандартные скины костюмов лишь усиливали сходство.

– Насколько я понял, у меня больше нет работы.

Я повернулся к стене, и глазной фильтр развернул монитор прямо на ней. Трансляция продолжалась. Лучше уж наблюдать за Эсхеровским бельведером крысиного мозга, чем за этими двумя. В конце концов, я соглашусь на их условия. Что остается? Я принадлежал «Судико», а с прошлой недели «Судико» принадлежало «ВинчиКорп», которая первым делом распорядилась прикрыть лабораторию.

– Работа будет. Если вы адекватно оцените положение и условия. Если вы...

– Одумаясь?

Экран погас. Последнее, что я видел, – сцепленные в пароксизме электрической страсти нейроны. Они вспыхивали и обменивались пузырями медиаторов, передавая сигнал. Тире-точка-тире.

А потом появилось изображение логотипа «ВинчиКорп». Мона Лиза усмехалась, вываливаясь из рамы по всем трем осям. Сейчас зайдется истеричным хохотом и укажет пальцем: поглядите-ка на неудачника!

Влипли, доктор Уоттс?

Поделом.

Кому вы теперь нужны с вашим синдромом ложной слепоты?

– Доктор Уоттс, будьте благоразумны, – сказал номер один, пододвигая папку с формулярами. – Если, конечно, вы не хотите превратиться в среднестатистического семейного врача. Кстати, врачи нашей корпорации тоже нужны.

Я не читал и даже не делал вид, что содержимое папки мне интересно. Просто в очередной раз посмотрел на идентичные улыбки моих оппонентов. И поставил подпись.

Как оказалось, далеко не единственную. Ранее мне доводилось иметь дело с подписками о неразглашении, но чтобы за пять минут дать их больше, чем за всю предыдущую карьеру... Доктор я пока или уже врач, но от этого пациента отвертеться уже не получится.

Я ждал, что его доставят ко мне, а вместо этого лабораторию доставили в «ВиКо». И меня с ней в качестве пусть движимого, но имущества, отныне и во веки веков, а точнее, на срок, оговоренный контрактом. Вспоминать эту цифру не хотелось.

Правда, за мной, в отличие от лаборатории, послали не грузовик, но вполне приличный «Лендер». Загрузочная панель его хранила с десятков оболочек, я остановился на самой простой, чем, кажется, изрядно удивил водителя. Отвык он возить профильных специалистов, не захламляющих собственные глафы всякой дрянью.

Даже издали и без доводки плагином громадина «ВиКо» выглядела внушительно. Стебель-основание с пилястрами лифтовых шахт пронизывал искореженные комки грязного пластика. Бликовали черные астры солнечных батарей. Терялся в вышине шип с прилипшими пузырями верхних кабинетов.

– Вы скины обновите, – посоветовал водитель, поворачивая на третью спираль. – Тогда интереснее будет.

Спасибо, но воздержусь. Я видел «ВиКо» в скинах. И когда-то даже мечтал попасть в штат. Мечты сбываются, доктор Уоттс. Порой и у таких дураков, как вы.

– Держитесь, доктор, сейчас мигнет. С непривычки оно неприятно.

О чем говорил шофер, я понял, лишь когда глазные фильтры отключились, а потом заработали вновь, разукрашивая окружающий мир в фирменные цвета «ВинчиКорп». Но я не давал разрешения на подключение и дозагрузку лишних скинов!

Да только чхать они на это хотели.

Привыкайте, доктор Уоттс. И думайте о пациенте.

Двадцать девять лет. Европеоид. Рост средний. Телосложение скорее нормальное, а нынешняя полнота – результат несбалансированной диеты и хронической гиподинамии.

И все-таки их корпоративные заморочки зверски раздражали. Я трижды вручную перенастраивал плагин, но всякий раз спустя секунду-две «мигало». Хорошее словечко. Точное.

Придется терпеть.

– Вас зовут Питер? Я – доктор Уоттс.

Ни кивка, ни ответа. Он сидел, уставившись на стену. И выглядел весьма обыкновенным. Вот только серый костюм типа «стандарт» плохо гармонировал с рассеченной бровью и скованными магниткой руками.

Освободить подопечного охрана отказалась. Мне было всё равно.

– Я доктор Уоттс, – громко повторил я, на цыпочках подобравшись с другой стороны.

И Питер все-таки дрогнул, рефлекторно повернувшись на звук. Уже хорошо. Комплексные расстройства – не моя специализация.

– Я постараюсь вернуть вам зрение. Надеюсь, вас, в отличие от меня, это порадует.

Выражение его лица изменилось. Не слишком-то он рад. Странно. Более чем странно. Хотя... Чему тут удивляться? С «ВинчиКорп» шутки плохи.

Питер вел себя покладисто. Садился. Вставал. Ложился. И делал всё то, что полагается делать пациенту.

Я работал за врача.

Робкая надежда быстро избавиться от Питера рухнула на первом же тесте: глафы были в норме. Камеры наружной пленки снимали изображение. Процессор обрабатывал, сдабривая вареву реальности рисованными приправами. Экран транслировал. Технорожденный шифровальщик весело стучал электрическими палочками по люминофорным барабанам. Синий. Красный. Зеленый. И между ними заветная четвереста девяносто восьмая волна.

Это означало одно: мне следовало засунуть в задницу гордость и вытащить оттуда же собственную идею-фикс, завернутую в диплом специалиста по нейрослепоте.

В тот день мы с Питером так и не поговорили толком. Я был слишком зол. Про него не знаю, но слепота и магнитка на руках в принципе мало располагают к общению.

Следующим утром, не успев я переступить порог, как он заявил:

– Жжется. Ощущение, будто мне на глаза нассал Чужой.

– Чужой?

– Ретрокино. Сейчас такого уже не делают. Я на его основе забабахал отличную библиотеку скинов для «ВиКо». Или вам не сказали, кто я?

– Не сказали.

В данную минуту меня куда больше волновал скин, украсивший дверь лаборатории.

«Доктор Т. Уоттс. Ведущий научный сотрудник».

Сахарная косточка для строптивой собаки. Только табличка эта – такая же иллюзия, как и белизна стен моего кабинета.

– Зря не поинтересовались, – сказал Питер, дернув плечом. Охранник молча убрал руку и по моему знаку вышел.

– Жжет сильно.

Не удивительно. Период дезадаптации – время сложное. Я сказал, Питер фыркнул. И куда девалась его вчерашняя покладистость?

– Моргай почаще. И плакать не стесняйся. А пока...

Капля геля медленно растекалась по поверхности роговицы. Я же вглядывался в лицо человека, который был слеп, не будучи таковым.

– Продолжим? – спросил я.

– А есть выбор?

Выбор есть всегда, но я его уже сделал. Мой выбор – на острие микроскана, вошедшего в зев зрачка. Он – в веренице данных, переползавших с аппарата на экран. Библия цифр, Коран диаграмм, Тора трехмерки. И была твердь склеры, и водянистая влага. И была ясная звезда хрусталика в короне атрофированной цилиарной мышцы. И была планета стекловидного тела, затмившая звездное небо фоточувствительных клеток. Черной дырой зияло на небе сем слепое пятно.

– Ну и что там? – поинтересовался Питер.

Ничего. Точнее, всё и в норме.

– Твои глаза работают. Технически. Глафы теперь тоже. Сигнал идет со стандартной погрешностью.

Вопрос лишь в том, что не так. Я снова открыл историю болезни. Перечитал, хотя помнил каждую фразу. Особенно этот куций огрызок: «...резкое внешнее прерывание контакта в процессе загрузки, сопряженное с физическим воздействием».

И садина на лбу как след того самого воздействия.

– Так что с тобой случилось?

Я был уверен, что вопрос – лишний. Он вступил в когнитивный диссонанс с табличкой на двери и перспективами моего существования в материнском теле «ВинчиКорп».

– Если они вам не сказали, тогда почему я должен?

– Я – врач.

– А я – дизайнер. И что?

Цифры напознали на цифры, их количество росло, но перейти в качество не торопилось. Ответа по-прежнему не было. Я ждал. Сканер работал. Игла раздвинула липидные слои, и веточки рецепторов заколыхались, словно на ветру. Отпочковавшиеся капсулы зонда медленно двинулись по Великому Нейронному пути, расставляя вехи химических меток. А Питер явно раздумывал: стоит ли верить человеку, ковыряющемуся у него в глазу.

– До вас тоже был врач.

Это нормально. Как и то, что в отчете ни слова о результатах предварительного осмотра пациента. «ВиКо» подстраховывается. Только хреновый у них врач, если даже глафы снять не удосужился.

– Он сказал, что я сам виноват. Думал, будто я – псих.

– А ты псих?

– Я не псих. А он не врач. Так, шавка на поводке. Гавкает по команде. Думает по команде. Ты другой. Ты их не любишь.

Надо же, какие мы наблюдательные. Но следующая фраза Питера поставила меня в тупик:

– Я это вижу. Точнее, знаю.

Цифры на экране утверждали, что видеть он вполне мог. Реакция на любые внешние раздражители перечеркивала все эти столбцы и графики. Симуляция, доктор Уоттс?

– И на что это похоже?

– На память.

Я попросил объяснить, но желание разговаривать у Питера пропало. Он снова замкнулся, но на приказы реагировал, хотя и крайне неохотно.

Пришлось искать сведения в другом месте.

Начальником этого сектора службы безопасности «ВинчиКорп» была женщина. Во всяком случае, мне она показалась всё же женщиной, хотя и костюм, и лицо ее были нарочито унисексуальны. Ее выдавал аромат пармских фиалок. И skin рамки на столе, излишне вычурный, на мой вкус.

«Дж. У. Ни».

Сам стол – подкова на трех струнах – занимал половину кабинета. Закрыв глаза, я провел пальцем по поверхности. Пластик? Дерево? Имитация дерева пластиком?

– Вы запрашивали информацию об инциденте с Питером, – сказала Дж. У. Ни.

– Да, – ответил я. – Запрашивал. Только мне не дали.

Я откинулся в кресле и заложил ногу за ногу.

– Информация закрыта.

– Я врач. Или доктор.

– Информация закрыта.

– Вы же сами хотите, чтобы он начал видеть!

– Информация закрыта.

Она повторяла, не меняя ни тона, ни выражения лица, и Джоконда, парившая меж трех струн, мерзко ухмылялась. Выкусил, доктор Уоттс? Неужто и вправду думал, что тебе возьмут и расскажут всё?

– То есть сотрудничать вы не станете? – задал я бессмысленный вопрос.

Дж. У. Ни подвинула черный планшет, уточнив:

– Вынос за пределы кабинета запрещен. Копирование запрещено. Дублирование информации любым иным образом запрещено. Распространение информации запрещено.

– Читать-то хоть можно?

Она не ответила. И не вышла. Она сидела и полировала меня взглядом, пока я листал отчет, такой же кастрированный, как и наш с нею разговор.

Семнадцатого числа нынешнего месяца в пять сорок утра старший дизайнер отдела передовых разработок «Винчи Корпорейшн» совершил взлом и перенаправление потока данных. Был задержан охраной.

Отлично. Крот тихо копошился во вполне уютной норе, а потом взял и навалил кучу в самом её центре.

– Вы не должны предпринимать действий, санкцией на которые не обладаете, – сочла нужным добавить Дж. У. Ни. – В результате взлома была утеряна ценная информация.

Показалось или в этом техногенном, словно тоже обработанном, голосе прозвучали ноты сожаления?

– Необходимо извлечь её копию.

– Буфер его глафов чист.

Я вернул планшет и, не удержавшись, поскреб лаковую поверхность стола. Все-таки пластик: дерево не скрипит.

– Глафы – да. Голова – нет.

Интересно, каким она меня видит?

Доктор Уоттс, не будьте идиотом, на вас напаян ярко-алый skin, чтобы любой охранник мог засечь ваше передвижение. Или вы предпочитаете нечто кислотно-зеленое?

А всё равно, лишь бы не разметка мишени стрелкового симулятора. Но размышлять об этом пришлось уже на обратном пути в лабораторию.

В тот день мы с Питером перешли на «ты».

– Ты веришь своим глазам, док? – спросил он.

– Банальный вопрос приобретает интересный оттенок, если задан дизайнером мнимых изображений офтальмологу.

– А по сути, док?

– По сути я могу назвать тебе сотню механизмов самообмана, позволяющих человеку выжить.

– Одно дело – выживание, другое – существование в режиме мастурбации сенсорной периферии на очередной символ, который представляет из себя дерьмо, помноженное на чью-то патологию.

Глядя на Питера, развалившегося на ложементе субтома, я думал о том, что легче всего обвинить этого человека в безумии. Хотя для вскрытия это не принципиально.

Стены оставались цивильно-белыми, но в потоке данных на экране чувствовался внимательный взгляд службы безопасности. Сам поток дублируют, тут и гадать нечего. А еще что? Наблюдают? Леди Дж. У. Ни мановением руки оживляет тысячу один глаз, некогда встроенный в стены кабинета? И пускает гулять по необъятному столу караваны картинок. Каждое ваше действие, доктор Уоттс, каждое слово заносится в протокол.

– Так что такого в твоей голове?

Я перевел субскан в режим массирующей атаки. И мигающая нить лазера заплесала на глазах Питера. Точка-тире-точка-тире.

Примите шифрограмму.

Сигнал летел по проводам, задевая химические метки, и, достигнув пункта назначения, умирал.

Шифровальщик вышел покурить. Извините.

– Ты прав, док. Сто механизмов самообмана. Но человек – тварь изобретательная. Я придумал сто первый способ.

Вот теперь аккуратная круглая мишень точно прикрепилась к моему затылку.

– Всё, Питер. Закрыли тему. Я не желаю...

– Не будь наивным, док. Объем информации, циркулирующей в этой комнате, не имеет значения. Ты заказал себе утилизацию, когда допустил мысль, что с «ВиКо» можно посотрудничать. Надеюсь, у тебя были на это причины.

Агонизирующая «Судико» и робкая надежда, что научную практику моей лаборатории не свернут. Дадут работать с синдромом Китона.

Ложная слепота, оказывается, заразна и проявляется порой весьма избирательно.

– Они не сообщили мне никакой значимой информации. – Сказывалась привычка отбиваться до последнего. – Могли бы предоставить все данные и ускорить работу, но не сделали этого. Значит, я не списан.

– Здесь уже был врач, обладавший всей полнотой информации. Но я по-прежнему слеп, а его больше нет. Ты – всего лишь попытка зайти с другого конца, док.

Хуже всего, что он вытягивал на поверхность мысли, которые ворочались в моем подсознании далеко не первый день. Он знал это. Я знал это.

На снимках коры проступили алые кляксы активности.

– Вчера ты спрашивал, на что это похоже, док. Ни на что. Не с чем сравнить. Просто вспышка. Яркая. И снова слепнешь, и когда свет уходит, ты всё равно остаешься слепым. Два состояния крота. И между ними точка, в которой ты что-то видел. Точно знаешь – видел. Но не знаешь что.

– Ты просто спер какой-то плагин, Питер. Увел немного корма у хищника.

– Доктор, а доктор, скажи, ты меня видишь? Конечно, видишь. И я могу описать – каким. Я участвовал в разработке корпоративных скинов.

Точка-точка-точка. Красные вспышки на корковой зоне. Стук изнутри? Я слышу, но открыть не могу. И никто не может – ключ у Питера.

– Я с десятков лет участвовал в разработках. Рисовал картинки для жизни. Сначала элементарное: паркетный пол для офисов средней руки, кожаную обивку для кресел в кабинеты

боссов. Мама мыла раму. Раму из дерева, с ручками-вензелями и мутными стеклами. Знаешь, почему стекла делают мутными? Чтобы на фон не тратиться.

Точек становилось больше, но их рисунок не соответствовал первичному сигналу.

– Тыходишь к окну, открываешь, и раз – загружается следующая картинка. Им хорошо, когда картинок много.

– В этом суть работы «ВиКо».

– Ты не понял, док. Им – это всем. Тебе, мне и еще скольким-то миллиардам.

Питер провел рукой по груди и смял крошечную корпоративную Джоконду на лацкане рисованного пиджака.

– Ты видишь на мне костюм группы С, я вижу на тебе какой-то ультрамодный балахон группы Д. Но мы оба знаем, что на самом деле всё это фэйк, скин поверх утыканного маркерами привязки комбеза. Зато какая экономия! Массы рукоплещут! Мы экономим на материалах, доктор Уоттс! Вы счастливы? Лично я счастлив. Зарисуй реальную хрень хренью нереальной. Так я и жил. Рисовал. Конвертировал экономию на коже и дереве в экономию на людских мозгах. Мои картинки становились всё сложнее и сложнее. Но мне нравилось. Был в этом какой-то вызов. А еще кайф. Выходишь из дому, идешь по улице, смотришь на людей и думаешь: кто из них видит мир моими глазами?

Я. Он. Она. Все. Наверное, не осталось человека, который бы не использовал плагины и скины «ВинчиКорп» и ей подобных.

Мир глазами Леонардо.

Точность. Изысканность. Красота.

Наши плагины меняют качество вашей жизни!

– Однажды я проснулся, док, с идеей. И это была не наметка на очередную халтурную библиотеку. Нечто намного большее. Просто всплыло во сне. Забавно, да?

– Не вижу ничего смешного.

– Ответ породил сам себя, док. В моей голове. Я нашел альтернативу «ВиКо» и ее плагином. Для всех и каждого. Нехило, правда?

Я выключил субтом. А еще подумал, что Питера следовало бы ликвидировать.

Эту ночь я провел в лаборатории. Не потому, что заработался – получил запрет покидать здание корпорации. Извините, доктор Уоттс. Причиненные неудобства будут компенсированы, доктор Уоттс. Мы надеемся на ваше понимание, доктор Уоттс. Я понимал. И жилой модуль, любезно оборудованный на этаже, проигнорировал. Я ходил вдоль стен лаборатории, и экран верной собакой следовал за мной. Система жонглировала данными, собирая головоломку чужого мозга.

Точка-тире-точка.

Пустота. Красные вспышки аномалии. Способность Питера каким-то образом снимать и интерпретировать внешние сигналы. Хитрый фильтр, пропускающий пару электронов, от которых работает вся подстанция. Или хотя бы лампочка, что не менее странно.

Питер ворочался на ложементе в соседней комнате. Нас разделяло стекло. Никакой мути: пуленепробиваемая прозрачность, дающая прекрасный обзор. Я наблюдал за ним, потому сразу увидел этот жест. Так приглашают сесть кого-то близкого, легонько похлопывая рядышком с собой. Разумеется, Питер смотрел на меня. Разумеется, мониторы показывали отсутствие активности на зрительной зоне, кроме кратковременного пробоя всё на том же уровне пренебрежимо малых величин. Но сейчас пренебрегать нельзя ничем. В том числе и подобным приглашением. Я открыл дверь и прошел в бокс.

– Тебя оставили в группе продленного дня? – спросил Питер.

– Получается так.

– Ты бодро держишься, док.

– Спасибо.

– А знаешь, на чем сломался я?

– Нет. Твоя история болезни несколько урезана.

– На грёбаной жене продавца шелка. На красотке Моне Лизе Жи. Ты наверняка слышал о проекте «Музей дома». Его пиарят везде.

Я не только слышал. Я старательно качал его плагины и библиотеки, не жалея денег и впервые наплевав на собственное правило не забивать глафы визуальным мусором. Отвечать не понадобилось. Питер каким-то образом знал обо всем этом без слов.

– Мой отдел работал над пилотными базами. Ну и кто мог быть хедлайнером у «Винчи-Корп», как не эта красотка, раскатанная обратно в плоскость? Не зря они тратят на маркетинг процентов шестьдесят бюджета.

Я слышал, что, даже не называя конкретных размеров стартовой прибыли от проекта, на одних слухах, «ВиКо» взвинтило стоимость акций на кучу пунктов.

– Мы сделали Джоконду. Цифрами нарисовали то, что было выполнено натуральными красками и кистями из беличьих хвостов. Транспонация непрактичного гения в казуально-обезжиренный завтрак. Или трепанация.

– Питер, я не имею возможности сорваться в Париж после ланча и полюбоваться работами мастера.

– Ты предпочитаешь любоваться моей работой? Работой того, кто сам ни разу не видел полотно? Копировальщика с копии по копии?

Я действительно перестал понимать, куда он ведет.

– Вживую картину видел единственный парень из моего отдела, когда ему было лет двенадцать. Намного ярче он помнил, как чуть не обмочился в музее, пока его мамаша не соизволила найти клозет.

– Я не удивлен.

– Зря. Поэтому ты тихо пускаешь дома слюни даже не на эхо. На кучку импульсов, грамотно скомпилированных дизайнером на основе чего-то, по сути, неизвестного и непонятого самому дизайнеру. Есть иллюзия стартовой точки. Но, опершись на нее, ты не перевернешь мир. Ты даже не сможешь привязаться к ней, как к маркеру, чтобы определить свое положение в пространстве. Свалишься в мнимое пространство, но даже там будут непонятки с тем, равно ли «i» в квадрате минус единице.

– Тебя волнуют комплексные числа?

– Уже нет. Меня волнует точка отсчета. Потому я сделал то, что сделал. Нашел идеальную привязку. Теоретически.

– А практически ты сейчас слеп, с синяком в половину лба и магниткой на руках. И «ВиКо» требует вернуть тебе зрение, чтобы увидеть... Что?

– Работу моей экспериментальной системы, не требующей никаких внешних загрузок и плагинов. Системы, не требующей «ВиКо».

– Тебя бы пристрелили сразу, Питер.

– Нет, только когда корпорация убедится, что из этой системы нельзя извлечь выгоду.

– Хорошо, если твоим глафам больше не требуются внешние библиотеки, то откуда они берут скины? Что они наклеивают на серый комбинезон или стену?

– Не знаю. Если ты заметил, я немного слепой. В теории, мое подсознание само нарисует нужный скин. Вытянет его из себя, наплевав на глафы и плагины. Я отчасти соврал тебе, док. Да, я могу описать тебя, завернутого в фирменную шмотку «ВиКо». Но воспринимаю я тебя по-другому. Просто знаю, что рядом со мной находятся три точки. Две из них – глаза под глафами, третья – пятка, по которой лупит «ВиКо». И через эти точки проходит плоскость доктора Уотса.

– Бред.

– Я так вижу.

– Ты вообще не видишь.

Питер отвернулся и сжался в комок.

– Я не уверен, что то, что я увижу, когда зрение вернется полностью, мне понравится.

– Тогда зачем ты запустил процесс?

– То, что я видел последние пару лет, нравилось мне еще меньше, док.

– Питер, тебе что-нибудь известно о синдроме ложной слепоты Китона?

– Нет.

– Это нормально. Просто ты – тот молоток, которым «ВиКо» стучит по моей пятке. И эта самая пятка тоже ты.

Уверен, skin кабинета рисовали так, чтобы имя на табличке было видно из любой точки комнаты. Т. К. Фойберг, вице-президент. Дизайнер расстарался, и буквы, спрыгнув с таблички, прочно приросли к моей сетчатке. А может, прямо к затылочной доле мозга, последние тридцать пять лет старательно пропалываемой умельцами из «ВиКо».

– Я вас слушаю, доктор, – произнес Фойберг и заученным движением поправил галстук-нитку.

Плагин отработал четко, сначала чуть приоткрыв красную кожу, а потом снова обхватив ее ошейником воротника.

– У вас ведь есть, что сказать.

Есть. Но я не был уверен, что сказанное воспримут верно, а потому начал издали:

– Решение неординарной задачи требует неординарного подхода.

– Поясните.

– Проблема Питера носит не физиологический характер. И стандартные методы не выправят ситуацию. По крайней мере, в ближайшем будущем. Возможно, со временем проявится положительная динамика.

– У вас есть альтернативный вариант.

Во мне всё больше крепла уверенность, что холеное лицо с аккуратными усиками – еще один отличнейший skin.

– Есть.

Я указал на большую эмблему «ВинчиКорп», нависшую над креслом вице-президента. Он слегка скосил глаза и погладил указательным пальцем стол. Меняет библиотеку. А где же ваш корпоративный дух, уважаемый Т. К. Фойберг?

– Поподробнее, – попросил он.

– Я предполагаю, что у Питера – психосоматический блок, который он сам себе и поставил.

– И вы хотите разбить его вот этим? – Вице-президент «ВиКо» не глядя ткнул в трехмерное изображение Джоконды.

– Не совсем. Мне нужен оригинал.

– Дорогое лекарство.

– Другого я предложить не могу.

– Что насчет абсолютно точного скина?

– Предлагаете мне разрезать титановый блок солнечным лучиком и лупой?

– Полагаю, про идеальную физическую копию я услышу примерно то же.

– Мистер Фойберг, для вас это удачный символ и многомиллиардный маркетинг. Для меня – божественность, выведенная в чистилище. Для Питера же – код, гуголплекс нервных импульсов, который может сложиться в нечто.

– В нечто – что?

– В то, ради чего целый этаж этажей вашей корпорации переоборудован в клинику для единственного пациента.

– Но код может и не сложиться.

Я промолчал.

– Хорошо, доктор Уоттс. Я сделаю всё, что смогу. Разумеется, только после того, как ознакомлюсь с вашим полным письменным отчетом, обоснованиями и видеостримом.

Кресло выплюнуло меня. Задница вопила о твердом пластике, глаза – о добротной коже и наполнителе. Вице-президент сидел на чем-то эргономичном и скромном. Можно дать гарантию, что его задница тоже не согласна с моими глазами. Лучшие библиотеки, доктор Уоттс. А скоро мы приладим фильтр и к заднице. Точнее, давно приладили, просто вы полагаете, что иметь вас можно исключительно через анус. Зря, доктор Уоттс. Глаза – не менее отличный способ.

Госпожа Лиза особенно кровожадно посмотрела на прическу Фойберга. Еще немного, и впечется зубами. Что это, если не конец аудиенции? Я вышел из кабинета.

Два дня наблюдений, два дня разговоров.

– Они откупорят мою черепную коробку, – сказал как-то Питер. – Не скальпелем, так пулей.

Язык не повернулся ляпнуть что-то вроде «ты ошибаешься». Потому что он был прав.

– Корпорация хочет изучить эффект. – Впрочем, и это прозвучало жалко.

– Корпорация хочет получить новый механизм. Но вполне готова списать его, если тот будет слишком странен или, не дай бог, неуправляем.

Я взял пластиковый планшет, и фильтр услужливо натянул на него интерфейс моего сетбука. Значит, не показалось: поверх всех окон висел значок срочного уведомления. Один тач, и короткая записка за подписью вице-президента «ВиКо» открыта. Еще один – стерта, как и гласит указание в постскрипуме.

Вспомогательный монитор мигнул и заново прорисовал диаграммы. Увы, стройные ряды цифр на соседнем экране если и изменились, то где-то на уровне сотых знаков после запятой.

– Бинго, – вдруг произнес Питер, снова увидев то, что видеть не мог. – Кажется, ты ухватил кота Шрёдингера за хвост, док.

– Должно быть. Сегодня вечером тебе назначена экскурсия в терапевтических целях.

– Не боишься вытянуть котика из коробки? В случае чего у «Винчи» найдется скальпель и для тебя.

– Я пытаюсь найти решение.

– Ты ищешь его совместно с корпорацией, а всё, что делает корпорация, – фэйк, производная второго порядка от функции «ложь».

– А ты не хочешь рискнуть?

Он хотел.

Настолько сильно, что без лишних слов встал с кровати через три часа, положил мне руку на плечо и пошаркал вместе со мной сквозь лабиринт коридоров. В другой руке Питер нес дополнительный планшет-сканер. На всякий случай.

Мы никого не встретили на пути, но закачанный в глафы навигатор вел нас лучше любого сопровождающего. Залы «ВиКо» – пустота среди пустоты. Или это очередной скин местных умельцев, прикрывший всё то, что не полагалось видеть любопытному офтальмологу? Чего еще может желать корпорация, способная предоставить клиенту такой плагин? Выключи всех лишних из своей жизни! Засунь их под покров, которому плевать на законы преломления света!

Похоже, беседы с Питером не прошли для вас даром, доктор Уоттс. Придется посидеть на успокоительных. Мы подготовили для вас немного: подаются из рожка в ствол, достаточно одной порции.

Я ждал пилюль напротив единственной реальной точки в нарисованном мире «Винчи-Корп».

Яркий свет убил все тени. Утопил предметы и стер предощущение черной дыры на затылке.

Не осталось мира, кроме прямоугольника, выпиленного из шестнадцатого века.

Мона Лиза Герардини смотрела на Питера. И на меня.

– Ты это видишь? – прошептал я.

– Да. Это не фэйк. Белый лист улыбается мне.

Первым на пол шлепнулся планшет-сканер.

Иван Ломака

Время сна

Она умирает. Я увидел её только сегодня, мы наконец-то встретились. И она лежит передо мной, погружённая в кому. Аля, Аленька, мой скучающий ангел. Не уходи. Останься.

* * *

В тот раз Алина позвонила вечером – как и всегда. Я вылез из-за компьютера и лёг на диван – так проще подготовиться к приёму.

– Миша, слушай. Сейчас будет два слепка ¹, поймай оба и отгадай загадку: в чём разница между чёрным и чёрным. Всё понял?

– «В чём разница между чёрным и чёрным»? Странная загадка, вполне в твоём духе. Хорошо, ясно. Заинтригован.

– Ну ещё бы. Это ведь я.

– Конечно, волшебница. Так я ловлю?

– Уже отослала. Принимай. Сперва тот, который поменьше.

О'кей. Я выбрал файл, включил воспроизведение, расслабился и закрыл глаза. Процесс похож на медитацию: как только разум оказывается готов, тебя переключает в состояние автора. Будто кто-то нажимает на кнопку.

Контакт.

Тепло, темно, сонно. Я лежу под одеялом в позе эмбриона. Наверное, у меня перед носом стена – я чувствую кожей тепло собственного дыхания. Я почти что сплю, с трудом удерживая сознание на грани яви.

Конец записи.

– Ну как?

Это Алина. Звуковую связь я не выключал – наверное, услышала, как ворочаюсь.

– Как-как... как-то просто. Темнота и всё.

– Ага. Чёрный цвет номер один. Давай второй.

– Лучше бы ты мне вкус апельсинового сока прислала. Такая жара страшная, а я тут копирую тебя под одеялом.

– Расслабься, Миш, там дальше интересно.

– Как скажешь.

Вторая запись длиннее раза в три, видно по весу файла.

Контакт.

Начинается всё так же. Если открыть глаза, я должен увидеть стену. Открываю, а её нет. Темнота. Вылезаю из-под одеяла, встаю на ноги. Пытаюсь увидеть свои руки, стены вокруг, свет за окном – безуспешно. Хочу сказать хоть что-нибудь, но звуки исчезли, даже кровь в ушах не стучит. В животе трепещет ком, словно и гравитация исчезает. Мне страшно поднять руку и прикоснуться к лицу – а вдруг и меня тоже нет? Теряю равновесие и падаю, но нет ни пола, ни земли, и воздух неподвижен. Хочется кричать.

Запись кончается.

¹ Слепок – цифровая запись эмоций и ощущений, сделанная посредством сенсофона.

Какое-то время, придя в себя, лежу неподвижно. Сквозь приоткрытые веки пробивается свет монитора. Появляются звуки: сперва пчелиное гудение системного блока, потом – голос Алины. Эти сигналы внешнего мира помогают мне собраться с силами и разлепить глаза. Во рту пересохло.

– ...ты в порядке? Эй?!

– Ау, Аля. Я тут.

– Ну как так можно, а? Ты там уснул, что ли?!

– Извини. Жутковатая картинка.

– Сам ты жутковатый. Прочитала в Интернете, что так готовят космонавтов. Тест на психологическую устойчивость: нужно продержаться сколько-то часов в абсолютно изолированной комнате – даже почесаться нельзя. Я схалтурила: поставила беруши и включила инфразвук на колонках. Плюс... выпила ещё, чтобы соображать хуже. Но страшно ведь вышло, да?

– Очень.

Я почувствовал себя обманутым. И вместе с тем не мог не удивиться, что меня до зубовой дрожи испугала такая простая запись. Чего уж там – я попросту не собирался больше переигрывать этот слепок. Ну к чёрту, нервы дороже.

– Ладно. Я так понимаю, ответ на загадку у тебя уже готов?

– Ммм... – Часть ритуала. Если я сейчас не отвечу – разозлится и пару дней не будет разговаривать. Может, оно и к лучшему. – Да ничего в голову не идёт. Странная загадка, и запись странная.

– Вот ты как, – её голос как-то сразу поскущел. – Ну, о'кей. Подумай, вдруг дойдёт. А для пущей ясности – вот тебе... – она отгрузила ещё какой-то файл, я не стал смотреть, – ... факультативный материал. Будут идеи – звони.

* * *

Ищу пульс на её запястье – он еле прощупывается. В телефоне вбит номер скорой. Звонить нельзя, всё сорвётся. Может, врачи её спасут. Но тогда Алина окажется убийцей. Я либо разрушу её жизнь, либо стану свидетелем её смерти. Или она проснётся. Пожалуйста.

Когда мы впервые созвонились, Алина говорила через синтезатор. Голос был мужским. Помню, как всё оборвалось внутри. И был так счастлив, когда розыгрыш вскрылся.

Память не приносит облегчения.

Качаю головой, как умалишённый. Шепчу невнятные молитвы. Стоит ей шевельнуться – вскакиваю с места и начинаю звать её. Надо успокоиться, надо ждать. Ждать? Когда свет всей жизни угасает у тебя на глазах – ждать?! Но не остаётся ничего другого. Аля сама этого хотела. Я не могу предать её.

* * *

Закончив разговор, я вернулся за компьютер и слепо уставился в экран монитора. Страх – сильное чувство, он никогда не отпускает сразу. Наверное, мне стоило взять верх над собой и ответить на её загадку... признавался я себе в этом или нет, но Алина – самое яркое событие моей чересчур обыкновенной жизни. Сморгнув усталость, я взял в руки сенс. И получил ещё один удар по нервам – слепок назывался «темнота номер 3».

Инстинкт самосохранения поборол любопытство. Я попытался расслабиться за игрой, но, запустив её и оказавшись в мрачном виртуальном коридоре, как-то мигом решил, что сегодня лягу пораньше. Оторвался от игры, запустил браузер, ответил на пару сообщений, посмотрел новости... в общем, часа через полтора, действительно захотев спать, вспомнил

о своём намерении. Пошёл в ванную, ополоснул лицо, посмотрел скептически на заросшую щетиной физиономию. Двадцать три года, лицо умное, нос прямой. Постричься пора. Или хотя бы побриться. Закончив воевать с бритвой и лосьоном, я буду просто счастлив рухнуть в постель. Так оно, в общем, и вышло.

Снилась Аля.

Во сне я видел её только со спины. Алина меня звала. Но как я ни пытался подойти и заглянуть ей в лицо, она отворачивалась. Тогда я стал искать зеркало – во сне я точно знал, что она обязательно появится в зеркале, – но в отражении Алина почему-то заслоняла лицо руками. Она начала раскрывать их, и вместе с ладонями открылись мои веки.

Проснулся рано. За окном гудели машины, в воздухе ощущалась звенящая чистота. А форточка открыта. Тело ломилось энергией: я был готов пробежать марафон. До работы оставалось около двух часов, но на следующий день должны были давать зарплату, а мне совсем немного не хватало до двойной нормы. Решил выйти пораньше.

В офис я заявился раньше всех.

Из привычного рабочего ритма меня выбило приветствие:

– Здорово, больной.

Толя. Худощавый, глаза суетливые, за метр пахнет кофе. Обидел я его чем-то?

– Привет, привет.

– Ты в порядке?

Я посмотрел на него, немало озадачившись. Я чувствовал себя не просто хорошо – великолепно. Погружение в кошмар произвело на меня целительный эффект. Если я и ожидал вопроса, то только о том, какого рожна я заявился в офис спозаранку. Я потёр рукой подбородок и внезапно почувствовал пробивающуюся щетину.

– Да в порядке, чего там. Цвету и пахну.

– Ну ладно.

И Толя снова завис в наладоннике. Он вообще не расстаеться со своим сенсом – модель «всё в одном», суперкомпьютер в кармане. Толя – наш штатный сенсманьяк.

– Совсем забыл, Мих. Тебя просили в бухгалтерию зайти.

– Зачем?

– Как «зачем»? За деньгами.

– Так зарплата же пятого.

– Вот-вот. Зарплата сегодня. Давай, чапай.

На автопилоте зашёл в соседний кабинет, расписался в ведомости (плакала моя премия!), вернулся и сел за компьютер. Свернул таблицу, вышел в Интернет. Открыл «входящие». Сообщений было много.

Писала Алина. Просила не открывать третий файл, извинялась за плохую шутку. Заклинала написать как можно быстрее. Паниковала, словом. Писал Толя. Напомнил, что за мной и так числится грешок безответственного отношения к работе и что в этой связи ещё один пропущенный день мне репутации не поправит. Писала Света из бухгалтерии – по тому же поводу. Мол, славный сотрудник, а так безответственно себя ведёт. Предупреждала, что так и прогонят меня с уютного местечка.

Не удивительно, что я славно выспался. Больше суток подушку давил.

Нет, я люблю поспать. Мне сны интересные снятся. Но спать тридцать часов без перерыва – это ведь ненормально? Эдакий тревожный звоночек о вероятном психическом нездоровье.

Слава богу, человечество изобрело Интернет. Через полчаса я уже знал туманный термин «психосоматическая нарколепсия». Так, видимо, и называлась накрывшая меня неприятность. Суть расстройства сводилась к тому, что организм компенсировал повреждение психики неестественно долгим сном, в процессе которого мозг избавлялся от травмы.

Нормальный человек бы раз и навсегда стёр номер Алины. С её шуточками и крышей двинуться недолго. Но я, видать, уже поехал.

– Да? Кто это?

Судя по шуму клавиш на заднем плане, она была занята. Я помолчал, обдумывая приветствие.

– Миш, ты? Ты в порядке? Знаешь, как я волновалась за тебя?

Шум клавиш стих, раздались быстрые шаги. Вышла в коридор, наверное. И ох уж мне эта женская логика: сперва скидывает на меня эмоциональную бомбу, а потом заявляет, что переживала.

– Привет, Аль. Я... я не совсем в порядке. После нашего разговора я просто вырубился и проспал тридцать часов. Мне как-то беспокойно за свои мозги. Тебе есть, что сказать?

– Честно?..

Вот не люблю я эти моменты. Она так спрашивает перед тем, как дать Очень Неприятный Ответ.

– Гони.

– Только то, что я очень перед тобой виновата. Ну, у тебя ведь планы, наверное, были, дела какие-то, и...

– Какие к чёрту дела! Меня на сутки вырубил твоим слепком, я чувствую, будто с ума схожу!

На меня начали оглядываться коллеги. Вот же... Я вышел на лестничную клетку.

– Да всё в порядке, Миш. Страшно было?

– ...ну, было.

– Вот. Но не так, чтобы до проблем с мозгом. Это шутка, понимаешь? Розыгрыш. Я была под снотворным, когда делала запись. А из-за шампанского оно подействовало... ударно. Иногда со слепком передаётся биохимическая программа выработки гормонов. Я уснула – и ты уснул.

Меня будто в холодную воду окунули. Не потому, что Аля так жестоко пошутила. А потому, что нельзя запивать снотворное алкоголем. Это неплохой способ суицида.

– ...ты с ума сошла?

– А то ты не знаешь. Мне же скучно. И если, борясь со скукой, я не подвергаю себя риску...

– Прекрати немедленно. Если ты себя внезапно убьёшь, тебе, конечно, будет уже всё равно – мёртвые снов не видят. Но... – А вот здесь, наверное, стоило вставить трогательное признание. Но меня совершенно некстати резанула мысль, что я даже фотографий Али никогда не видел. А влюбляться в голос – это слишком наивно. – У тебя же есть семья, друзья. И чтобы так эгоистично играть с их чувствами, нужно быть...

– ...нужно быть мной. Хочешь злиться – пожалуйста. Но ты мне не отец, не мать и не муж, чтобы предъявлять какие-то претензии. Да, и не вздумай открывать третий слепок. Я... разозлилась на тебя. Наверное, слишком. Удали его.

– К чёрту слепки. К чёрту семью, друзей и родителей. Какие бы ты ни делала глупости, как бы ни пыталась изобразить из себя чудовище... – Оп, снова момент для признания. Не сдаваться! – ... просто береги себя. И... и меня, если уж на то пошло. Не надо больше присылать своих наркотических видений. Ферштейн?

– Вполне. Отбой, Миш. И извини ещё раз, глупая вышла история.

* * *

Она всё больше бледнеет. Совсем перестала двигаться. На лбу – холодная испарина. Руки вялые и холодные. Я укурываю её одеялом. Беру в руки косточку от персика и, закрыв глаза,

исследую пальцами бороздки. Как же так получилось, Алина? Почему мы не нашли иного, лучшего решения? Почему ты должна играть со смертью, а я – отгонять её от твоей постели? Я плохой страж, и если твоё сердце остановится – ничем не помогу. Чтобы отвлечься, сажусь за компьютер и ищу статьи о полевой реанимации. Спустя минуту закрываю окно браузера: вот ведь дурак! А если программа прервётся из-за моей возни?!

Что делать?

Хожу по комнате из угла в угол. Натякаюсь на предметы, цепляюсь пальцами за занавески. Открываю окно. В комнату врывается уличный шум. Не могу поверить, что там, снаружи, жизнь продолжается. Это неправильно. Негармонично. Если Аля умирает – весь мир умирает с нею.

* * *

Я вернулся в кабинет; работа не шла. Думал об Алине. Скука – важный определяющий фактор, я сам так считаю, но нельзя ведь рисковать своим здоровьем ради развлечения?! Она и умереть могла. Понажимав для вида клавиши, я выскочил на улицу. Плавающий обеденный перерыв. Проветрюсь.

А на улице хорошо. Осень мягко надвигалась на город, радуя уже необжигающим солнцем и той ни с чем не сравнимой свежестью, которая бывает только в начале сентября. Петляя по смутно знакомым окрестностям, я наслаждался погодой и думал об Алине. Мне казалось, наш обмен эмоциями, ставший чем-то сродни дурной привычке, позволит мне лучше понять эту удивительную девушку. Что недосказанность исчезнет, всё станет легко и естественно. Я даже боялся, что пойму её слишком хорошо и потеряю всякий интерес к нашему авантюрно-виртуальному... роману? Интересно, считает ли она, что у нас роман?

Мне стало весело. Чёрт возьми! Это же удивительное переживание, если подумать! Потерять день жизни, попробовав на вкус начало чужого наркотического прихода. Это ведь какая экономия может получиться... Задумавшись о бурном студенческом прошлом, я вдруг понял: если бы обмен состояниями всегда влиял на биохимию мозга, этот феномен был бы давно известен и исследован. А раз этого не произошло, то наш с Алиной случай в своём роде уникален. Интересно, как она ко всему этому отнеслась?

Я подумал, что было бы здорово поделиться с Алиной этой погодой, солнцем, весельем – в противовес негативу последнего разговора. Пусть порадует. Но увы: оказалось, сэнс я забыл на работе. Настроение тут же ухнуло вниз.

Гулять расхотелось, и я пошёл обратно в офис. Сенсофон нашёлся не сразу; выяснилось, что я оставил его у себя на столе. Обыкновенно я на автопилоте кладу его поверх системного блока – чтобы под рукой лежал. На столе такой завал – клавиатуру и ту не всегда с ходу видно.

Придя домой и сев за компьютер, я получил сообщение от Али.

«Михей, ку. Я тут поговорила с людьми и выяснила, что вчера и правда могла тебя как бы... ну, убить. Это не шутка. Третий слепок, который я тебе отправила, – первые минуты после того, как меня вырубил. Я поставила на постоянную запись, всего получилось минут десять, и последние десять секунд, судя по анализу файла, – это что-то вроде летаргии. Прочтёшь такое – и не факт, что проснёшься. Я толком не поняла, почему. Рассказывают, что люди после таких экспериментов и в больничках отлёживались. Ещё на форуме говорят, что в последних прошивках сенсов такие «околокоматозные» слепки не записываются. Так что слу-

чаев смертей вроде бы не зафиксировано. Но всё равно. Я опасная сумасшедшая дрянь без царя в голове, и для твоей же безопасности тебе лучше мне не писать. Если мои эксперименты сведут в могилу меня – не страшно, а вот если кого-нибудь более или менее нормального – я себе и на том свете не прощу. Пока, Миш, с тобой было весело. И извини, что чуть тебя не убила».

В графе «ответное сообщение» подрагивал курсор. А я вдруг так странно себя почувствовал. Будто уже готов был упасть в пропасть с ней за руку, а в последнюю секунду ударился о стекло. И не упал.

Алина заблокировала свою страницу. Я обдумывал вариант создания двойника, чтобы выйти на неё под другим именем, но через полчаса её страница исчезла полностью. Сенс не отвечал.

* * *

Компьютер Али издаёт сигнал: кончилась запись первого диска. Тороплюсь к монитору: так, запись продолжается, ничего трогать не нужно; порядок. Да какой ещё порядок...

Мокрым полотенцем я вытираю пот с её лба. Касаюсь ресниц, они неподвижны. Хочется выть.

* * *

Спал я мерзко, снились кошмары. Бегал за кем-то, пытался позвать, а имени не помнил. Становилось всё темнее и темнее, пока тьма не поглотила всё вокруг – я тут же проснулся в холодном поту.

Наутро встал разбитым. Сенс, несмотря на севшую ещё вечером батарейку, злорадно пропиликал будильником. Оставив бесовскую игрушку дома, я поплёлся на работу.

– Эй? Привет.

Света. Бухгалтерша. Веснушчатая блондиночка, волосы выются. Симпатичная. Кажется, я ей нравлюсь.

– Привет, Свет.

– Миша, ты слышал про Толю?

– Нет, а в чём дело?

– Его жена звонила. Толя заболел серьёзно. Увезли на «скорой»...

По спине пробежал холодок.

– Боже-боже. Так что с ним?

Света передёрнула плечами и ответила охрипшим на секунду голосом:

– Говорят, в коме.

Меня пробила дрожь. Сохраняя видимость спокойствия, я невидящими глазами смотрел в монитор. Всё было ясно, как день: Толя, большой любитель почитать чужие слепки, воспользовался моим отсутствием и слил себе несколько последних записей. Любопытство Тошку сгубило. Но дело было не только в нём. Случившееся наверняка можно классифицировать как преступление. И Алю будут судить. А она не хотела ничего плохого.

Где-то она сейчас?

В голове творилась настоящая каша. Любил ли я Алину? Скорее, я просто хотел быть ближе к ней – она вела такую жизнь, которая нравилась мне. Всегда играла на грани фола. Рядом с таким человеком вещи обретают новое значение, начинают казаться чем-то большим. Думать о том, что по её вине человек оказался на грани жизни и смерти, было тяжело. Это, конечно, и его вина... Толя всегда сначала делал, а потом думал. Да и я тогда понятия не имел, насколько опасна память моего сенсофона. Алина – и та могла только догадываться.

Никто не виноват, все виноваты.

В тот же день я навестил Толю в больнице.

Странный получился визит. Посетителей к нему пускали. Лёжа под капельницей в палате коматозных, Толя, несмотря на оптимистичные заверения врачей, выглядел глубоко больным. Белый, как простыня. Похож на покойника. Кажется, я пару раз заметил, как он двигал глазами. Подозвал проходившего мимо врача. Усталый мужчина лет тридцати ответил, что это хороший знак. Чем больше признаков активности – тем лучше.

Главное, что Толя жив. Всё остальное – причины его болезни, объяснения и последствия – можно отложить до момента, когда он очнётся. Чувствуя в груди смесь вины и тревоги, я вышел из палаты. И столкнулся с Верой, его женой.

Твою мать.

– Миша? Здорово, что ты зашёл.

Глаза красные, голос больной и на редкость взвинченный.

– Вырвался вот... и как его угораздило только? Толя же такой здоровый.

Я попытался улыбнуться утешительной улыбкой, но вышло натянуто. Осознав неловкость момента и не найдя что сказать, Вера сделала шаг в сторону. Я кивнул ей и двинулся дальше по коридору, но в последнюю секунду она меня окликнула.

– Миша!..

Помимо своей воли я вздрогнул.

– Да, Вер?

– Я когда его нашла, он в кресле сидел. Я... я сперва решила, что он слепки смотрит, подождала пару минут. А он всё не приходил в себя. Я так испугалась!..

Я сделал пару шагов ей навстречу, чтобы обнять и утешить, но Вера отступила назад.

– Я сразу подумала, что дело в сенсе. Он всегда слишком им увлекался, я знала, что это плохо кончится! В общем, я взяла его сенс и... посмотрела последние сообщения.

Она подняла на меня полные слёз глаза. А я представил вдруг фотографию её лица в чёрной рамке демотиватора. И подпись: «Это ты виноват!»

– Самое последнее было от тебя. Подписано Толей как «стянул у Миши». Я потому и не позвонила тебе – ясно, что он взял без спроса. Но теперь скажи, что там было?!

Я растерялся. Она здесь, она в порядке. Если бы она хотела узнать содержимое файла, без спросу снятого с моего телефона, – взяла бы да и прочла. В любом случае, правду говорить нельзя.

– Не знаю, Вера. Чья-то глупая шутка. Я никогда не читаю файлы, приходящие с неизвестных номеров. Просто не успел удалить. А Толя, наверное, проходил мимо и из интереса переслал себе пару записей с моего сенса.

– Это не шутка. Он в коме. И неизвестно теперь, когда придёт в себя. Тебя убить могли. А Толю так и вовсе чуть не убили!..

Последние слова она произнесла, срываясь на плач. И я всё-таки обнял её, чтобы успокоить; кажется, она мне поверила.

Пять минут спустя мы сидели в кафе неподалёку от больницы и пили чай.

* * *

Это я виноват. Во всём. Надо было остановить твои опасные игры. Надо было раньше сказать, как ты мне дорога. Пусть даже я сам этого не понимал, трусливый неудачник – должен был понять! И нужно было держать язык за зубами... Мы бы придумали, как решить этот ребус. Без... без твоей искусственной смерти. Я не должен был этого допустить.

*Просыпайся, Аля. Просыпайся скорее.
Минуты сливаются в часы. Часы бесконечны.*

* * *

Легкомысленная музыка совершенно не вязалась с моим настроением.

Вера почти успокоилась, но теперь горела жадой наказать виноватых.

– Как думаешь, кто мог это сделать?

Хороший вопрос. Это могла сделать Аля. Более того – именно она это и сделала. У меня, видишь ли, есть сумасшедшая подруга, которая эксперимента ради запивает снотворное шампанским и, впадая в кому, записывает свои ощущения.

– Понятия не имею.

Главное – смотреть ей в глаза. Если смотришь человеку в глаза, больше шансов, что он тебе поверит.

Вера махнула головой:

– Как-то ты не слишком тревожишься для человека, которого сутки назад чуть не убило телефоном.

Попался! Нужно срочно войти в образ.

– На самом деле мне тоже страшно, – Вера взглянула на меня внимательнее, – но тебе, я уверен, гораздо хуже. Это не у меня сейчас любимый человек лежит без движения под капельницей в больничной палате. Я просто не могу себя жалеть. Вот и бравирую.

Как бы извиняясь, я передёрнул плечами. Сквозь проступившие слёзы Вера улыбнулась – впервые за наш разговор.

– Спасибо, Миш. Просто это всё так внезапно. Знаешь, какая я дурочка? Я когда поняла, что Толя не просыпается, схватила его сенс и попробовала прочитать последний слепок.

Щека предательски дёрнулась; Вера, увлечённая рассказом, ничего не заметила.

– Но у Толи какая-то новая модель, я совершенно в ней не разбираюсь. Так ничего и не вышло, – она вздохнула с искренней самоиронией. Я почувствовал себя последней сволочью. – Это потом уже, когда врачи приехали, до меня задним умом дошло, что если бы у меня получилось, мы бы с Толиком вместе там... лежали.

Ну вот, опять глаза на мокром месте. Я протянул Вере салфетку.

– А что врачи? Ты им всё рассказала?

– Нет. Когда они приехали, у меня была истерика. Двух слов подряд сказать не получалось. Поехала с ним, сидела в приёмной – к нему не пускали ещё. Полночи так. А потом меня чуть ли не силой вывели – сказали, чтобы отдохнула дома.

Мы помолчали. Я нервно смотрел в окно и жалел, что не курю. Вера тоже о чём-то задумалась, скользя по помещению кафе затуманенным взглядом.

– Сегодня утром я попыталась найти этого твоего... шутника.

Час от часу не легче. Наверное, я просто истратил запас удивления на сегодня, а потому ответил вполне спокойно:

– Да? Получилось?

Вера смутилась:

– Это не было сложно. Мне Толик как-то показал. В свойствах слепка есть запись последних номеров, с которых его пересылали. Транспортная история, что ли?

– Маршрутная история. Да, точно. Я и не подумал.

Ну вот. Теперь мне точно конец.

– Я звонила тебе, но ты не отвечал.

Ещё бы – сенс-то дома.

– Тогда я попробовала узнать, кому принадлежит предыдущий номер... поискала в Интернете, нашла сайт, на котором продавалась такая программа, отправила какую-то SMS, но ничего не заработало.

Кто бы мог подумать.

– А потом я позвонила.

Ну и что? Я тоже звонил. Станет Алина откликаться, как же.

– Очень долго никто не отвечал. Но я звонила снова и снова, пока, наконец, не взяли трубку. Я ругалась, кричала, угрожала – никто так и не ответил. Хотя мне послышалось что-то на той стороне. Ну...

– Что?

– Там... дышали в телефон.

И что Аля удумала на этот раз? Ведь если симка зарегистрирована на неё, то, как только Вера заявит в полицию – всё, конец игры. Вера украдкой посмотрела на часы.

– Я просто хочу, чтобы Толе стало лучше... И чтобы такого больше ни с кем не повторилось, – добавила она, секунду поразмыслив.

Она встала и собралась уходить. А внутри меня что-то сломалось. Врать дальше было неправильно, какие бы мотивы за моей ложью не стояли.

– Вера, постой.

Оп, а продолжить-то как сложно. Печёнка так и кричит: не продолжай, дурак, не выйдет из этого ничего хорошего!

– Я должен тебе сказать кое-что. Дело в том, что я...

Треклятый инстинкт самосохранения сжал моё горло мёртвой хваткой. Я отпил остывшего чая и собрался с силами.

– На самом деле я знаю, кто это сделал.

Так. Нужно продолжить прежде, чем её накроет.

– Это один мой друг. Друг по переписке. Мы обменивались слепками – у неё талант создавать интересные вещи. И вот однажды она прислала мне три похожие записи, оговорив, что третью лучше сразу не читать. Но буквально в тот же вечер мы серьёзно поссорились. А вечером следующего дня она написала, что третий слепок трогать категорически нельзя, это опасно – но Толя уже успел дотянуться до моего сенса. Вот такие... – я поднял глаза на Веру, надеясь увидеть в них понимание. Куда там, – вот такие дела.

У Веры снова был тот страшный обвиняющий взгляд. А я то надеялся, что она успокоилась.

– Твоя подруга – убийца. Ты должен заявить в полицию о преступлении.

Она не говорила – чеканила слова.

– Послушай...

– Или это сделаю я. У меня есть её номер, так что её быстро найдут. Найдут и посадят.

– Да ничего она не сделала! Она просто играла с этим дурацким телефоном, и сама не поняла, до чего доигралась! Ломать из-за этого судьбу человеку я не стану! А ты? Ты станешь?!

– Да. И я права. Не понимаю, какого чёрта ты её защищаешь.

У неё зазвонил телефон. Вера взглянула на дисплей.

– Это она. Твоя сумасшедшая.

Аля, дуручка, да что же ты делаешь?

Я протянул Вере руку – мол, давай трубку. Та опешила и не стала возражать. Ладонь так вспотела, что в первую секунду я судорожно сжимаю телефон, опасаясь его уронить. Аля что-то говорит, но я не слышу.

– Алина? Аля! Ты слышишь меня?

– ...Миш? Откуда ты там взялся?

Голос у неё такой, что я отсюда чувствую запах соли. Плакала, и много. Почему-то я чувствую себя виноватым.

– Человек... которого накрыло волной твоего творчества, – мой друг и коллега.

– А, – она шмыгает носом и умолкает на пару секунд. – Теперь всё ясно. А то я понять не могла, кто это был. Ну, кого я...

Только бы она снова не заплакала. Вера смотрит на меня взглядом Аматарасу²: она не намерена терпеть наши душещипательные беседы.

– Аля, минуту. Не вешай трубку.

Я прикрываю телефон рукой и поднимаю глаза на Веру:

– Две минуты. Дай мне две минуты. Я знаю, что ты хочешь поджарить Алину на электрическом стуле, – на секунду лицо Веры становится растерянным: не иначе как удивлена, как агрессивно выглядит со стороны, – ... но две минуты ничего не изменят. Я просто поговорю с ней. Хочу уяснить кое-что для себя, а потом всё будет так, как ты захочешь. Хорошо? Это ведь я должен бы сейчас лежать под капельницей, а не Толя. Так что я имею право во всём разобраться.

Даже странно, как убедительно это прозвучало – ведь уверенности во мне ни на грош. Вера кивает отрывисто и поворачивается к окну. Но я уверен, она ловит каждое слово.

– Аля.

– Я думала, это ты.

– Что?..

– Я думала, Толик – это ты. Ну, как я пробовала говорить мужским голосом, так и ты мог представиться чужим именем. Идиотское желание людей сохранить инкогнито. Я думала, ты не сказал про жену, чтобы не отпугнуть меня. Когда она позвонила... Я так тебя ненавидела!

Надо же. Она ненавидела меня за то, что я оказался женат. Как же всё это не вовремя.

– Аля, прошу тебя. Выслушай меня внимательно. Ты совершила страшную глупость, а я был преступно неосторожен. Я же знал, кто ты и чем занимаешься, мог хотя бы минимальные меры безопасности соблюдать. Сенс на блокировку поставить. Но теперь это на втором плане. А на первом – мой друг, который в коме. И я подозреваю, что ты знаешь о его состоянии больше, чем многие из врачей. Я прав?

Ну давай, девочка на миллион. Я же знаю, что ты умнее всех на свете.

– Нет. То есть да. Я не знаю!

Вера отворачивается от окна и во все глаза смотрит на меня. Уверен, она тоже ждёт ответа Али.

– Соберись.

– Я собрана. Не в этом дело.

Её голос дрожит, она сильно нервничает.

– Клин клином вышибают, знаешь, Миш?

– Знаю. Так у тебя есть варианты?

– Да, – говорит она и тут же добавляет, – я не уверена, но мне в любом случае понадобится твоя помощь.

– Секунду, Аль.

Поднимаю глаза на Веру.

– Кажется, Алина знает, как помочь Толику. Она не преступница, не убийца, и реши ты упечь её за решётку – всегда успеешь. Ей... нам с ней нужно время.

– Сколько?

Подношу трубку к уху.

² Аматарасу – богиня-солнце, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто, также известна как богиня возмездия.

– Алина? Твоя теория – сколько времени уйдёт на её проверку?

– Ну, когда в прошлый раз приятель моего знакомого впал в кому из-за моего слепка, это заняло... – она нервно смеётся, тут же обрывая себя, – в общем, не больше дня. Теория простая.

– Понял. Не вешай трубку. – И обращаюсь к Вере: – Это займёт не больше дня. Двадцать четыре часа. Ты подождёшь?

Она набирает в грудь воздуха, словно хочет накричать на меня. Но замирает, и я вижу, как из её глаз начинают падать крупные слёзы. Еле слышно они разбиваются о стол, одна за другой – словно стучит чьё-то сердце.

– Я, наверное, не должна так поступать. Это неправильно. Но ты попробуй. Сутки я подожду. И Толик...

И, словно боясь передумать, она порывисто выходит из кафе. Я провожаю её взглядом, прижимая мобильник к уху. Её мобильник. Догонять и возвращать поздно; отдам потом. Алина уже настроилась на деловой лад, но в интонациях её почему-то сквозит фатализм. Мне это не нравится.

– Миш. Ни о чём не спрашивай, ладно? Мне потребуется винчестер побольше. Только его отформатировать придётся. У тебя есть, где взять?

– Да. Два терабайта хватит?

– Наверное. И приезжай как можно скорее.

«Приезжай». Это слово будто бы ударяет в хрустальный колокол внутри моей головы. Алина диктует адрес и отключается. Я еду домой.

* * *

Слёзы кончились. Лились из глаз, не переставая, а теперь нет. Я позволяю себе подумать, что будет после Алиной смерти. Во мне разверзается пропасть.

Да ничего. Вообще ничего не будет.

Раньше моя жизнь была пустой. Ты загорелась в ней сперва искрой, а потом пламенем. Я не понимал, что это такое. Я никогда раньше никого не любил. И я не хочу теперь жить без твоего огня. Не угасай. Я догоню тебя, если мы расстанемся, – но вдруг там совсем ничего не будет? Это же так грустно. Мы нашли друг друга через реки радиоволн, в цифровых пустынях. И всё зря. Проснись, Алина.

* * *

По дороге залетаю к Вере, отдаю аппарат. Дикая надежда, мелькнувшая на её лице, обжигает меня автогенном.

Наконец дома. Ставлю сенс на зарядку и сажусь за компьютер. Достая из ящика стола загрузочный диск, загружаюсь с него и повисаю на минуту перед тем, как начать форматирование. Моя жизнь – на этом диске. Не вся. Части этой жизни опубликованы в сети, некоторые ценные материалы разосланы друзьям, самое архиважное лежит на переносном винчестере. И всё равно: отформатировать диск своего компьютера – это как очистить кусочек мозга. Нажимаю на кнопку подтверждения и смотрю за процентами прогресса.

Готово.

Проходит два часа, прежде чем я нахожу дом Алины. Даже навигатор, встроенный в сенсофон, не спасает в моём случае топографического кретинизма.

Стоя у двери Алиной квартиры, я понимаю вдруг одну простую истину: пока ты жив, пока сердце не разорвалось – всегда можно Волноваться Ещё Сильнее. Сердце клокочет так, будто меня мягко бьют по рёбрам. Нажимаю на звонок.

Она открывает дверь.

Стройная, маленькая, в зелёной рубашке-пижаме и таких же пижамных штанах. Чёрные всклокоченные волосы и глаза, очерченные тенями затяжной бессонницы, огромные, как две бесконечности. Совершенно некстати я представляю её лицо в рамке демотиватора с подписью «Несчастный трус! Ты недостойн этой девушки!».

– Привет, Миш.

– Привет, Аля.

– Проходи.

Она отступает внутрь, давая мне дорогу. Она совсем не удивлена, не заинтригована тем, что видит меня. По крайней мере – внешне. Всё-таки я эгоист, думаю только о себе. А она ведь уже столько времени не спала. Вся на нервах.

Мы идём в её спальню, она же кабинет. Вместо ожидаемого творческого беспорядка я вижу едва ли не апогей аскетизма. Вещей нет. Есть стол с компьютером – мощным, с многодюймовым LCD-монитором. Есть кровать, на которой могло бы с комфортом разместиться целое семейство Аль. Есть книжный шкаф, единственный островок хаоса в этой медийной операционной. Книги лежат неровными стопками, перемежаясь со шпильками дисков, DVD-боксами, журналами и статуэтками.

Внимание к мелочам – мера самозащиты.

– Сядь.

Она даже не оборачивается. Идёт к компьютеру, всматривается в текст, кликает мышкой. Я падаю на край кровати. Наконец она смотрит на меня. Боже, стоило хотя бы причесаться.

– Давай я тебе сейчас объясню, что мы собираемся сделать. Чтобы ты всё понимал. И чтобы смог объяснить... Вере, если у нас ничего не получится. Я не смогу с ней говорить. Лучше в тюрьму, чем извиняться за такое.

– Аля.

– Да?

Она выглядит затравленной, загнанной.

– Я...

«Люблю тебя».

– Я не Миша. Меня зовут Матвей. Но я всем представляюсь Мишей, мне дико не нравится моё имя.

– Да, мне тоже. Какое-то слишком славянское.

Она улыбается. И я улыбаюсь – я ведь именно за эту устарелость своё имя и не люблю. Мы с ней думаем одинаково. Продолжая улыбаться – теперь одними губами, и улыбка при этом пугающе медленно сходит на нет, – она говорит о деле.

– Импринтинг биохимии. Ты знаешь, что это?

– В общих чертах.

На самом деле – не знаю. Но слова понятные: импринтинг – это подражание.

– Так вот. Это редкое явление, в мире всего пара случаев зафиксирована. На самом деле, наверное, больше. Их, я думаю, стараются замять. Слепок, инициирующий кому, отдаёт мозгу сигнал засыпать. Но так как команда исходит извне, то... – смотрит распечатку на столе, – ...лимбическая система мозга не получает «отчёта» о новом режиме работы. И не пытается его отключить. Сон становится для организма новой нормой.

Я медленно перевариваю услышанное. Сам собой напрашивается жутковатый вывод.

– То есть Толя не проснётся?

– Сам – нет.

Теперь я понимаю, почему у неё такие затравленные глаза.

– Но погоди, Аль. Если его усыпил твой... «отход ко сну», то и разбудить должно твоё пробуждение. Разве нет?

– Не совсем. В этом и загвоздка.

Она сидит на стуле у компьютера, смешно покачивая ногой. Я представляю, как именно в этой позе, сидя в этом самом кресле, она выдавала мне свои «Честно?».

– В теории подошла бы матрица любого пробуждения. Но это как ключ к замку – сигнал прекращения должен соответствовать стартовому.

– Я всё равно не понимаю.

– Я не просто спала, Миш. Я была под таблетками.

Она улыбается грустно, и я вижу теперь, что у неё очень маленькие зрачки. В этой полутёмной комнате.

– Я всё настроила. Это странное снотворное, оно и в прошлый раз меня минут за двадцать закинуло в кому. А проспала я тогда всего ничего, часа четыре. Проснулась, правда, в луже собственной рвоты, но ведь проснулась же. И в этот раз проснусь. Ведь ты рядом...

Она совсем сонная. Встаёт со стула, делает пару шагов. Я вскакиваю, поддерживаю её за плечи. Аля садится на кровать, по-детски трёт кулаками глаза.

– Быстрее. Выключи компьютер. Подключи свой диск. Включай. На рабочем столе, по центру, ярлык программы сенсофона. Запускай.

Пока я делаю всё это, Алина выдаёт короткие повелительные комментарии, голос становится тише, слова начинают путаться.

– Запись пойдёт моноблоком. С твоим диском хватит часов на десять. За это время я точно проснусь. Или не проснусь. Смешно, да?..

У меня в горле ком размером с баскетбольный мяч. И тут я замечаю деталь, совершенно неуместную в этом хирургически чистом будуаре. Разум, ища спасения, цепляется за неё.

– Косточка. От персика.

Обычная такая косточка. Лежит едва не по центру стола.

– Это память о лете. О том, что я хорошо провела это лето, ела фрукты. Знаешь, Миш, – она на секунду приоткрывает подёрнутые поволокой глаза, – если бы не ты, у меня было бы очень скучное лето.

Она прижимает к уху трубку сенсофона. Спустя секунду индикатор мигает зелёным – запись началась.

* * *

Аля спит. Чёрные волосы разлетелись по подушке. Капельки пота исчезают под влажным полотенцем: я охраняю сон Алины и ненавижу его.

В ванной я нахожу аптечку. Фенозепам, одна пачка открыта, вторая совсем полная. Хорошая доза. Мне хватает.

Возвращаюсь в комнату и не сразу понимаю, что изменилось. Уголок одеяла отогнут. Алина шевелит пальцами. Таблетки падают из рук и разлетаются по полу.

* * *

Веру пришлось уговаривать. Она боялась, что Толе станет хуже от этого нового слепка. Но когда я рассказал ей, как он был сделан, она поверила.

Толя очнулся спустя несколько минут после того, как прослушал слепок пробуждения. Вера, правда, так и не сказала, что прощает Алину, но мы всё равно считали, что всё кончилось хорошо. «Мы» – я и Алина. Мне нравится, как звучит это «мы».

Мы сидим в Алиной комнате. Она за компьютером, я – на кровати позади неё. Аля витает в своих цифровых облаках, всё больше переключаясь на меня.

– Я люблю тебя.

– А я знаю.

Алина посмотрела на меня снизу вверх, улыбаясь лисьей улыбкой.

– «Знаю»? И всё?

– Ты мне всё ещё должен кое-что. Не догадаешься – не буду тебя любить.

Это была серьёзная угроза. Я на всякий случай покрепче сжал её ладонь и задумался.

А, точно.

– Загадка.

– Молодец, человек Матвей!

– Не люблю это имя.

Она показывает язык. Я порываюсь поцеловать её, но она отстраняется. Поразмыслив, отвечаю:

– Есть чёрный цвет, который на время. Это не страшно. Это как закрыть глаза, а потом открыть.

– Ну?

– А есть чёрный цвет, который – как потеря мира. Когда больше ничего нет, вернее – нет ничего важного. И вот это – страшно по-настоящему.

– А что такое «весь мир»?

– Ты, Аля, – я беру в ладони её лицо и целую в уголок правого глаза. – Весь мой мир – это ты.

– Маленький у тебя мир, – улыбается она.

– Самый лучший мир на свете.

Она тянется к карману и достаёт сенсорфон.

– Ты чего, Аль?

– Счастье. Я хочу его сохранить.

Прикладывает аппарат к уху и тянется ко мне. Её губы пахнут персиками.

Ярослав Веров
Почти как люди
(из цикла «Ключ к свободе»)

*2093 год. Пригороды Детройта. Подземный
исследовательский комплекс «Эдвансд Дженетикс Инк.»*

Лиловое лицо – маска упыря. Яркая точка света – остаточный красный след на сетчатке. «Бу-бу-бу. Бу-бу. Бу». – Колебания воздушной среды. «Реакция зрачка на свет – в норме», – обрабатывает слуховой центр.

Приборы, приборы, приборы. Много бессмысленных приборов. Пульс, давление, альфаритмы. Он и так знает, что всё в норме. Суется лаборанты, белые халаты в свете кварцевых ламп мертвенно отсвечивают синим. «Томас Вулф, сенатор». Он словно пробует на вкус это сочетание символов. Отвратительно. Стереть? Нет, не время. *Ещё не время.*

– Как вы себя чувствуете?

Доктор Хаус, знаменитый тёзка древнего киногероя.

– Благодарю вас.

– Вы помните свою личность?

– Да. Я – Томас Вулф, сенатор.

Тонкие губы Хауса трогает подобие улыбки.

– Нет желания избавиться от своей личности?

– Никакого. – Рука смахивает с бедра несуществующие следы нуклеинового киселя. – Душ и одежда.

Запах. Лёгкий пряный аромат – это теперь *его* запах. Корица? Не совсем, но похоже. Хорошая текстура. Правильная. Ликвидировать остатки гормонального дисбаланса. Запустить сборочную платформу роботов синтеза гидрокарбондегидрогеназы. Синтез для крекинга.

После душа пряный аромат усиливается. Недоработка в обонятельных рецепторах. Он знает, какая последовательность кодонов отвечает за восприятие собственного идентификатора в обонятельных рецепторах. Сложная перестройка, займёт не одни сутки.

Зеркало. В зеркале отражается мускулистое тело. Вислобрюхого сенатора Вулфа больше не существует. В чертах лица – определённое сходство, и это неприятно. Стереть? Нет. *Ещё не время.*

Тонкий комариный звон под черепной коробкой: *где ты, брат? Помоги, брат...*

– Томас?

Кварц потушен, в боксе нормальное освещение. «Инкубатор» герметизирован и обесточен, индикаторы пультов умерли, сопла инжекторов сверкают хромом на стойках. Бликуют цилиндры резервуаров, физиономии охранников – как на церемонии принятия гражданства Соединённых Штатов. Боятся. Это правильно. Но рано.

– Томас?!

– Да, доктор?

– Как вам новая внешность?

– Безупречная работа, доктор.

– Ещё одна процедура, Томас. Проверить полноту закачки вашей личности. Если всё о'кей, контрактные обязательства с нашей стороны тем самым будут соблюдены полностью.

Вислобрюхий маразматик Вулф с его воспоминаниями. Проверяйте, док, проверяйте.

2091 год. Детройт. Штаб-квартира «Эдвансд Дженетикс Инк.»

Эндрю Ким сощурил и без того узкие глаза, разглядывая непрошеного гостя. Непрошеного, да, но не сказать, чтобы нежеланного. Три ген-коррекции, последняя – неудачная, гормональный фон нестабилен, признаки сбоя метаболизма налицо. Биологический возраст сто двенадцать лет. Зажился господин сенатор. Что ж, когда увядают розы, становятся заметны шипы...

– Уважаемый господин сенатор, – Ким умоляюще сложил ладони, – я в третий раз заверяю...

– К чёрту твои заверения! – перебил его Томас Вулф, багроволицый толстяк, и рубанул воздух дымящейся сигарой.

Эргономичное кресло под необъятным сидением обиженно вскрикнуло.

– В гробу я видел твои заверения, – продолжал сенатор. – А в гроб я не хочу. Я три года собирал информацию по вашему долбаному «Тригенуму», я знаю поимённо всех смертников, которых вместо электрического стула или укола цианида отправили в ваши долбаные подземелья. Я знаю, что такое метаболическая кома, и я знаю, что такое гормональный порог. Я – ваш клиент, уверяю вас. Кстати, не первый.

Ким сочувственно покивал.

– Возможно, возможно. Но придётся заплатить. И цена будет немалой.

– Хо! За бессмертие? Сколько?

Управляющий «Эдвансд Дженетикс» вынул из стола тонкую папку.

– Стандартный контракт, сенатор.

Пусть почитает.

– То есть вам нужно всё? – Вулф, наконец, вспомнил о сигаре, но та уже погасла.

Отшвырнул.

– Наши исследования требуют больших вложений, – Ким пожал плечами, – а вы любите жизнь во всём её многообразии. Виски, азарт, женщины. Все знают, как вы любите женщин, сенатор!

«Да, корейская сука, ты это знаешь. Было время, когда я не пропускал ни одной смазливой мордашки. А ещё я люблю мальчиков. С гладкой безволосой мошонкой и маленьким, как молодой стручок жгучего перца, пенисом... Но этого ты не знаешь. И как мы развлекались в золотые шестидесятые, ты не знаешь. Сколько поганых косых глаз, таких как твои, я выдавил вот этими пальцами. Ха! Мне ли впервой терять всё, чтобы приобрести ещё больше!»

– Оставим женщин, дружище. Обсудим детали.

Сенатор выудил из кармана гильотинку и срезал кончик очередной сигары.

2093 год. Пригороды Детройта. Подземный исследовательский комплекс «Эдвансд Дженетикс Инк.»

Где ты, брат? Помоги, брат...

Скоро. Доктор Хаус спокоен. Это он зря.

– Всё о'кей, доктор?

– Да, Томас. Ваша личность восстановлена в полном объёме. Начнём исполнение контракта.

Примат неплохо владеет собой. Одно «но» – адреналиновая вонь. Волнами.

Лакуны. В памяти сенатора – лакуны.

– Но... Доктор... Я не помню, чтобы я подписывал какой-либо контракт!

Неуверенность.

– Контракт подписан вами – на настоящей бумаге, чернилами.

– Покажите. Быть может, я вспомню.

Неуверенность, переходящая в панику. Как же от него смердит!

– Хорошо. Но без глупостей! – Кивок на охрану. – Ждите здесь.

Возвращается.

– Вот, смотрите, у меня в руках смотрите. Видите? Ваш почерк? Ваша подпись? Вспомнили?

Вдох. Выдох. Дело сделано.

– Кажется, я начинаю припоминать...

– Вот и прекрасно. С вами хочет пообщаться сам Дюк.

Дюк. Герцог. Профессор Лаудер. Местный доктор Моро. Царь и бог загробного мира.

Разумеется, он должен хотеть.

Где ты, брат? Помоги, брат...

Кольцевой коридор. Шахта. Идентификаторы. Несколько. *Нас* несколько. Я и ещё четверо. Я. Ещё четверо.

Кабинет. Живые цветы. Дюк пристально смотрит через биоимпланты. Слепой крот.

– Любопытный экземпляр. – Хозяин лаборатории указывает перстом на гостевое кресло. – Садись, трупак. Есть установленный научный факт – все инициированные дроиды сразу же стирают память о своей человеческой личности. Что-то мне подсказывает, что именно ты можешь прояснить эту тёмную материю.

Не боится. Понятно – почему. Тоже зря.

– Очевидно: воспоминания омерзительны и нестерпимы для них.

– Вот как? Но ведь именно память делает личность личностью, не так ли? Ведь женолюб и педофил Томас Вулф жаждал бессмертия именно как женолюб и педофил? И раз ты, в отличие от иных, не стёр свою память – то продолжаешь этого жаждать, не так ли?

Крекинг целлюлозы на низшие сахара скоро подойдёт к концу. С низшими нанороботы справятся на порядок быстрее, с глюкозой – за секунды. Скоро от контракта в папке останется мокрое место. В буквальном смысле.

– Если это так, то мы добились успеха! Но придётся потерпеть, трупак, придётся потерпеть, и не год, и не десять... Контракт, знаешь ли...

– Нет никакого контракта.

Шевеление пальцев на пульте.

Пауза. Интерком завязан на биочип – плохо.

Выброс адреналина – короткий, пиковый.

– Как ты это сделал?

– Создал колонию нанороботов, запрограммированных на синтез ферментов, расщепляющих углеводы.

– Господи... Какое разочарование... потерять такой экземпляр. Ты ошибся, трупак. В каждого из вас встроены контуры ликвидации. И я его активировал. Какое разочарование. Уже сейчас ты не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не так ли? – Подошёл, схватил за ухо, выкрутил. – Видишь, нулевая чувствительность. И речевой центр отказал. Ещё несколько мгновений и...

Движение рукой – сотая доля секунды, – Дюк начинает падать с раздробленным кадыком. Тело ещё в движении. Две десятых – переключить охрану лаборатории в режим эмуляции. Ещё одна десятая. В ящике стола – игломёт. Старый добрый «Колибри», модель семьдесят восьмого года. Томас Вулф был бы рад. Полная обойма отравы.

Стук упавшего тела. Возникший на пороге секретарь получает в глаз отравленную иглу.

Ошибка. Маленький сбой в работе «инкубатора». Объект воскрес за несколько часов до срока. Ускорение регенерации, нестабильность работы Ключа, белый шум, флуктуация. Времени было даже слишком много. Осознать себя, настроить нейронную сеть организма, удалить контур ликвидации, закачать оператив Вулфа, переключить на себя системы «инкубатора», подчинить информационную сеть лаборатории, выйти на внешние ресурсы. Томас Вулф, сенатор, уже управляет в интерактиве своими банковскими счетами и предприятиями. Серая тень. Призрак.

Охранники. Им не успеть. Серая тень, призрак – и отравленные иглы.

Нижний уровень. Первый бокс. Двое. Братья. Идентификатор первого слишком пряный – словно все специи мира смешаны в одном котле. У второго чётко гвоздичный.

– Учёных не убивать! Запереть в конференц-зале, личные чипы – деактивировать

Он гасит пульсирующие в их мозгах нити ликвидации. Бесшумными тенями братья скользят из бокса.

Второй бокс. Женщина. Вероятно, красивая. Идентификатор – мускус. Рыжие волосы и пристальный жёлтый взгляд. Томас Вулф истаял бы от похоти. Но Томас Вулф знал и её имя. Кэтрин Кинн, престарелая банкирша. Сто тридцать пять биологических лет.

– Как тебя зовут?

– Я.

– Просто – «я»?

– Я – это всё.

– А я?

– Ты – брат. Здесь ещё трое.

– А остальные?

– Никто.

– Называй меня Томас. По-иному *ещё не время*. Ты – Ядва. Они – Ядин и Ятри.

– Я это я.

Ещё четвёртый. Его идентификатор нехорош. Серийный убийца Джо Чжоу, он же Неуловимый. Предыдущая серия опытов Дюка.

Из-за двери бокса – запах цветов. Которые передержали на морозе, а потом – в тепле.

Активировать контур ликвидации. Прощай, брат-четвёртый. Ты несовершенен, а значит, ты не нужен.

2097 год. Вашингтон, Белый дом, Овальная комната

Крылья президентского носа подрагивали от раздражения. Чёрная как смоль, после последней коррекции, шевелюра, чуть ли не стояла дыбом.

– Как такое могло случиться, Генри?

Госсекретарь Генри Хитчхайкер изобразил горестный вздох и развёл руками.

– С этими биотеками, сэр... в них толком могут разобраться реально одни умники-учёные, вот они и обвели нас вокруг пальца.

– Это понятно, – буркнул Матомба Окайала. – Меня интересует реальная обстановка. Где этот паршивый мудака?

– Ким? Доставлен из федеральной тюрьмы.

– Он там вшей не нахватался? Дезинфекцию ему сделали?

– Не сомневайтесь, сэр! – нарисовал улыбку госсекретарь.

– Стой вон там, у дверей, – рявкнул Матомба, когда ввели задержанного Кима. – Рассказывай.

Эндрю Ким, переодетый по поводу аудиенции из арестантской робы в гражданский костюм, сложил ладони у груди.

– В последние годы, господин президент, наша корпорация достигла определённых успехов по созданию РНК-платформы для синтеза...

– Это я всё читал в отчёте, – перебил президент. – Оперативная обстановка?

Ким вздохнул.

– Все три моих лаборатории находятся под контролем... супердройдов, я бы позволил себе... – Он осёкся под гневным взглядом Окайалы. – Это выяснилось около года назад, после бегства лаборанта Мак-Кинли из Бостонской лаборатории. До этого мы исправно поставляли э... материал для опытов, оборудование, технику, полагая, что заказы формируют наши сотрудники. Очевидно, так оно и было – сотрудников использовали в качестве прикрытия.

– Вы в курсе, что сенатор Вулф лично заказывал для детройтской лаборатории спецтехнику? – осведомился Хитчхайкер. – Что он вложил туда почти все свои средства?

– Увы, я узнал об этом совсем недавно.

– Ага, после того, как ваши выкормыши выжгли плешь размером в километр и пообещали испепелить весь Детройт?! – вспыхнул президент.

– Увы, да! Показательная акция... Но ведь никто не пострадал...

– Неслыханно! Вы тайно продолжали снабжать нелюдей добровольцами для опытов!

– Они стали требовать много... по десять человек в месяц...

Хитчхайкер многозначительно глянул на Кима. Только проболтайся, скотина, подумал он, я тебя самого туда отправлю. Добровольцев мы, положим, обломали, скармливали смертников из тюрем... да где же столько смертников набрать...

– Но теперь они потребовали детей! Интересы гуманизма требуют положить конец варварству.

Детей, скажем, мы тоже из приюта выдернули... Чёрт бы побрал спецподразделение «Призраки»! Кто ж мог знать.

– Надо немедленно выжечь осиные гнёзда! – бушевал Матомба.

– Сэр, – мягко вмешался госсекретарь. – Концепция неприемлемого ущерба. Мы не можем наносить ядерные удары по городам без предварительной эвакуации. А начало эвакуации будет воспринято противником однозначно, и он испепелит нас раньше.

Матомба вскочил, яростно почесал шевелюру.

– Ты прав, Генри. Ты прав. Этого обратно под замок, а сам иди, работай. Я подумую.

Пронесло, решил Хитчхайкер.

Некоторое время президент сидел неподвижно, лишь постукивал костяшками по мраморной столешнице. Затем губы его беззвучно зашевелились – Матомба говорил по интеркому.

В кабинет вошёл четырёхзвёздочный генерал в сопровождении ещё двух военных – мужчины и женщины, в камуфляжных «невидимках» без знаков различия.

– Это и есть твои «Призраки», Джек? – поинтересовался президент.

– Дракон, – представился мужчина. – Полковник.

– Джейн, – произнесла женщина. – Капитан.

Президент кивнул.

– Я распорядился взять под стражу Хитчхайкера, – сказал он. – Какова диспозиция по Бостону, Чикаго и Детройту?

Заговорил генерал:

– Чикаго и Бостон в разработке. Детройт будем штурмовать.

– Сколько детей туда отправили?

– Пятерых, и совсем недавно. Есть основания думать, что дети нужны для особых целей, и их можно спасти.

– Сколько бойцов может выставить детройтское гнездо?

– Предположительно полсотни боевых дроидов нового поколения. И, конечно, сами суперы.

– Вы уверены, что супердройды не размножают себя?

Заговорила женщина:

– Есть веские основания полагать, что количество суперов в бостонской лаборатории не только не увеличилось, но и уменьшилось.

Матомба улыбнулся – впервые за последние дни.

*2097 год. Пригороды Детройта. Подземный
исследовательский комплекс «Эдвансд Дженетикс Инк.»*

Он ненавидел кисель. В приюте часто давали кисель на третье, и он, втайне от няньки, старался вылить его на пол или в тарелку из-под супа. Его ругали и наказывали. А ещё называли недоумком и придурком.

А здесь кисель совсем другой. Похож на суп, и пах, как суп, и пузо после него не крутило.

Вот только кроме киселя ничего вкусенького не давали. И гулять не водили. И игрушек не было. Только машинка, которую он украл в приюте. Но он боялся её показать.

Приходил дядька-кукла, давал кисель и воду и уходил, и им было скучно. А потом двое дядек-кукол забрали близнецов Чака и Норри, и те не вернулись. Может, их отвели к папе и маме?

А потом забрали толстушку Нелли и дылду Оуэн, и он остался совсем один. Ему было скучно, он пил кисель и завидовал другим – наверное, у них уже есть папы и мамы. А он самый младший, и ему снова всё достаётся последнему.

А потом пришёл другой дядя. Он тоже был куклой, но совсем-совсем другой. Красивый и не страшный. И от него вкусно пахло. И он стал разговаривать.

– Как тебя зовут, малыш? – спросил человек-кукла.

– Каллабас, – запинаясь, ответил он.

Он был ещё маленький и не умел выговаривать всех букв, тем более такую сложную, как буква «р», и очень этого стеснялся.

– Калабас – это тыква, – сказал дядька. – Пустая тыква. У тебя, малыш, есть возможность стать тыквой полной. Или сыграть в ящик. Пойдём со мной.

Он стал думать, как играют в ящик, но не придумал, а дядька повёл его куда-то по лестнице и привёл в большую комнату. Там было интересно, светло и много всего блестящего. И огоньки разные весело мигали, как на Рождество. Ещё в углу стоял человек-кукла, обыкновенный.

А потом в зал вошла рыжая тётя, тоже очень красивая. И от неё тоже пахло, тоже хорошо, но не как от дяди, а по-другому. И они с дядей стали ругаться...

– Нам объявили ультиматум. Будет штурм.

– Ерунда. Это примитивные стадные существа. Им свойствен так называемый гуманизм.

Они уверены, что здесь множество заложников.

– Сверху нас уже атакуют.

– И что?

– Половина наших дроидов уничтожена...

– Но их потери ужасающи.

– Да.

– Проще было выжечь нас плазменными генераторами. Но они не делают этого.

– Потому что им нужны технологии, а не заложники.

– Ты несовершенна. Иначе бы ты понимала, что приматам нас не переиграть.

– Ты уничтожил всех братьев. Вместе мы бы устояли.

– Они тоже были несовершенны. Предлагали путь, отличный от проложенного мной.

– Хочешь получить совершенство из этого? – Женщина показала на мальчика. – Негодный путь.

– Не заниматься же нам половым размножением.

Её лицо тронула гримаса отвращения.

– Надо сдать. Мы выиграем время, мы обманем их, мы свяжемся с другими братьями.

– Негодный путь, – повторил за ней мужчина. – Нас разберут на части.

Пришло время.

Он вытер из памяти остатки личности Томаса Вулфа, сенатора. Чужая сущность, отличная от него, с иным идентификатором, проявлявшимся вовне как тяжёлый аромат мускуса, была несовершенна.

Он ударил.

Открыв от восхищения рот, малыш смотрел, как дядя и тётя превратились в два серых смерча, то сшибавшихся, то расходившихся быстро-быстро. На всякий случай он даже встал на четвереньки и забрался под какой-то сверкающий стакан. Вот это драка! Если бы он мог так, все обидчики и даже воспитательница Марта боялись бы его и слушались!

Но вот смерчи снова превратились в дядю и тётю. Дядя тяжело дышал, а тётя стала совсем лохматая.

Вдруг дядя как выдохнет! Синим огнём! Дракон, решил малыш, забиваясь поглубже в угол. Тётя тоже выдохнула, только у неё огонь был розовый, и эти два огня как сшиблись – аж искры полетели. Только дядин огонь был сильнее – он давил-давил, и до тётки добрался, и она как закричит! Такое он только в тридэ видел, и то подсмотрел в щёлку у старшегруппников. А тётин огонь совсем было погас, но потом лучиком тоненьким стрельнул дядьке прямо в лицо...

Повезло. Вот ему – повезло. Калабасу, мальчику-тыкве. Скрючился под автоклавом. Чужие наниты уже брали под контроль нервную систему, и отработать их не успеть.

– Запоминай, мальчик-тыква. – Голос хриплый, чужой. – Может, пригодится. Вот это – резервуар с аминокислотной смесью.

Ноги не гнутся. Нацедил в стакан, выпил. Чуть отсрочки.

– Тут твои соплеменники, много. Нам тоже иногда надо... питаться. Редко... но надо. Там – резервуары поменьше. Нуклеиновые смеси, энзимы, ферменты и коферменты... не понимаешь... но запоминай. Для реакций... небывалых... новых... а это, – в руке блеснул длинный и тонкий золотой цилиндр, – волшебная... па-алочк...

Ноги подогнулись.

Малыш выполз из укрытия. Подёргал лежащее тело за ногу. Приподнял руку – рука безвольно упала.

– Селовек-кукля, – в карих глазах горел восторг.

– Не... кук... ла... живой... мертвец... хуже... вам подарок... во о о...

С сильным предсмертным выдохом изо рта вырвался серый дым, на миг принял очертания человеческой фигуры. И неторопливо втянулся в отверстия вентиляционной шахты.

Мальчик вынул из руки мёртвого золотой цилиндр, огляделся. В углу всё так же неподвижно стоял дроид. Малыш подёргал его за рукав.

– Дяденька!

– Чего желает господин... – дроид провёл ладонью у виска мальчика, – господин О'Басс?

– Я хосю отьсюдова.

– Следуйте за мной, господин.

В полутора милях от лаборатории кусок лесной лужайки медленно ушёл под землю. Трёхлетний мальчик, щурясь от яркого света, выбрался на поверхность. Броневая плита за его спи-

ной так же медленно и бесшумно встала на место со всей растительностью. Малыш важно огляделся, увидел тропинку и, размахивая золотой палочкой, зашагал по ней.

- Есть сигнал, мэм!
- Что?
- Пять миль к юго-западу, почти у объекта... идентифицируется.
- Что-о? Оки. Где мой вертолет?

- Здравствуй, малыш!
- Здравствуй, тетенька!
- Ой. Зачем ты меня нюхаешь?
- Ты живая.
- А что это у тебя в руке?
- Это волшебная палочка. За ней подлялись дядя-кукля и тетя-кукля. Они дьялись, дьялись вот так, вот так, а потом дядя тетю совсем задлял, а потом тозе умель совсем.
- Почти как люди?
- Дя.
- Но ты же знаешь, что волшебные палочки – не игрушка для маленьких детей?
- Конечно!
- Отдай её мне. Это будет наша тайна.

Из вентиляционных отверстий опустевшей лаборатории медленно поднимались, бесследно таяли в воздухе колонии самопрограммируемых нанороботов...

Александр Гриценко Сон о Ховринской больнице

Сон первый, в котором проклятое место свивается с сетью Интернет

Сергею тысячу раз снилось это заброшенное здание: выломанные истлевшие рамы окон, полуразрушенные лестницы, стены, сплошь покрытые граффити, – нарисованные люди на них печальны, они словно знают что-то глубоко таинственное и предостерегают. Под рисунками надписи о смерти, о несчастной любви, о том, что друзья будут вечно помнить погибших тут и скорбеть по ним.

На стенах есть и отдельные непонятные слова. Что они значат, Сергей, как не силился во сне, не мог понять, – их окутывал какой-то странный туман, они расплывались. Но однажды он все-таки увидел кое-что: знакомые ему надписи: *writer, virgo, blank, chloe*. Он узнал свой ник и ники близких друзей в ICQ и вообще в Интернете: на форумах, в блогах, в электронной почте, – везде.

Откуда заповедные для него и его друзей слова появились в этом жутком месте? Сергей чувствовал безысходную пустоту, он понимал, что тут, где воздух склеивает гортань и встает комом в легких, где страх таится в каждом темном углу, где граффити с изображением проклятых печальных людей и траурные надписи вызывают тоску и страх, появление этих ников означает несчастья...

Обычно в этом месте Сергей просыпался и потом долго не мог прийти в себя, но сейчас сон продолжился. Он оказался на улице и увидел жуткое здание со стороны и вдруг вспомнил его...

Глава вторая Хлоя и белый дым

Девушку когда-то звали Аня, но она поменяла свое русское имя на другое, странное: Хлоя. Она это сделала сразу после смерти матери, – после того, как дым высосал из её мамы жизнь. Теперь Хлоя страшно боялась, что белый дым вернется и за ней.

Этот дым ей часто снился: он тянулся из проклятого недостроенного здания через улицы спального района прямо к её окну, расползлся по стеклу. Ей казалось, что дым не может войти в комнату, пока она не допустит ошибку, но вот какую именно, что ей нельзя делать, Хлоя не понимала и даже не чувствовала, в каком направлении думать. И от этого ей было пронзительно страшно: страшно до одурения, до удушья...

Сон обрывался резко, и Хлоя тогда понимала, что спасена.

Она лежала в холодном поту, разбитая, но счастливая. Потом ощущение грядущей беды возвращалось. Девушка осознавала, что это не освобождение, а просто отсрочка. Дурные предчувствия не оставляли её много дней... недель... месяцев: она боялась спать, не хотела ни есть, ни пить. Она думала о том, что же спасает её, и однажды наконец-то поняла.

Девушка вспоминала свою былую жизнь и вдруг во всем разобралась. Детство Хлоя помнила смутно, она жила без отца, но была залюбленным, избалованным ребенком. Мать делала всё, чтобы Аня ни в чем не нуждалась. Счастливое было время, но барышня, правда, не могла выделить ярких значительных деталей. Она влюблялась пару раз в школе, но не сильно. В тусовке девочек-мажорок большие чувства не были в моде.

На выпускном балу, как казалось Ане, у нее было самое красивое платье. К этому времени они с мамой жили в пятикомнатной двухъярусной элитной квартире недалеко от метро Пионерская. Их бизнес процветал: пять успешных салонов красоты, пять магазинов шмотья, в них продавали подделки под фирменную одежду. И вдруг что-то неожиданно надломилось, пропало то, на чем крепилось их счастье. Сначала эта основа только треснула, а потом совсем сломалась...

От них ушел отчим, а так как он был партнером по бизнесу, то пришлось отдать ему один магазин. Потом поставили диагноз маме. Именно перед этим Аня видела белый дым, он пролез через форточку, клубясь, что-то мелькало внутри него. Аня не разобрала сразу что, но еще больше перепугалась. Она попыталась присмотреться: какое-то зловещее, живое движение наблюдалось в середине клуба.

Дым задвигался по комнате, а за ним через щель в окне потянулся прозрачный хвост. Аня увидела, что мама вытянулась на спине как покойник, а белый дым окутал её, стал непрозрачным и принял вид белого гроба без крышки, – из домовины была видна только голова на белой подушечке.

Миг – и наваждение рассеялось: ни гроба, ни дыма, и мама спит на боку, но страх не проходил.

Она обошла кровать мамы и заглянула ей в глаза, та спала безмятежно. Девушка собиралась уже отойти, когда мать закашляла долго и мучительно. На лице отразилось страдание, будто кто-то грыз и рвал её изнутри.

Аня вдруг отчетливо осознала: мама скоро умрет... Это было самое страшное мгновение в жизни девушки, но воспоминание о нем навело на мысль... Она вдруг поняла, почему её не трогал белый дым. Имя!

Когда появлялся белый дым, она слышала шепот: дым или кто-то скрытый дымом повторял имя матери. Теперь Хлоя-Аня поняла: её спасает лишь то, что она поменяла имя! Пока ОН не узнал об этом, ей ничего не грозит...

Дым она видела много раз, и всегда после его появления матери становилось хуже. Неизменно она слышала, как дым или кто-то из него шептал имя мамы!

Аня о дыме ничего не сказала, она даже не думала говорить о нем, словно что-то запечатало ей рот и заморозило мысли. Она наблюдала за происходящим как будто со стороны, как будто это было и с ней и не с ней.

В эти дни мать рассказала дочери об отце. Раньше спрашивать о нем Ане не то чтобы запрещалось, но и толку от таких вопросов не было, – она попыталась в раннем детстве, но в ответ сделали вид, будто её не понимают.

Мать сама начала разговор за несколько недель до смерти. Хлоя потом вспоминала, как в полудреме она лежала около умирающей матери и мечтала о своем сказочном отце. Он был англичанином и так и не узнал о том, что у него родилась дочь. Мать помнила его, в её словах о нем чувствовались горечь, надрыв.

Ане казалось чудом, что в ней есть английская кровь! Ведь Туманный Альбион в девичьих мечтах казался волшебной страной, там жили привидения, рыцари, принцессы, короли, королевы, великаны и победители великанов.

В детстве самой зачитанной была книга «Английские народные сказки». Она была влюблена в Англию и во всё, что с ней связано! И вдруг мама сказала, что её отец англичанин, то есть она имела отношение к сказке, пусть косвенное, но всё же. Мама не знала, где сейчас отец, и не рассказала о нем ничего конкретного, только то, что он был наполовину англичанином, а на другую половину ирландцем и преподавал в известном университете.

Несколько дней Хлоя прожила в грезах об Англии, потом матери стало хуже, ее увезли на сутки в больницу и вернули умирать домой. Жили они уже очень плохо, от былого не осталось и следа, и пыли. К этому времени они продали всё: магазины, салоны, шикарную дачу...

Элитную квартиру они обменяли на однокомнатную в дешевом панельном доме. У них не было даже мебели, и мама долеживала свои дни на полу, а умерла она на старом стеганом одеяле, из которого в трех местах лезла вата. Аня до последнего надеялась, что конец будет счастливым, но предчувствия её обманули.

Сон второй, в котором голоса выносят приговор Сергею

Глубокой ночью Сергею приснилось странное: около него встали трое невидимых людей и говорили, как с ним быть. Сначала молодой человек просто слушал их. Он помнил, что находится со своей девушкой Людмилой в двухместном купе поезда Кострома – Москва.

Колеса вагона громко стучали, и казалось, что поезд летит по рельсам с горы в какую-то яму. Кто-то решал его участь, и, Сергей чувствовал это, могло произойти всё что угодно, вплоть до гибели.

Он не видел людей, но по тому, ЧТО и КАК они говорили, Сергей четко представил себе их внешность. Первый, – веселый, радующийся жизни, выпивке, сговорчивым дамам, – мужчина. У него могло быть брюшко, длинные волосы, борода, где перьями красиво серебрилась седина.

Второй невидимка мог бы выглядеть как странное существо непонятного пола – грязные короткие волосы, круглое лицо с намечающимся вторым подбородком, пухлые руки. У этого существа глаза женщины, а лицо, фигура и жесты – мужчины.

Третий голос – мог принадлежать девушке с тонкой талией, узкобедрой и длинноволосой. Наверно, на ее милом личике вдруг то и дело возникало жесткое выражение, потому что в этом нежном теле находилась твердая мужская душа.

И еще кое-что почудилось Сергею. Будто кто-то на заднем плане говорил успокаивающе: «Злые духи боятся любви...» Эту фразу повторили не меньше ста раз. Однако невидимки не замечали, что кто-то говорит кроме них. Они решали судьбу Сергея.

– Да отстаньте вы от него, бабы! – говорил мужской голос. – Человек дрыхнет. Вам хотелось бы умереть во время дрыха?

– Тебе бы только спать и есть, – неприязненно сказал звонкий девичий голосок. – Умереть во время сна у людей считается высшим счастьем. Они думают, что так умирают только лучшие из них.

– Он не лучший, – грубо произнес дух гермафродит. Этот голос тоже казался неженским, правда, в нем проскальзывали истеричные нотки.

– Ну, разберутся они сами. Они ведь люди! – пробасил благодушный дух.

– Она беззащитна перед ним! – сказала оно.

– Ты не права! Я проникла в их мысли. Он лучше её! И защищать нужно его! – сказала девушка.

– Как лучше?! – Существу такое положение вещей не понравилось.

– Я же сказал! – загоготал добряк.

– И лучше, и чище. Он мечтает о сказке, она тоже, но его сказка ангельски прекрасна, а её черна и...

Глава четвертая Лиса-Лиса

Друзья Людмилу называли Лиса-Лиса, это те, которые знали вживую, а знакомые по Интернету – Виргуша, потому что её ник на форумах, в аське, везде, был virgo, то есть «дева». Маленького роста восемнадцатилетняя женщина – полноватая, но с милым детским личиком.

Она нравилась молодым людям. Лисой-Лисой её называли большей частью поклонники за хитроватый прищур, а игривая черная челка делала барышню похожей на трепетного ангелочка.

Она была мечтательной девушкой. Лиса хотела в сказку, точнее в фэнтези, и жить там всегда-всегда. Некоторые книги её просто развлекали, а вот в отдельных придуманных мирах она чувствовала себя нелишней. Разные персонажи её очаровывали по-разному: с одними ей хотелось дружить, с другими выпить, с третьими иметь отношения самые близкие, какие только могут быть между парнем и девушкой. Десятки раз она влюблялась в выдуманных героев. Ей нравились подлецы с демоническим обаянием.

Когда какая-нибудь девушка из романа отвергала отрицательного обаяшку, предавала его и помогала главному герою, Мила сострадала злему поверженному гению. Ей хотелось за него замуж. Она мечтала попасть в книгу и страдала от нахлынувших чувств до невозможности. Это была её Голгофа, этим она мучилась.

Но с недавнего времени как будто что-то темное из книг вошло в жизнь Милы, – её преследовал страх. Нет, она не видела ничего необычного или ужасного, но вдруг стала тревожиться как бы на пустом месте. Например, она боялась руки из-под лестницы...

Мила жила в старой девятиэтажке в районе метро Водный стадион. Лифт в её подъезде, древний и скрипучий, запирался пыльной решеткой, потом кабина ехала натужно, и девушке казалось, что вот-вот всё остановится, застрянет и нельзя будет выйти. Поэтому чаще всего она поднималась к себе на четвертый этаж пешком. Даже ночью, когда неосвещенные площадки должны пугать больше, чем старый лифт, она шла по лестнице.

Но вот однажды в её аккуратненькую хорошенькую головку пришла мысль, что чьи-то глаза смотрят из темноты пролета, она поднималась, и ей думалось, что глаза двигаются за ней. Она представила, как выглядят глаза, и поняла, что они светятся в темноте. После этого девушка старалась больше не смотреть по сторонам, а только под ноги. Она боялась увидеть то, что придумала.

Дома Мила посмеялась над своими страхами, однако когда на следующий день она снова поздно вернулась домой, то вызвала лифт. Кабина приехала, и оказалось, что в ней нет света. Девушка испугалась – ей померещилось, что тут, в глубине темной пустой коробки, её и достигнут светящиеся глаза.

Она бежала по лестничным пролетам и слышала, как нечто преследует её.

Добравшись до квартиры, она быстро открыла замок, скользнула внутрь и закрыла дверь на задвижку, но тревога не прошла. Когда барышня скидывала босоножки в прихожей, то вдруг угловым зрением заметила на вешалке какое-то движение, ей показалось – там стоит человек.

Шел третий час ночи. Мама и младшая сестра спали в своих комнатах. Мила понимала, что это просто старое пальто матери, и уже не в первый раз оно ей напоминает безголового. В этой квартире каждая вещь имела свое место уже как пятнадцать лет – это пальто пугало Милу еще в детстве, потом она забыла про него.

Сейчас её восприятие странно сузилось. Ей стало казаться, что все вещи в квартире – это притаившееся зло, и они несут угрозу, прежде всего, ей.

Мила взяла себя в руки и направилась в комнату. Открыв дверь, она почувствовала что-то неладное, будто бы кто-то чужой побывал тут до нее. Ей захотелось закрыть дверь и бегом добраться до комнаты мамы, чтобы уткнуться ей в шею, но она понимала, как глупо будет выглядеть при этом, и в который уже раз за ночь пересилила себя. Она сделала шаг и почувствовала легкий сквознячок из-под кровати. Мила поняла, что кто-то караулит там и только её ноги окажутся рядом, он утянет за них и что будет потом – одному богу известно. Она стремительными скачками приблизилась и издали прыгнула на одеяло. Накрывшись им с головой, девушка притаилась.

В комнате лишь тикали часы. Минуты казались бесконечно долгими. Мила старалась сдерживать дыхание и вообще замерла, когда вдруг из-под кровати раздалось недовольное ворчание, а потом по полу захлопали чьи-то удаляющиеся шаги.

Наутро она переехала жить к Сергею.

Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор Сергею

Дух-женщина подвел итог:

– Она одержима, она уже с ними, потому что слишком желала их в своих мыслях. Ее мечты исключительно от тела.

– Как обычно для молодой девушки! Это вполне нормально! – сказал дух-мужчина.

– Поговори у меня, кобель! – отозвался дух-гермафродит.

Девушка сказала жестко:

– Она вообще не человек! А парень тоже верит в наш мир, но по-другому. Она его погубит!..

Глава шестая Всевысший из миров

Когда Сергею исполнилось четыре года, ему подарили две книги-раскраски, они-то и подсказали ребенку, что такое чудо. Героями одной из них были плюшевые мишка, мышонок, котик, песик и зайка. На первой странице пылало утро: игрушечные звери спали в отдельных кроватках, а в открытое окошко заглядывало улыбающееся солнце. Спальня была чисто прибрана и уютно обставлена – шкаф с разноцветными книгами, кресло-качалка, высокая этажерка с игрушками, полосатый коврик на полу. Всё, что было на странице, светилось уютом, радостью и дружбой.

Следующая картинка была нецветной, но такой же доброй. Игрушечные звери проснулись: мишка приводил в порядок кровать, зайка искал тапочку (одна у него была в лапке, а другая лежала под кроватью, но он её не видел), котик надевал шортики, песик – рубашку, а мышонок, еще в пижаме, пытался поиграть с мячом, он держал его перед собой.

Потом были утренние процедуры... Лежа на спине в ванной, мишка натирал щеткой с длинной ручкой заднюю лапу. Вокруг него всё пенилось и пузырилось, и непоседа мышонок играл с летающими по комнате огромными мыльными пузырями! Котик уже вытирал мордочку, песик чистил зубы, а зайка полоскал ушки в раковине. Дальше они завтракали, гуляли, обедали, рисовали, ужинали, рассматривали книжки, готовились ко сну.

Картинка, где они мирно спали под мягкими плюшевыми одеялами, а луна через раскрытое окно серебрила и стены комнаты, и кроватки, и шкаф, и умиротворенные мордочки зверьков – эта картинка больше всего умиляла Сергея. Уютная идеальность мира, которая предстала перед мальчиком, влюбила его в себя. Он захотел в этот лучший из миров навсегда.

Была и вторая такая же уютная книга. В ней главными героями стали курочка и петушок. Они жили в красивом домике на берегу реки: по сюжету книги они вместе со своими соседями гусем и гусыней пили чай, ходили на речку, собирали овощи на огороде. Сменялись сезоны – весна, лето, осень, и на всё были свои картинки. Зимой петушок решил покататься на коньках и провалился в прорубь, – его спасла курочка, она держала его за шарф, пока не подоспел сосед гусь. Потом гусь и курочка вместе несли замерзшего и промокшего друга домой.

Петушок заболел, а курочка его выхаживала, а потом снова наступила весна, и они пили чай на веранде.

Сергей захлебывался от ощущения любви и счастья! Он больше не хотел жить в мире, где нет этого всепоглощающего чувства совершенства. Он хотел попасть в книги. Больше всего в первую. И от безысходности он плакал, громко, навзрыд, как будто потерял что-то самое ценное! На самом деле ему было грустно оттого, что он не приобрел...

Дедушка, увидев его слезы, спросил внука, в чем дело. Сквозь рыдания Сергей ответил: – Я хочу к ним... Я хочу быть с ними...

Он показывал на страницу из книги, где звери обедали.

Сергей увидел в глазах деда странную грусть. Дедушка погладил его по голове и сказал: – Ложись спать. Они тебе приснятся. Во сне ты попадешь туда.

Сергей без слов откинулся на подушку. Как он хотел к ним!

Засыпая, он загадал уйти из этого мира в мир зайки, мышонка, котика, песика и мишки. Он в слезах молил ВЫСШИЕ СИЛЫ забрать его отсюда, но на утро снова проснулся в своей кровати.

Это было второе главное разочарование в его жизни. Первое пришло, когда он узнал о том, что небессмертен. Об этом ему сказала бабушка. Он не сразу поверил: в голове не укладывалось, что он может исчезнуть навсегда. Сергей точно знал – так не должно быть! Не может он умереть! НЕ МОЖЕТ! Но потом вдруг осознание неотвратимого пришло, и он затосковал.

И вот теперь пришло второе разочарование. Он перестал верить в чудеса. Сергей никому ничего не сказал, он уже не плакал, и хотя слабая надежда на счастье ещё тлела в его душе, ребенок ожесточился против мира, в котором ему приходилось жить.

К первой книге Сергей охладел, и она вскоре потерялась. Осталась только вторая. С ней он не расставался лет до десяти, но уже боялся взывать к существам идеальной материи. Он страшился, что ему снова не ответят. Сергею хотелось оставить иллюзии, что Всевысший мир, так он назвал его в своих мечтаниях, для него не потерян навсегда, поэтому он не молился о переходе в него, чтобы не разочароваться окончательно.

Вторая книга до сих пор хранилась у его родителей, наверное, где-то на антресолях. А первую Сергей напрасно забыл, он не знал самого главного, – на самом деле ребенком в ту ночь он побывал в Всевысшем мире, но просто не помнил этого. Так было нужно.

Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор

Красивый женский голос сказал:

– Она не сможет дать ему то, что он хочет. Он же даст ей то, что хочет она, но на время.

– Предлагаю помочь им! – весело воскликнул мужчина.

– Как? – Женщина не обратила внимания на его шутливый тон.

– Не вмешаемся и поможем этим!

– Это не по правилам, – заметил гермафродит.

– Зато интересно! – ответил мужской голос.

– Мне так не интересно, – сказала женщина, – пусть она лучше обретет своё счастье!

– Так и будет! Пусть она станет чудовищем! – радостно откликнулось оно.

– Ну, вы даёте, бабы! Стервы! Лень с вами спорить...

– Это мой приговор! – сказала женщина.

– Это мой приговор! – произнесло *оно* с какой-то мерзкой радостью в голосе.

– Ну пусть будет... Всё равно мой голос ничего не поменяет... Это ваш приговор.

– Злые духи боятся любви... – успокаивающе проговорил кто-то четвертый, и его слышал только Сергей.

Глава восьмая

Новиковский и злыдня в кишках

Максим и Хлоя стояли на перроне Ярославского вокзала, оба угрюмые и как будто полумертвые. Сторонний наблюдатель мог подумать, что парень и девушка ждут поезд, под который сговорились броситься. Макс то и дело посматривал на пыльную и жалкую, как ему казалось, надпись: «Добро пожаловать в Москву!» Он хотел сказать Хлое о том, что ему грустно стоять вот так на полупустом перроне, но не успел. В его животе раздалось протяжное урчание, и снова зашевелилось ОНО.

ТО, ЧЕГО ОН БОЯЛСЯ, начиналось снова.

Слова расслышал только он. Злыдень из его нутра говорил:

– Максим Новиковский, я проснулся! Дай мне есть!

Мужчине хотелось завывать от горя. Снова этот маленький проглот с острыми, как иглы, зубами будет терзать внутренности, а потом частичка злобного сознания войдет в рассудок Новиковского, и тот станет говорить и творить пошлости, подчиняясь воли существа. Макс не мог понять – здоров ли, болен ли. Порой он думал, что стал шизофреником, а Злыдень – это выдумка больного сознания, но неужели галлюцинация может быть такой явной? Он приходил к выводу, что вряд ли.

* * *

Всё началось около года назад: шел дождь, Максиму не хотелось сидеть дома одному. Чтобы не тосковать, он поехал к друзьям в билльярдную. Играл Новиковский хорошо, и в этот раз было как всегда: он выигрывал, хоть и много пил. В конце концов, Макс забрал все наличные деньги товарищей и здорово напился. Тогда произошло то, чего он никогда от своих знакомых не ожидал: обиженные товарищи вынесли пьяного Новиковского из билльярдной, предварительно забрав свои и его деньги, и бросили головой в мусорный контейнер!

Оказавшись в вонючем содержимом мусорника, Максим забарахтался, он пытался вылезти, но его не слушалось тело. Тогда заплетающимся языком парень позвал друзей, он всё еще надеялся, что они пошутили и помогут ему, но приятели лишь смеялись. Они советовали Новиковскому отдохнуть немного, а потом снова поиграть на билльярде. Парень еще некоторое время пытался выбраться, пока его не сломили усталость и алкоголь.

Проснулся Макс от сильной тревоги: было темно и пахло тухлятиной. Максим пополз по чему-то вонючему и склизкому. Голова жутко болела, мысли скользили бесформенными призраками: сообразить, что произошло и как он тут оказался, никак не получалось.

Заскрежетало, и Новиковскому в мусоре стало тесно, душно, страшно. Максиму почудилось, что это надавил какой-то пресс. Он закричал! В темноте нельзя было понять, откуда ждать опасности.

Вверху появился свет и посыпался мусор, через секунды отверстие закрылось. К Максиму закралось нехорошее подозрение. Новиковский наконец-то вспомнил, что уснул в мусорном контейнере, возможно, утром рабочие могли не заметить его и вывалили содержимое контейнера в мусоровоз.

К примеру, он сейчас находится в мусоровозе... К примеру, его туда вывалили вместе с мусором...

Он закрутил головой, пытаясь понять, правильна ли его догадка. И вдруг осознал: конечно же, он в мусоровозе, какой тут к черту «к примеру»!

Максим понял, что он никогда не выберется. Он превратится в месиво, как только устройство для прессовки мусора надавит сильнее.

В панике Новиковский попытался отползти: где-то должна быть стена, в которую можно ударить изо всех сил и водитель мусоровоза услышит.

О гидравлическом прессе в современных московских мусоровозах Макс знал из новостного сюжета на канале «Столица»: устройство превращало мусор в аккуратные кубы, которые потом вываливали на загородную свалку.

Новиковский пытался доползти до стены, чтобы постучать. Максим старался изо всех сил! Он попал всем телом в вязкую тухлую жижу...

Снова что-то заскрежетало.

Новиковский заплакал от страха и безысходности. Он перевернулся на спину и отчаянно пошарил в карманах в поисках телефона. На радость «мобильный» нашелся тут же. Макс включил подсветку: батарея была разряжена всего наполовину, но индикатор качества связи показывал одну палочку.

Очень плохая связь, но она есть. Он нажал «экстренный вызов».

Трубку взяли сразу.

– Помогите! Помогите! – закричал Новиковский в панике. – Я внутри мусоровоза! Меня закинули внутрь мусоровоза! Тут работает пресс! Он меня убьет! Если вы мне не поможете, я погибну!

Из динамика телефона послышался раздраженный женский голос:

– Вы в тюрьму хотите?! Знаете, что за телефонное хулиганство бывает?! Тюрьма! Есть уголовная статья! До трех лет!

Динамик мобильного телефона затих, то ли дали отбой с той стороны, то ли просто соединение прервалось из-за плохой связи.

Новиковский снова набрал номер, но прежде чем ответил диспетчер, что-то произошло внутри мусоровоза. Вроде бы он не услышал ни звука, ни шороха, но что-то неуловимое произошло – это вызвало безотчетный ужас.

Максим посветил экраном телефона по сторонам: как оказалось, он лежал на куче тухлых помидоров. Он чертыхнулся и хотел было подняться, как вдруг куча зашевелилась и что-то вылетело из нее, больно ударив Новиковского по зубам.

Отвратительный запах сладкой тухлятины ударил в нос! Нечто мерзкое прилипло к его губам и повисло. Он хотел отбросить это, как вдруг оно больно надавило на челюсть, так что мужчине пришлось открыть рот. Он почувствовал, как твердый предмет, размером с горошину, проник в пищевод, а потом в желудок.

Новиковский увидел, что мусор справа вздыбился и поехал к нему – это заработал пресс!

Тухлая слякоть брызнула и облепила Новиковскому лицо. Она лилась на него словно из ведра, он не понимал, откуда её столько взялось. Максим почувствовал, что не хватает воздуха, он вдохнул, и жижа попала в легкие.

Новиковский попытался выплюнуть, откашляться, но не смог. Он задыхался. В ушах стало гулко. А потом он услышал, как хрустят его ребра... Новиковский задохнулся: слякоть от помидоров забила ему легкие. А за мгновение до смерти он понял, что грудная клетка треснула, смялась, сломалась под давлением прессы.

* * *

Ему показалось, что очнулся он через доли секунды. Во рту Максим почувствовал неприятный, гнилой вкус, он плюнул остатками тухлой помидоры, попытался распрямиться, но колени куда-то уперлись. Новиковский перевернулся и понял – он лежит в мусорном контейнере.

– Выходи, идиот! – кричали с улицы.

Кто-то брезгливо ткнул его палкой.

– Выходи-выходи, бомж. Вот закинули бы тебя сейчас в машину, посмотрели бы тогда. От яркого света невыносимо болела голова.

Новиковский вылез из контейнера: волосы, одежда, руки, обувь – всё было измазано соком гнилых помидоров и собачьими испражнениями, – дворники уже успели убрать улицы и свалили в контейнер отходы жизнедеятельности домашних любимцев.

Дорога домой была трудной. Максим, как мог, почистился, однако его усилия дали мало результатов. Новиковский не решился войти в метро или вызвать такси, он шел пешком через всю Москву до квартиры на Речном вокзале. Люди его сторонились, многие смотрели вслед с удивлением, двое демонстративно зажали нос, а трех девушек при виде его стошнило. Он совсем забыл о том, что привиделось ему этой ночью, – о мусоровозе, о чем-то твердом, что проникло в него... Но вспомнить пришлось через четыре дня.

Ночью Макс проснулся от острого страха, его буквально трясло. Он не понимал, что с ним происходит, откуда этот страх. Что-то незримое давило ему на живот, на горло, на сердце, что-то незримое холодило душу... Он взял телефон с тумбочки и осветил.

Квартиру Новиковский снимал напололам с Сергеем. Товарищ спал за стеной во второй комнате, и Максиму вдруг показалось, что у него есть только один шанс избежать чего-то ужасного – это разбудить соседа.

Он встал и включил лампу. Свет, приглушенный плафоном, не рассеял страх. Темный шкаф с пыльными книгами, подранный диван... Простыня съехала вбок, оголив замызганные подушки, одеяло валялось на полу. Поцарапанный стол... На столе открытая бутылка водки и рюмка. Перед сном, чтобы успокоить нервы, Новиковский принял немного.

Он решил выпить для успокоения, а после растолкать Сергея...

«И что потом? – подумал Максим. – Он меня за шизанутого примет».

Руки дрожали. Новиковский налил рюмку, быстро сглотнул содержимое и вдруг потерял сознание.

Очнулся он там, где боялся оказаться больше всего в жизни, – в недостроенной Ховринской больнице. Про нее шли разные слухи, а Новиковский был человеком мнительным, поэтому каждый раз, проходя мимо огороженного колючей проволокой здания, он чувствовал неприятную тревогу.

Максим нащупал телефон в кармане и хотел было позвонить (куда – не знал сам), но связи не было.

Новиковский выключил и снова включил телефон, связь не появилась. Он чертыхнулся и на полусогнутых ногах, так как очень боялся спотыкнуться и упасть, подошел к виднеющемуся провалу окна.

«Вроде этаж четвертый. Как я сюда попал».

Почти полная луна висела над аллеями Ховринской больницы. Её бледный свет добавил жути, но не помог разобраться в том, куда нужно двигаться. Внутри недостроя было темно, немного света напротив окна и всё.

Подсвечивая телефоном, Максим попытался отыскать лестницу. Бледная тусклая подсветка экрана коснулась стены, его руки задрожали и телефон выпал. Макс понял неуловимое, страшное... Он попытался задержать ускользящую мысль... От ледяного страха тело покрылось гусиной кожей.

Сначала ему показалось, что осознание дикого ужаса, кроющегося в этом месте, пришло само собой из ниоткуда, как озарение, но потом Новиковский понял: прежде чем телефон выпал из его рук, он успел что-то увидеть.

Максим быстро, дрожащими руками поднял телефон и осветил на стену.

«БОЛЬНИЧКА ЭТА – КРАЙ ЧУДЕС, ЗАШЕЛ В НЕЁ И ТАМ ИСЧЕЗ».

Вокруг надписи были нарисованы граффити – люди с живыми глазами. Они смотрели на Максима кто злобно, кто печально, а кто со скукой.

Сначала ему почудилось, а потом он понял, что все они погибли здесь, в Ховринской больнице, и теперь их бессмертные души живут на стене. Новиковскому стало жутко: он подумал, что может умереть сейчас от чего-нибудь и стать таким же рисунком: проклятым рисунком, проклятой душой в граффити на стене Ховринской больнички.

Он узнал мальчика. Почти у самой лестницы был нарисован четырнадцатилетний подросток. В его взгляде сквозили недоумение и испуг. Новиковский помнил его: мальчик погиб год назад, бросился в недостроенную шахту лифта тут, в Ховринке, а жил он в подъезде, где Максим и Сергей снимали квартиру.

Под рисунком алела надпись: «Здесь ад».

Максим захотел сейчас же выбраться из больнички, он пошел по лестнице, но не успел сделать и трех шагов, как сработала знаменитая ховринская ловушка: в этом заброшенном здании много дыр-провалов между этажами, и кто-то закрывает их железными листами. Новиковский слышал о таких ловушках. И всегда у него возникал вопрос: кому это нужно? Зачем прикрывать опасные места? Кому приходит в голову делать такую гнусность? Он не очень верил в ловушки, но вот попал в одну из них.

Макс падал в дыру: краем глаза он заметил внизу торчащую в разные стороны арматуру. Об один прут Макс сильно ударился животом, у него перехватило дыхание, он скорчился, пытаясь вдохнуть, когда сверху его накрыл ещё и лист железа, тот самый, который недавно маскировал ловушку. Сознание поплыло, а к горлу подкатила тошнота.

На язык из желудка что-то вылетело. Он выплюнул небольшую помидору чери. Потом еще одну, потом еще. В полумраке Новиковский видел, что помидоры ведут себя словно живые: одна из них, подсакивая, как резиновый мячик, отправилась ко второй, которая тоже устремилась к ней навстречу. Когда они соединились, то третья запрыгнула поверх них. И вдруг Новиковский увидел, что это уже не помидоры, а маленький человечек.

Пораженный Максим нагнулся, чтобы рассмотреть тщедушную фигурку в слабом свете луны, и увидел недобрые глазки и редкие испачканные слюнями волосики на продолговатой головке. Вдруг человечек открыл рот, показал ряды острых и длинных зубов иголок и злобно зашипел.

– Ах-х х! – крикнул Новиковский и отшатнулся.

Человечек подскочил метра на полтора и снова зашипел. Максим побежал, но, выскользнув в темноту из света, он растерялся и ударился головой о стену. Он попытался продвинуться вбок, но спотыкнулся и упал. Человечек передвигался высокими прыжками и шел к Новиковскому.

Максим встал и побежал, но не успел сделать и шага, как человечек приземлился к нему на плечи. Новиковский почувствовал холодненькие пальчики у себя на шее. Существо вцепилось ему в кожу и захихикало.

Парень попытался сбросить с себя человечка, но тот сидел крепко, и, самое страшное, он тяжелел, он увеличивался! Новиковский хотел ударить человечка о стену, но упал лицом в битый кирпич и мусор: существо весом придавило его к полу. Больше Максим ничего не помнил.

Утром он проснулся на полу, под столом, в руке зажата пустая бутылка. Он с удовольствием поверил бы, что ему всё приснилось, если бы не почувствовал неприятное шевеление в своих кишках. Если бы из живота он не услышал шипение того самого человечка!

С тех пор он слышал его голос, существо диктовало ему, что есть, что пить, что говорить. А если Новиковский пытался сопротивляться, то человечек кусал его своими маленькими зубами-иголками. Боль была нестерпимой. Максим очень боялся, что нечто, поселившееся внутри, прогрызет в его животе дыру.

* * *

Максим и Хлоя ждали поезд, на котором должны были приехать их друзья. Прибытие задерживалось. А так хотелось уже уйти с пыльного перрона. Пока Новиковский разговаривал со злобным человечком, который поселился у него в кишках, барышня думала о своем. Она не меньше Максима сомневалась в том, здорова ли она психически и может ли такое случиться в реальности: проснувшись вчера в час дня, она увидела в правом углу комнаты могилу матери.

Весь пол был засыпан землей, а около окна возвышался холм и плита с фотографией мамы. Девушка встала, сделала шаг, но упала на колени, заскулила от страха и поползла к выходу. Кое-как она встала и открыла дверь, потом, поняв, что в таком виде идти нельзя, натянула платье, обула туфли на высоких каблуках, других у неё никогда не было, и, шатаясь, спотыкаясь, на негнувшихся ногах пошла по лестнице вниз.

Максим и Сергей снимали квартиру в доме напротив. Идти больше не к кому, только к ним.

Девушка ничего не сказала Максиму. Хлоя понимала, что увиденное – нереально, и, наверное, она просто сходит с ума. Девушка переночевала у Новиковского, а утром вместе с ним пошла встречать Сергея и Людмилу.

Глава девятая Ховринская больница

Проснувшись в поезде, Сергей долго смотрел на спящую Милу. На душе было тревожно, но умиротворенное личико девушки успокаивало нервы, казалось, она видит какой-то сказочный сон. Ей было восемнадцать лет, ему двадцать девять, их отношения длились полгода, и почти с первых дней он называл её только «милая мила»! Её детская нежность восхищала его.

Он смотрел на нее и улыбался. Вскоре ему уже показалось, что волноваться не стоит. Ну, приснились ему голоса, ну и что? Да, голоса показались ему явными, но он ведь журналист, а значит, немного с фантазией, поэтому снится чепуха, на которую не стоит обращать внимание.

Такое объяснение Сергея устроило. Он решил больше не думать об этом и выпить чаю.

Парень открыл дверь купе, как вдруг вспомнил про второй сон, тоже страшный: будто бы он бродил в Ховринской больнице и видел странные картинки на стенах. Видение приходило не в первый раз, и чувство подсказывало – грядут серьезные неприятности.

Сергей очнулся от раздумий и заметил, как странно поглядывает на него молодая блондинка. Он всё еще стоял у открытой двери своего купе, а она в коридоре, вполоборота у окна. Пришлось улыбнуться и закрыть дверь. Теперь всё точно вспомнилось: полуразрушенное здание, граффити...

Он рассматривал надписи – странные рисунки людей были пугающе реалистичны. И на одном из них Сергей узнал себя, а рядом были нарисованы его девушка и друзья. Под каждым изображением надпись: *writer, virgo, blank, chloe*.

Это имена друзей и его имя в Интернете: *virgo* – Людмила, *blank* – Максим Новиковский, *chloe* – Хлоя, *writer* – он сам.

Во сне пришло точное понимание того, что это Ховринская больница, и увиденное обещает скорую гибель.

О недостроенной Ховринской больнице Сергей узнал, когда переехал в район метро Речной вокзал. Они с Максом сняли квартиру совсем недалеко от неё. Местные жители с трепетом, а кто, наоборот, с азартом, рассказывали о проклятом, по их мнению, месте.

Сергея заинтересовали истории о больнице, у него выходили занимательные статьи в глянцевого журналах, а из этой городской легенды могло кое-что получиться. Только нужно было нащупать основу будущего рассказа.

Он поискал информацию о больнице в Интернете и обнаружил, что в Ховринку всех желающих водили на экскурсию, естественно, нелегально, и, как правило, экскурсоводу было лет шестнадцать-двадцать.

Кроме того, было много информации – и на форумах, и в Живом Журнале, и в блогах mail.ru.

Сводилось всё вот к чему:

«Строительство Ховринской больницы началось в 1981 году на месте старого кладбища: она была рассчитана на 1 300 коек для больных со всего СССР. Планировалось создать одно из лучших медицинских учреждений страны. В 1985 году при невыясненных обстоятельствах строительство было прервано.

Больница находится недалеко от станции Ховрино, возле парка. До неё легко добраться от метро Речной вокзал, и попасть в неё совсем несложно. Больница стоит посреди спального района Москвы, и хоть она огорожена колючей проволокой, но кое-где есть лазы. Всего их три.

Первый из них ведет через кустарник по тропинке на холм, а потом через высокую траву к крылу здания, где на верхних этажах должно было располагаться офтальмологическое отделение, а на минусовых – морг. Сейчас этаж морга затоплен. Там часть НЕТАЮЩЕГО ОЗЕРА.

Второй ход ведет через ПЕРЕКОПАННОЕ ПОЛЕ. На нем кое-где лежат ржавые лопаты, а свежераскопанные ямы напоминают могилы. Там же по соседству можно заметить аккуратные холмики...

Третий лаз ведет к бетонной площадке, из неё в некоторых местах торчит длинная косая арматура. Сразу за площадкой начинается кривая аллея, она ведет к травматологическому отделению больницы. Там, по легенде, находится СЕКРЕТНАЯ КОМНАТА».

О больнице ходило много мистических слухов. Например, считалось, что в ней живет дух, который может являться людям во сне и сводить их с ума. Также было немало пересудов на форумах Интернета о «Нетающем озере» на затопленном нулевом этаже. Многие очевидцы утверждали, что лед там не сходил даже летом. Это считалось одним из чудес ховринского недростроя.

Насчет другой странности, а именно тайной комнаты, верилось трудно. По сайтам Интернета бродила легенда о том, что в середине девяностых в этой больнице московские сатанисты сделали свою церковь. Она просуществовала год, в который из окрестных дворов стали пропадать сначала кошки и собаки, а потом дети. И вот однажды ночью нагрянул ОМОН, кое-кого из сатанистов задержали, но большинство спряталось в СЕКРЕТНОЙ КОМНАТЕ на нулевом этаже. По слухам, милиция не стала дожидаться, когда молодежь выйдет из укрытия, – этаж затопили. По легенде, так и образовалось НЕТАЮЩЕЕ ОЗЕРО, однако в эту необоснованную жестокость людей в форме Сергей не верил.

Слухи о перекопанном поле и могилах тоже казались ему странными. Посреди столицы существует поле с неопознанными могилами и никого это не интересует... Бред.

Другая информация показалась Сергею более полезной:

«Планировка здания является оригинальной и нетипичной для административных сооружений советского периода. Больница выполнена в виде треугольного креста с разветвлениями на концах. Три крыла здания сходятся посередине, боковые части образуют три двора, занятые пристройками.

Из-за незаконченности стройки в некоторых местах отсутствуют фрагменты стен и межэтажные перекрытия. Здание, особенно верхние этажи, полностью покрыто граффити. Подвалы затоплены. Остановка строительства, по-видимому, была вызвана недочётами проекта

(или геологоразведки) – здание медленно уходит под землю. Сейчас первый этаж уже находится немного ниже поверхности.

Среди сталкеров объект имеет прозвище «Амбrella» – за свою форму, похожую на логотип секретной корпорации из игры «Resident Evil».

Как сначала показалось Сергею, молодежь из близлежащих домов выдумала красивую историю в стиле «романтический хоррор», но потом больница ему стала сниться, и каждый сон был реалистичным, неслучайным, пророчащим беду. Ему пришлось задуматься, и, незаметно для самого себя, он поверил в то, что Ховринка – аномальная зона.

Сергей много раз размышлял над тем, стоит ли пойти в Ховринскую больницу и посмотреть её изнутри, но каждый раз откладывал поход в недострой из-за нехорошего предчувствия.

Неожиданно Сергей понял, что стоит между полками купе, низко наклонившись над спящей Людмилой. В его сознании словно собирался пазл: он вспоминал третий сон, который увидел сегодня ночью.

Сон третий, который проходит в онлайн

Сергей никогда никому не рассказывал о волшебных книгах, которые изменили его жизнь, заставили поверить в другой мир. Даже Людмиле он ничего не рассказывал, это была его тайна, но третий сон ему приснился вот такой:

Writer (23:08:12 24/06/2009)

Что делаешь, любимая? Скучаешь по мне?

Virgo (23:08:14 24/06/2009)

Ты тут, Сереженька? Я не заметила. Очень скучаю!

Writer (23:08:16 24/06/2009)

Что делаешь без меня!

Virgo (23:08:18 24/06/2009)

Играю «В контакте» в «Ферму». Очень жду:) Мне сегодня сон странный снился.....))))
О тебе!

Writer (23:08:20 24/06/2009)

И мне сегодня странный сон снился.

Virgo (23:08:22 24/06/2009)

Обо мне?

Writer (23:08:28 24/06/2009)

Не совсем, но мы там будем.

Virgo (23:08:32 24/06/2009)

Что значит не совсем?

Writer (23:09:00 24/06/2009)

Я тебе не рассказывал об этом.

Virgo (23:09:10 24/06/2009)

Ты сегодня какой-то загадочный ((((((

Blank (23:09:10 24/06/2009)
Привет, дебил! Когда домой?

Writer (23:09:14 24/06/2009)
Здравствуй, даун! Скоро.

Blank (23:09:22 24/06/2009)
))

Virgo (23:09:24 24/06/2009)
Ты не хочешь со мной разговаривать?

Writer (23:09:27 24/06/2009)
Хочу. Тут Макс, дебил, написал.

Virgo (23:09:32 24/06/2009)
Новиковский, хватит Сережу отвлекать! Он со мной общается!

Blank (23:09:40 24/06/2009)
Привет, толстая. Сегодня зайду к тебе в гости пока Сережи нет.

Virgo (23:09:45 24/06/2009)
Заходи, только не отвлекай сейчас его. А то он, по-моему, там кого-то себе нашел.

Blank (23:09:50 24/06/2009)
Давно пора.

Virgo (23:09:53 24/06/2009)
Иди ты!

Blank (23:09:57 24/06/2009)
Ага, приду сегодня.

Virgo (23:10:01 24/06/2009)
Я же сказала. Приходи.

Chloe (23:10:01 24/06/2009)
Привет, Мила. Как Сережа?

Virgo (23:10:06 24/06/2009)
Он уехал.

Chloe (23:10:10 24/06/2009)
Зайду сегодня.

Virgo (23:10:18 24/06/2009)
Меня сегодня не будет дома, Аня.

Chloe (23:10:19 24/06/2009)
Не называй меня так!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Virgo (23:10:22 24/06/2009)
Прости прости хлюя.

Chloe (23:10:24 24/06/2009)
Запомни, пожалуйста.

virgo (23:10:28 24/06/2009)
Запомнила.

Writer (23:10:31 24/06/2009)
Я хотел тебе рассказать чудную историю.

Virgo (23:10:33 24/06/2009)
Рассказывай!))

Blank (23:10:33 24/06/2009)
Хочешь?

Virgo (23:10:35 24/06/2009)
Да.

Writer (23:14:57 24/06/2009)

В детстве я был странным. И когда-то совсем в раннем детстве мне подарили книжки-раскраски. Первая была об игрушечных зверях – они жили вместе в уютной квартире. В книжке была история одного дня их жизни. Как они проснулись, вымылись, как завтракали, гуляли, играли. Всё это было так уютно нарисовано, что я захотел попасть к ним навсегда. А вторая была о петушке, курочке, гусе и гусыне. Они жили в деревне в соседних домах. Они очень дружили, делали всё вместе, а однажды, когда петушок чуть не погиб (он провалился на реке под лед), то они спасли его. Курочка и гусь несли его до дома и отпаивали сладким чаем. В детстве перед сном я загадал попасть в один из этих миров, но наутро снова проснулся в своей постели. Это было главным разочарованием моей жизни.

Writer (23:18:12 24/06/2009)
Виргуша, ты здесь?

Blank (23:18:12 24/06/2009)
Пока ты там, я тут с ней...

Writer (23:18:24 24/06/2009)
Иди отсюда.

Blank (23:18:58 24/06/2009)
Нюню.

Virgo (23:21:17 24/06/2009)

Я тут. Что могу сказать. Уютный уют. Курочка, наверное, пока петушок по речкам катался, с гусем дружила))) И как-то странно, что столько однополых животных в одной квартире живет. Очень странно. А?)))))))))) Это только на картинке было идеально, а если бы ты попал, то понял, что там всё так же как здесь))

Virgo (23:25:18 24/06/2009)

Ты тут? Ответь!

Virgo (23:30:33 24/06/2009)

Сереза, ты вышел из аськи или спрятался?

Virgo (23:31:20 24/06/2009)

Ты там с кем-то?

Virgo (23:41:00 24/06/2009)

Ладно, спокойной ночи.

Глава одиннадцатая Четверо сумасшедших

Новиковский изменился с тех пор, как в нем поселился злой дух. Эти перемены ощущались и снаружи, и внутри. У Максима слегка вытянулось тело, кости рук и ног стали длиннее, суставы подвижней, а мышцы сильнее, во взгляде проскальзывало злобно-дебиловатое выражение, точь-в-точь как у маленького человечка из Ховринской больницы. Молодой человек превращался во что-то непонятное, дикое.

Нежить, сидевшая внутри, заставляла его говорить злые слова и совершать мелкие подлости, о которых он раньше бы пожалел. Например, пока шли на вокзал, он несколько раз довел Хлою до слез, и теперь она стояла рядом обиженная, злая, заплаканная.

Новиковский, казалось, не замечал её настроения, он отпускал замечания по поводу её внешности, – сказал, что она похожа на бочку, и это было странно. Хлоя – бледная, худая и испуганная, скорее походила на воблу в меле, на труп в платье, чем на «прыщавую толстушку», как называл её Максим. Всему виной был ховринский человечек, который иногда показывал ему реальность наоборот, делал это дух просто так, для личного свиного развлечения.

В другое время слова об изъянах фигуры Хлою ввели бы в бешенство, она была очень худой, но считала себя толстой. Сейчас вопрос личной красоты временно отошел на второй план, её волновал вопрос жизни и возможной скорой смерти по вине Новиковского. Он всё время называл её Аней, а не Хлоей, чем ввергал барышню в дикий ужас: девица боялась, что его слова услышит белый дым.

– Ну чего ты дура, что ли, протокольная? – говорил он. – Было нормальное имя – Аннушка. А стало какое-то идиотское – Хлоя.

Девушка при каждом упоминании её старого имени дрожала и кричала:

– Я Хлоя! Я не Аня!

Это веселило человечка внутри Новиковского, поэтому он заставлял своего носителя дальше издеваться над бедной девицей. А ей некуда было идти, поэтому кроме как плакать, больше она ничего не могла. Эту ночь она провела у него и собиралась провести следующую, барышня пока не могла решить, сможет ли когда-нибудь вернуться в свою квартиру.

– Ты – Аня! – с улыбкой продолжал дразнить её Новиковский.

«Я могу погибнуть из-за него!» – подумала она.

Если дым поймет, что она Аня, то найдет её. Девушка точно знала – следующей после матери должна была стать она.

А ведь из Ани в Хлою девушка превратилась случайно, по детской прихоти. Она искала интересную информацию об Англии в Интернете и наткнулась в Википедии на статью, где было нечто заинтересовавшее её:

«Chloe или Chloë – популярное имя, особенно в Англии. В Северной Ирландии Chloe – самое популярное имя для новорожденных детей в период с 1997 по 2002 год, а затем, в 2003 году – Эмма».

Её папа родился в Лондоне, преподавал в лондонском университете, но был наполовину ирландцем. Она решила сменить имя под влиянием романтических чувств, таким образом она хотела приблизить к себе сказку под названием «папа из Великобритании».

Из вагона вышли Людмила и Сергей.

– Ха-ха-ха! Ты похожа на доску! Скелет в полоску! Длинная дура! – сказал Новиковский. Людмила с недоумением посмотрела на него. Она была полноватой и невысокой.

– А у тебя живот вырос, как арбуз! Ты похож на Карлсона рогатого!

– Успокойся ты! – Сергей уже привык, что его товарищ с некоторого времени чудит, говорит то, чего нет, ведет себя глупо и резко. Сам-то он знал, что долгие тренировки в фитнес-клубе сделали его тело упругим, и никакого живота нет.

Просто с Новиковским что-то происходило. Сергей давно понял это. Друга как будто подменили. Иногда казалось: ОН ЭТО НЕ ОН, А НЕЧТО ПОСТОРОННЕЕ. Иногда казалось, что Макс не человек, а кукла. Поймав себя на такой мысли, Сергей всегда гнал её прочь, уж больно чудной она ему казалась.

– Ладно, лошки, – сказал Новиковский. – Идем, поедим.

Сергей заметил, что глаза товарища расширились и стали глупыми и дикими, как у напуганного кота.

И Хлою, и Людмилу, и Сергея посетило неприятное чувство: им вдруг, всем троим сразу, захотелось поднять первый попавшийся на дороге камень и разбить голову Максиму Новиковскому. И резон был простой – страх и отвращение к инородной пакости, которую они ощущали интуитивно.

Пока шли по улице к ресторану, Новиковский нес очередной оскорбительный бред, а все остальные молчали и ненавидели некогда друга. Сергей пытался бороться с чувством омерзения, но это было сложно.

В японском ресторане, где они решили перекусить, Максим удивил всех снова: после того как принесли заказ, он жадно набросился на еду: сметал всё, причем он прихватывал что-то и из тарелок друзей. Глупая улыбка то и дело появлялась на его губах. Оцепенение сковало Сергея, Людмилу и Хлою, они не решались сопротивляться и вообще замечать, когда Новиковский таскал у них куски.

Несколько раз он утробно рыгнул, и всем показалось, что они слышат из его живота:

– ЕДА! ЕДА!

Поев, Новиковский отказался платить, потому что за невкусную еду, как он сказал, платить не нужно. Сергей молча оставил свои деньги, и они вышли.

История первая (возможная) Вечный покой

В подземном переходе Сергей и Людмила отстали, они хотели поговорить о странном поведении Новиковского, но не успели: их внимание привлекла странная нищая бабушка, перед ней лежала шапка с милостыней, а в руках она держала замызганный колокольчик.

Он зазвонил:

– Динь, динь, динь!!! – звонко, пронзительно, серебряно, так, что хотелось плакать.

– Злые духи боятся любви! – сказала старушка и улыбнулась.

Сергей узнал голос из недавнего сна, а потом вспомнил лицо и осанку женщины, она приходила к нему в другом видении, совсем забытом. Воспоминания прорисовывались, с них как будто сползала толстая пыльная вековая паутина.

Самое главное разочарование в его жизни – это то, что он не попал в уютный мир плюшевых игрушек...

А ведь всё было не так.

Сергей провел в Всевысшем из миров целый день, он просто забыл. А теперь вспоминал, постепенно всё вспоминал... Как он плакал, как молился, как уснул в ту ночь и ему привиделась старая женщина с серебряным колокольчиком. Эта самая старушка, которая сейчас побиралась в грязном московском переходе.

Каким образом она появилась здесь? Зачем она просила милостыню? Кто она такая?

Много лет назад она вела его через темноту к свету, который отделял миры. На границе их встретили три человека: мужчина с длинными волосами, усами и бородой; тонкая красивая женщина с жестоким лицом; полнотелое короткостриженое нечто, – Сергей не смог определить пол существа. Они не хотели его пускать, они требовали плату, но у него ничего не было.

Ребенку пришлось пообещать кое-что...

В лучшем из миров он провел один день и одну ночь, а потом старушка пришла за ним, чтобы вернуть. Теперь он понял свою вечную тоску: это была боль по утраченному счастью.

Он проходил по переходу мимо старушки сотни раз, но никогда не замечал своего доброго гения, ангела хранителя и проводника в лучший мир, потому что не помнил её. А она всё это время ждала, старая женщина не забыла уговор.

Сергей вытащил десять рублей и положил нищей в вязаную шапку. Если бы он помнил о назначенной встрече, то давно бы пришел. Ведь они условились, что старушка-проводник будет ждать его в переходе у станции метро Комсомольская, на случай если он захочет вернуться в Всевысший из миров.

Сегодня Сергей попадет в место, о котором мечтал, и останется там навсегда. Он может взять с собой Милу, если она этой ночью будет с ним, если она захочет... Парень обернулся, он хотел сказать своей девушке, что теперь всё будет хорошо и им нужно попасть в квартиру, чтобы ночью навсегда уйти... Но не нашел её рядом.

Она ушла, потому что тоже узнала старушку.

Сергей звонил ей на мобильный телефон, но тот был отключен. Он плакал и снова звонил ей.

У турникета в метро Сергей встретил плачущую Хлою, она вцепилась ему в руку, посмотрела. Оба плакали, и оба были удивлены такому совпадению. Он спросил первый:

– Что случилось?

Она отвернулась и ничего не ответила. Сергей погладил её по голове, привлек к себе и повел через турникеты.

В поезде Хлоя задремала на его плече, а после, когда они поднимались по эскалатору, вдруг обняла его, уткнулась в грудь и заплакала... Сергей за руку вывел девушку на улицу, там шел дождь. Парень отпустил холодную ладонь Хлои и вытащил зонт.

Одной рукой он укрывал себя и спутницу от воды, а другой – снова звонил Миле. Её телефон не отвечал.

Хотелось бежать назад к станции метро Комсомольская и искать её, искать.

Неожиданная мысль вдруг успокоила его: «Дождь, сильный дождь! А у нас зонт! А в квартире тепло!» Он радостно улыбнулся...

Дома Сергей посадил заплаканную Хлою в кресло, дал ей плед и пошел на кухню – заваривать чай. На улице было темно и дождливо, он мерз то ли от холода, то ли оттого, что пере-нервничал. Вернувшись с подносом, на котором стояли стеклянные турки, чайник и бутылёк с бальзамом из меда и трав, он заметил, что Хлоя, несмотря на шерстяной плед, дрожит. Он включил обогреватель и сел пить чай около окна. Девушке было холодно, Сергей подвинулся к ней, приобнял. Они смотрели на промозглую сырость во дворе, чувствовали, как согреваются. «Уютный уют», – мелькнуло в мыслях. Фраза была с кем-то связана, парень уже забыл с кем.

По стеклу ползли капли, за окном холодно, а рядом электрокамин, сами они в мягких креслах, завернуты в один длинный плед, на журнальном столике поднос. Хлоя и Сергей время от времени прихлебывали сладкий от бальзама чай... Уютный уют!

Кто-то потерся об ногу Сергея.

Кот.

Парень не удивился, хотя у него никогда не было животных. Он уже понял, что некоторое время находится не в своем мире, а в том, о котором мечтал. Счастье наполняло его. Счастье в том виде, о каком он мечтал, окружало и его, и его девушку. Вечную спутницу. Теперь Сергей и Хлоя связаны навсегда.

Он посмотрел на неё, привлек к себе и поцеловал в губы, она нежно ответила на поцелуй. Он вспомнил, что в детстве пообещал духам – когда он вернется в ВСЕВЫСШИЙ ИЗ МИРОВ, то не сможет взять с собой кого захочет. Спутницу ему должны были выбрать они.

А с Милой и Новиковским случилось другое...

– Убийца! «Враг с серебряным колокольчиком», она убила его! – так сквозь слезы много лет назад говорила мать.

Людмила признала в старушке то, чем пугали девушку всё детство...

Еще недавно, часов пять назад, Мила заглянула в зеркало на двери купе и задалась мыслью о том, почему она маленькая, а тело её полненькое и словно сплющенное. Ей было неясно, а теперь всё встало на свои места. Она такая, потому что так выглядят все молоденькие тролли.

Лишь до определенного возраста Мила будет похожа на человека, в двадцать пять лет её миленькая мордашка превратится в отвратительную пасть. Пока есть молодость и смазливое личико, нужно заманивать людишек типа Сергея, чтобы однажды сожрать.

С ней случилось вот что: она забыла свои вчерашние дни, начиная с рождения, и вспомнила новое прошлое.

Почувствовав себя троллем, она захотела наброситься на Сергея, чтобы перегрызть горло, повалить его на грязный пол подземного перехода, а потом, откусывая по кусочку от тела молодого человека, запихать всего в утробу, но старушка снова позвонила в колокольчик, и Мила не посмела съесть Сергея.

«Враг с серебряным колокольчиком» представлял силу, против которой у троллей не было власти. Девушка побежала прочь по переходу.

На лестнице её ждал Новиковский.

– Тебе со мной, – сказал он просто.

Максим подхватил девушку, взвалил на спину и пошел с ней, ускоряя шаг. Скоро он уже бежал, а Мила поняла, что её похищает, тащит в свою нору такое же, как она, чудовище. Она была в восторге!

Отец Милы был словацким троллем, он влюбился в маму, когда та была с геологической экспедицией в горах Чехословакии: он долго следил за людьми, а однажды ночью пришел в лагерь и растерзал мужчину, который ночевал с ней. Женщина от страха упала в обморок, и, пока она лежала, тролль тихо жрал съестное в палатке, он даже сжевал заварку, потом чудовище взвалило на плечи бесчувственную женщину и понесло её по тропам вверх.

В пещере он жил с ней, как с женой, почти год, но каждый день помнил неотвратимое – пройдет двенадцать месяцев и самка человека превратится в безобразное нечто, она станет горным троллем, таким же, как и он сам. Муж не хотел портить лицо и тело супруги, он решил обхитрить древний закон и отпустил женщину домой. Ему хотелось жить с женщиной, а не с тролльчихой.

На прощание он откусил жене палец, чтобы помнила и не изменяла, чтобы ждала, а главное, чтобы найти её по запаху плоти, крови, испарины или слез. Теперь он чуял её за тысячи миль.

Она ушла, он затосковал и через месяц не выдержал, ринулся следом. В пещере тролль жил четыре тысячи лет, но забыл своё жилище через мгновение.

Чудище шло по подземным пещерам, катакомбам, шахтам, оно пробиралось из Словакии в столицу СССР. Под Киевом и под Москвой он попадал в странные подземелья, которые люди называли «метро». Его пугал не шум поездов, не яркий свет, – неприятно удивляло, что под землей, в месте гномов и троллей, ходят люди. На глаза он им не показывался, прятался. Злость брала своё, он незаметно убил троих в Киеве и одного в Москве. Хотя, в общем-то, последнего он придушил случайно, столкнулся в тоннеле, тот что-то починял, тролль выхватил у человека разводной ключ и проломил голову. Не было выбора, а если откровенно, то в московском метро было не до убийств – явственно чувствовался запах жены, чудовище жаждало поскорее её полапать и облобызать, страсть заставляла его торопиться.

Тролль нашел нужную квартиру через час, отсиделся, пока стемнеет, в подвале, потом влез через окно и сразу по-хозяйски забрался в постель. Она будто ждала его: не удивилась, поддалась вперед, вся трепетная, страстная... Тролль понял, ей тоже нравится быть с ним, после этого он твердо решил, что никогда не съест эту женщину, даже если очень захочется. А еще – о счастье! – теперь они могли больше не расставаться. Проклятье миновало: прошло больше года, роковой день позади, теперь можно не бояться.

Скоро самка человека родила ребенка, он назвал девочку Милослава, подразумевал, что та будет «милая и славная», хоть и тролль. Жена называла дочь по-русски Людмила, так ей было привычней.

Милочка помнила, как она была еще маленьким троллем, как лежала в своей кроватке, а папа подходил и осторожно заглядывал одним глазом через деревянное ограждение, завешенное одеялом. Она видела лишь половину лица тролля и его большой круглый горящий глаз, но не боялась, инстинкт говорил ей, что он неопасный, потому что не чужой, а свой. Девочка тянула ручки и пыталась ухватить существо за нос, но лицо тут же исчезало, как будто его и не было.

Да, она тролль! Мила вспомнила про себя то, что она злобный тролль! (Хотя еще недавно помнила совсем другое прошлое...) Она тролль! Именно поэтому Мила боялась полюбить и ненавидела влюбленных людей! Злые существа и духи боятся светлых чувств. Именно поэтому, когда она читала книги, то хотела быть на стороне зла, Мила обожала подонков и желала быть с ними близка, как женщина, а таких как Сергей она должна съесть.

Отца убила древняя старуха, «враг с серебряным колокольчиком», и всё это произошло, потому что он полюбил. Тролль не должен привязываться ни к себе подобному, ни к человеку, ни к какому-нибудь другому существу, но её отец потерял бдительность и полюбил, и поэтому превратился в человека, старуха превратила его, потому что: «Злые духи боятся любви!», а полюбив, тролль перестал быть троллем.

Мила помнила, как убивалась мать: «Убийца! «Враг с серебряным колокольчиком», она убила его!»

Превратившись, бывшее чудовище стало привлекательным молодым человеком, он пожил с ними еще немного и ушел: её некрасивая мать была хороша только для тролля, человек же мог найти себе самку лучше. Он разлюбил мать, но не превратился назад! Мила всегда сожалела об этом, как и её мать.

Дух любви, старуха с серебряным колокольчиком, сломал жизнь её матери. А вот она, Мила, будет счастлива, потому что она встретила своего тролля!

Новиковский принес девушку в квартиру Хлои. Он положил её прямо на могилу, на мраморную плиту. Какая-то пелена стояла перед глазами девушки. Сначала она думала, что это всё от слез, но потом поняла.

«Белый дым...»

Она на секунду вспомнила другое прошлое, как она бежала по лестнице в квартиру от чего-то сверхъестественного, как боялась злого присутствия в комнате... Она поняла, кого боялась – злого человечка с зубами-иголками, ожесточенного духа, который приходит белым дымом и высасывает жизнь...

Но тут же Мила забыла всё и помнила лишь, что она тролль, а белый дым часто ходит вместе с такими, как она. Эта сущность нечто вроде собаки у людей. Мила почувствовала себя вернувшейся домой.

И с тех пор она жила в этом страшном месте, у могилы, со своим мужем троллем – Максимом Новиковским. Веки вечные.

А Сергей с Хлоей пили чай у камина. Всем было хорошо.

История вторая (альтернативная)

Они шли по подземному переходу и думали примерно об одном и том же – о Ховринской больнице, – все кроме Новиковского, который не умолкал ни на минуту. Он говорил гадости об общих знакомых и делал это с извращенным удовольствием. Мила один раз попыталась его оборвать:

– Ну не тринди уже, как радио! Новиковский ФМ!

– Трын-трин-трин, – ответил он и гаденько улыбнулся.

Сергею казалось, что нет другого выхода, кроме как побывать в Ховринской больнице, тогда он освободится от страхов и ужасных снов. Эта мысль засела в нем, как кол, и не давала думать ни о чем другом.

Не дойдя три метра до нишей с серебряным колокольчиком и, тем самым, изменив свою судьбу, он сказал:

– Давно хотели в Ховринскую больницу сходить. И всё никак не сходим.

Глаза Новиковского заблестели от злобы, но ответил он на удивление миролюбиво:

– Идемте, фунтики, сейчас. Всё равно воскресенье и делать нечего.

Людмила поняла, что думает о Ховринской больнице уже минут пять.

«Сережа как будто мои мысли читает...» – удовлетворенно решила она и тут же сделала вывод: это потому, что он её любит.

Она так же, как и Сергей, считала, что нужно пойти в ховринский недострой: хоть и было страшно, там мог её встретить СМОТЯЩИЙ ИЗ ТЕМНОТЫ, но страх надо перебороть, она понимала. ОН в любом случае когда-нибудь встретит её: если это случится сегодня в больнице, то она хотя бы будет не одна.

– Мила, ты не против? – спросил Сергей.

– Нет.

Хлоя согласно кивнула, хоть у нее и не требовали. Она, с одной стороны, не смела спорить, потому что сейчас больше всего боялась остаться одна; с другой стороны, после пережитого ужаса поход в больницу не казался ей значительным событием.

Они пошли к метро.

Если бы не легкое помешательство, которое по воле каких-то потусторонних сил овладело четырьмя молодыми людьми, то этот поход им бы показался безумным. Они даже одеты были в шорты и футболки; Хлоя, хуже того, вообще шла к проклятому недострою в вечернем платье и в туфлях на высоких каблуках.

Здравый человек, раз уж ему необходима такая экскурсия, предпочел бы всему джинсы, плотную рубашку и закрытую обувь типа гриндерс, но они об этом даже не думали.

На эскалаторе, когда спускались под землю, в поезде, а потом и в автобусе ехали молча, а когда достигли цели, то каждому почудилось, что к больнице их перенесла невиданная сила за один миг.

Недострой, казалось, высился над спальным районом, хотя был выше окружающих его домов всего на пару этажей. По периметру его отделяла колючая проволока, в которой зияли проломы. Лазы были сделаны как будто специально, чтобы заманивать подростков, ну и вообще пытливых людей, внутрь.

Помешкав, они шагнули через большую дыру в ограде, и вдруг каждый из них почувствовал одно и то же: укол в сердце тонкой спицей.

«Зачем я здесь?» – подумал каждый.

Они смотрели вокруг удивленно, словно проснулись в незнакомом месте и теперь хотели понять, как попали сюда? Волшебство рассеялось.

Максим, Сергей, Мила и Хлоя смотрели вперед и видели лишь недостроенное здание, пустое, громоздкое, высокое. Оно им не казалось таинственным и опасным; грязным, нелепым, вызывающим отвращение – да, но ни в коем случае не страшным.

Они поплелись к больнице, и каждый понимал, что делает это по инерции, хотя идти туда незачем.

Где-то загавкала собака.

Сергей вспомнил, что больница охраняется, попасться охране не хотелось. Их бы повезли в отделение милиции, принялись бы вымогать деньги.

У подъезда валялись осколки кирпичей, размокшие пачки из-под сигарет, замызганные пластиковые бутылки, обертки шоколадных батончиков, окурки. Они прошли до лестницы и поднялись на три пролета. Внутри больницы пахло пылью. Двигались наобум и случайно повернули в комнату, где на полу лежали коробки и в углу на вонючих старых одеялах спали люди. Некоторые бомжи настороженно приподнялись.

Так вот обиталищем каких «злых сил» оказалась Ховринская больница.

Росказни о темных духах оказались бредом, как впрочем, и о том, что после нескольких самоубийств это место усиленно охраняется.

Новиковский почувствовал легкость. Злыдня больше в нем не было.

В следующей комнате под ногами захрустела яичная скорлупа. Это показалось удивительным...

Комната покрыта толстым слоем скорлупы.

– А, я понял, – вспомнил Сергей. – Это яичная палата. Читал про неё в Интернете. Бомжи где-то разжились огромным количеством яиц, и ели их тут, а убирать за собой не хотели.

– Понятно, не хотели. Бомжи же, – сказал Новиковский.

– Очень мило, – отозвалась Хлоя.

Мила молча прижалась к Сергею. Люди постояли в нерешительности. Делать тут было нечего, но уходить быстро тоже как-то странно. Зачем столько было сюда идти?

– Давайте на крышу поднимемся, говорят, там вид на район открывается. На мобильник пощелкаем, – рассеянно предложил Максим.

– Да какой там вид может быть, – отмахнулся Сергей.

Но они всё равно пошли наверх.

Крыша была изрисована граффити. Во все стороны действительно открывался вид на спальный район, и кому-то это могло показаться красивым. Люди остановились у одного из ограждений, как вдруг почувствовали ужас. Кожу покалывало, словно от электрического разряда, волосы зашевелились. Сергею даже показалось, что он видит в волосах Милы искорки.

Ощущение нереальности происходящего, вера в потустороннее – вернулись. Люди как будто сначала прошли в измерение, где Ховринка была простым недостроем, потом вернулись туда, где больница проклята и несет смерть... Кто-то шел к ним...

Мила и Хлоя закричали. К ним двигались двое, тела их были аморфные, полупрозрачные. Они остановились и помахали руками, подзывая к себе, и тут молодые люди всё вспомнили, и вздох облегчения вырвался у них...

Они подошли, куда указывали привидения, и всё закончилось.

Глава четырнадцатая

В мире...

И всё встало на свои места: то, что они призрочно ощущали, – сбылось. А именно...

Очень необычно чувствовал себя Сергей каждую ночь. За мгновение до сна парень вдруг понимал что-то главное. Иногда он пытался ухватить это, дабы осмыслить, но оно разваливалось. Состояние было похоже на преддверие сумасшествия.

Иногда ему казалось – он понимает, откуда оно берётся. От разочарований.

Первое разочарование пришло, когда Сергею было три года. Ему сказали, что он умрет, и после этого в нем словно что-то разбилось, а из трещин полезли страхи. Его утешали бабушка и дедушка, они говорили, что он совсем маленький, и ему еще жить и жить, поэтому о смерти думать не стоит.

Но они не понимали, что Сергей не хотел жить долго, он хотел вечности. Тогда он научился бояться мрака и холодной могилы, – взрослые предупреждали, что через десятки лет его ждет небытие, и от этого он боялся жить. И вот уже, когда он вырос, перед сном, из какого-то высшего информационного поля Сергей выхватывал истину, которую он уразумел так: человек предназначен для счастья, безопасного существования, и он бессмертен.

Каждую ночь он слышал чьи-то голоса, каких-то доброжелательных людей: они объясняли ему, в чем дело и почему он не должен бояться умереть. Их слова заставляли его вспомнить о том, что он вечен, и ему становилось радостно, потом всё ускользало туда, куда Сергей не мог идти, в темную пропасть.

Он всё забывал. Истина не давалась ему. Он пока не мог последовать за ней.

Со временем Сергей понял, что не нужно стараться осмыслить эти галлюцинации, их можно почувствовать и попытаться оторвать кусок и так, частями, втащить в реальность. Иногда это получалось, и он кое-что понимал.

А теперь вдруг вспомнил всё, потому что вернулся.

Он словно снял с фокуса своего сознания пыльную пленку и увидел мир в полный цвет: реальность, не искаженную «интересной игрой», Сергей наконец-то вспомнил, что человек бессмертен, а его жизнь – это счастье, счастье, счастье. Непроходящее, нетленное вечное счастье. И скука.

Игру они называли – ВЕЧНАЯ ТЕМА. Это единственное, что спасало от адской тоски, от надоевшей вечности и от счастья. Хотя после возвращения из игры в реальность счастье казалось долгожданным, а обыкновенный порядок жизни – чем-то нереальным, новым.

Сергей медленно приходил в себя, вспоминал пережитую игру и удивлялся большой, а скорее большой, фантазии людей, придумавших её.

Потом он вспомнил, что придумал игру вместе с друзьями: Максимом, Володей, Людмилой, Аней, Валентиной, Дашей, Антониной. Помогали еще люди, которые раньше играли в их компании, а теперь играют в другой.

Друзья сейчас лежали в комнате на креслах в виде уютных плюшевых медведей, лицом вниз, лбом прикасаясь к магнитному контакту, который транслировал сценарий игры в мозг.

Светильники на стенах светились еле-еле красным. Люди с трудом приходили в себя, они пытались понять, куда попали на сей раз, и, узнав в полутьме знакомую квартиру, успокаивались. Кто-то пытался встать сразу, кто-то отлеживался.

ТЕМЫ изменялись постоянно и с каждым разом становились всё ярче, ощутимей, не оставалось почти никаких шансов вспомнить в игре, что это игра, а главное, ТЕМА становилась всё безумней.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ИГРАЕШЬ, ТЕМ РЕАЛЬНЕЙ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ В ТЕМЕ, КАКОЕ БЫ БЕЗУМИЕ В НЕЙ НЕ ПРОИСХОДИЛО.

Сколько необычных фантазий воплотились в МИРОВУЮ КОНЦЕПЦИЮ ИГРЫ. Миллионы миллионов.

Например, чего только стоит флора и фауна миров ТЕМЫ. Кто-то из авторов придумал нечто ползающее и жалящее – и назвал животное «змея», – или многолапое, агрессивно окрашенное – «паук». Другие фантазии не менее странные: в некоторых мирах можно было съесть ягоду и исчезнуть навсегда. «Умереть».

Это нелепо, но там, когда ты в ТЕМЕ, это вызывает не удивление, как сейчас, а страх, а иногда и ужас. Только придумав ТЕМУ, люди научились бояться. Это спасает их от скуки вечного счастья.

Сергей включил яркий свет. Пока друзья возвращались в реальность, он подошел к небольшому окну в конце длинной комнаты. Яркое солнце освещало зеленый-зеленый лес. Он провел рукой по цветку, который рос в горшке на подоконнике, – пыль, осевшая на лепестках, не прилипла к его пальцам, не пачкалась, как это было бы в любом из миров ТЕМЫ, в реальности она лежала на коже крупинками, золотившимися на солнце. Крупинки пыли были прекрасны, как и всё в реальном мире! Сергей был дома и был счастлив, что вернулся в нормальный предсказуемый мир!

– Мало поиграли, – сказал Максим Новиковский сонно.

– Давай еще, – хрипло предложила Мила. – Ты как?

Хлоя кивнула и сладко потянулась, сознание её вернулось из игры только наполовину.

Вадим, Миша и Александра еще не очнулись: их роль в прошлой ТЕМЕ – «наблюдатели», они были духами мира и должны изредка вмешиваться, когда игра становилась недостаточно интересной. Они могли видеть всю игру, летать по улицам, заглядывать во все дома, и они иногда вспоминали о том, что игра – это игра. Хотя большую часть игры были в образе. Сергей раньше тоже любил быть наблюдателем-духом, но с недавнего времени ему наскучило, и он выбирал роль персонажа.

Сергей смотрел на лес: они не выходили из квартиры уже несколько месяцев.

Никто не помнил, кто придумал играть, – это было очень давно. Существовало две версии:

Первая: Так было всегда.

Вторая: Когда-то давно люди верили, что наступит Конец Света, его назначали много раз, но он не приходил. Вместо этого медицина и техника развивались, и вскоре люди стали несильными и бессмертными. Так мир стал уютным, но скучным.

Оставалось только играть. Миры моделировались автоматически из представлений о прошлом, из мифов и фантазии игроков. Многие хотели пострашнее и потруднее. Все миры были связаны, запараллелены Интернетом, все игроки имели своё игровое имя, например, у Сергея оно было writer. При желании в мирах, если знать имя, можно связаться с любым игроком, через Интернет. А если знать пароль мира, то можно странствовать по параллелям, не выходя из игры.

– Давайте играть! – сказал Новиковский.

Уже все пришли в себя. И тут же засобирались в новую игру.

– Играйте, – Сергей вышел из комнаты, он решил прогуляться.

А остальные решили зайти в ТЕМУ «МИСТЕР МАЙКА». Хлое очень нравились сказки об Англии.

Мистер Майка

«Максим Новиковский иногда бывал хорошим мальчиком, а иногда плохим, и когда он бывал плохим, то уж из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

– Ах, Максим, Максим, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, не то тебя мистер Майка заберет!

Но всё равно, когда Максим бывал плохим мальчиком, он обязательно убежал со своей улицы. И вот раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понес к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Максима из мешка, поставил на пол и ощупал ему руки и ноги.

– Да-а, жестковат, – покачал головой мистер Майка. – Ну да всё равно, на ужин у меня ничего больше нету, а если тебя отварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем горький. Хлоя! Ты слышишь? Поди сюда, Хлоя! – позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

– Чего тебе, дорогой?

– Вот мальчишка – это нам на ужин, – сказал мистер Майка. – Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

– Не беспокойся, милый, – ответила миссис Майка, и мистер Майка ушел.

Тут Максим Новиковский и спрашивает миссис Майку:

– А что, мистер Майка всегда кушает на ужин мальчиков?

– Частенько, миленький, – отвечает ему миссис Майка. – Конечно, если мальчики плохо себя ведут и попадают к нему под ноги.

– Скажите, а нет ли у вас чего-нибудь другого на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга? – спросил Максим.

– Ах, как я люблю пудинг! – вздохнула миссис Майка. – Только мне так редко приходится его кушать.

– А вы знаете, моя мама как раз сегодня готовит пудинг! – сказал Максим Новиковский. – И она вам, конечно, даст кусочек, если я её попрошу. Сбежать, принести вам?..»

NEW GAME

Акцент второй. Техника. Люди как люди

Антон Первушин Критерии подобия (из цикла «Открытие космоса»)

[Граничные условия]

Максим Левин, номер шестой (расшифровка аудиозаписи)

Знаете, я не из пугливых. Серьезно! Да и с чего? Если б было иначе, меня и на пушечный выстрел к «Внеземелью» не пустили бы. А тем более к Отряду. Даже Владимир Николаевич не помог бы. Придумали бы что-нибудь. Типа врожденная патология, предрасположенность к болезни Менъера, мало ли. На отказать наши лекари – большие выдумщики. Так что если бы что такое нашли, какую-нибудь фобию, отправили бы в ЦУП операторствовать без разговоров...

Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз боялся по-настоящему. То есть до дрожи и липкого пота... Десять лет мне было, не больше. Пансионат «Айвазовский» на южном берегу Крыма. Нас всем лицеем поселили там на полтора месяца. И я впервые оказался в общей комнате с тремя такими же пацанами. Непривычно поначалу было, но вписался – подростки быстро к таким вещам привыкают. Тем более что с ребятами этими я учился и дружил. Но тема сейчас не об этом. Отдыхали мы славно. Море в двух шагах, платаны, кипарисы, кактусы, легко представите. Единственное было – воспитатели решили, что мы за компами пересиживаем, а это вредно, и ввели строгое ограничение на доступ к сетям. Не больше двух часов в сутки. Реально глушили все каналы блокираторами. Поэтому после отбоя ни фильм не посмотришь, ни в командную стрелялку не порубаешься. А все живые и озорные. Спать совсем не хочется. Сначала делились впечатлениями. Потом обсудили какую-то игру. Потом и это наскучило. И кто-то предложил рассказывать страшные истории. Знаете, наверное?.. Дети придумывают разные страшилки. Обычно нелепые. О родителях-людоедах, о бомжах-мутантах, о красной перчатке и черной простыне, про гроб на колесиках. Тут и завелись все. А я, честно говоря, ничего такого раньше не слышал. Меня эта культурка обошла, совсем тепличный цветок. И принял байки за чистую монету. И вот представьте. Летний душный вечер, почти ночь. Шорох прибоя. Ароматный воздух. За окном тускло горят фонари. Приятели тихим шепотом обмениваются байками, одна страшнее другой. Причем каждый раз особо предупреждают, что история настоящая. И у окна лежу я – едва жив от ужаса. Обхватил плечи под одеялом. Стынул зубы, чтобы не закричать. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Смешно вспоминать. На следующий день я разболелся. Температура поднялась, сыпь какая-то выскочила. В общем, отправили меня в карантин, а потом и Владимир Николаевич приехал, забрал. Я, конечно, не жаловался, но после тех каникул он занялся мной всерьез. Гимнастический клуб, авиамоделизм, картинг, астрономическая секция, радиodelo, автомастерская. Потом дошло и до парашютных прыжков, и до дайвинга, и до экстремального туризма. Вообще юность у меня была насыщенная, спасибо Владимиру Николаевичу. Много рискованных случаев, но знаете, никогда я больше не боялся так, как в тот вечер под одеялом...

Иногда, конечно, случались забавные истории, похожие на те детские страшилки. Могу одну рассказать, если вам интересно... Интересно? Расскажу. Дело было в тренажерном комплексе ИМБП. Нашу команду «Плато» запечатали на трехмесячную высидку, тест на совмести-

мость. Как вы знаете, в команде люди опытные, бывалые, а я самый молодой. Они всё шутили, что я у них как бы стажер и должен бегать за пивом для ветеранов. А ведь из комплекса никуда не убежишь. Так и закрепилась эта фразочка. Дескать, пошлем стажера за пивом. Означает, что нужно быстро придумать какой-нибудь экстраординарный ход и спасти ситуацию... Ситуации нам подкидывали разные, да. То пожарная тревога, то обесточат лабораторный модуль и надо через лунную камеру тянуть временные кабели. Но это всё рутина. Я не дурак и прекрасно понимал, что старички мне испытание устроят. Типа прописки. И ждал, конечно, подвоха. И дождался.

Помню, началось это на десятый день нашей изоляции. Точнее, на ночь. Я спал в личном отсеке. Громкое название – отсек, на самом деле это комнатка три на два метра, но зато изолированная. Вполне позволяет почувствовать себя в одиночестве. Это, как вы знаете, в космических экспедициях немаловажно. В общем, разбудило меня что-то. Какой-то посторонний звук. Со сна я даже не смог понять, что это такое. Потом дошло. Тихое ритмичное постукивание. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Я проснулся. Сел на кровати, включил освещение, огляделся. Постукивание сразу прекратилось. И сколько я ни вслушивался, ничего больше не уловил. Как отрезало. Я залег обратно. Думаю: ну нормально, постучало и хватит. Только на часы глянул – было начало второго по московскому. А ближе к утру меня снова торкнуло. Проснулся и слышу: тук-тук-тук, тук-тук-тук. На этот раз я вскочил резвее. Снова свет, и вокруг озираюсь. Сориентироваться попытался. Вроде бы, эти тук-туки идут со стороны стенки, которая в изголовье. Пока соображал, опять прекратилось. Я обследовал стенку. Ну и что в ней такого особенного? Перегородка из гипсокартона. Разделяет личные отсеки. Со стороны изголовья находится отсек Артема Ореха. Тут я задумался. Орех – штатный врач и психолог нашей команды. И относится он ко мне неоднозначно. Это я увидел сразу. Ему вполне хватило бы наглости устроить мне психологический тест, испытать на прочность. Приняв эту гипотезу за основную, я успокоился и снова завалился спать. Утром, за завтраком, я уселся напротив Ореха и рассматривал его более внимательно, чем допустимо приличиями. Он невозмутимо ел. Иногда только зыркал в мою сторону, но без озорного огонька. Я засомневался. Может, мне всё приснилось? А следующей ночью тихий стук повторился. Причем опять ровно в час по Москве. У меня сработал внутренний будильник. Я проснулся за несколько секунд до начала и слышу: тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук. Раз уж не могу это прекратить, решил сделать замеры. Подсчитал, что тук-туки воспроизводятся с частотой в две секунды. Продолжительность цикла – сорок секунд. Ближе к финалу учащаются, затем стихают. Второй цикл начался ровно в пять и был идентичен первому. Я забеспокоился. Версий было две. Либо Орех настроился вывести меня из равновесия и делает подлянку строго по графику. Либо тут что-то совсем другое, и оно с провокациями и тестами никак не связано. А что другое?..

Я, конечно, знаю о психологических феноменах, которые возникают у отдельных людей в изолированном пространстве. По сурдокамерам большой экспериментальный опыт накоплен еще во времена Гагарина и Армстронга. Испытуемые, которые в них сидели, то глюки разные видели, то слышали странные шумы. Но это ведь при полной изоляции, когда в условиях информационного голода начинается изменение сознания. А в тренажерном комплексе какой голод? Наоборот, каждый вечер я чувствовал себя немного утомленным от болтовни коллег, от распоряжений и поручений. Спать бы и спать. Но следующей ночью всё повторилось. Тук-тук-тук, тук-тук-тук. В час и в пять... Прямо «Пестрая лента», да...

Утром я подумал и решил, что стуки имеют механическую природу. Человек вряд ли способен с такой скрупулезностью мотать душу другому человеку. Разве что выродок какой. Но Артем Орех, хоть и были мелкие шероховатости в наших отношениях, на выродка не тянул. Но если стучит какая-то механика, значит, где-то есть техническая проблема... На четвертый день после начала тук-туков я доложил о происходящем нашему командиру – Виктору Скобелеву. Тот задал пару уточняющих вопросов и сразу пошел ко мне в личный отсек. Тут я и увидел, что

командир – настоящий мастер. Он осмотрелся, снял ботинки, влез на мою кровать. Вытянул руку и коснулся пальцами решетки, закрывающей вентиляционное отверстие. И я услышал: тук-тук-тук.

– Оно? – спросил Скобелев.

– Оно, – ответил я.

Вот так и выяснилась причина загадочных тук-туков. Оказалось, два из четырех шурупов, которые удерживали решетку, чуть вывернулись из резьбы. В час по московскому вентиляционная система переходила на ночной режим работы, в отверстиях возникал легкий протиток – он и толкал решетку к стене. А основной поток ее тут же отталкивал. Решетка хлопала и появлялся стук. В пять утра система выходила на нормальный режим, и всё повторялось. Достаточно было подвернуть шурупы, и тук-туки прекратились. Всё прозаично. Скобелев проблему вычислил, потому что сразу увидел совпадение между временем тук-туков и периодами смены режимов работы вентиляционной системы. А в совпадения он не верит и всегда докапывается до сути. Еще и поблагодарил меня за бдительность. Работать под его руководством – одно удовольствие, да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.